

vk.com/fashionable_library

Сломленные

роман-искупление

Лорен Лэйн

Данная книга
предназначена только для
предварительного
ознакомления! Просим вас
удалить этот файл с
жесткого диска после
прочтения. Спасибо.

Лорен Лэйн
Сломленные
«Искупление # 1»

A romantic couple embracing. The man is on the left, wearing a white shirt, and the woman is on the right, wearing a black top. She has long, wavy blonde hair and her arms are around his neck. The background is a soft, out-of-focus indoor setting.

vk.com/fashionable_library

Сломленные

роман-искупление

Лорен Лэйн

Оригинальное название: *Lauren Layne «Broken» (Redemption #1), 2014*

*Лорен Лэйн «Сломленные»
(Искупление #1), 2018*

Переводчик: *Шиповник*

Вычитка: *Наташа Костешева*

Обложка: *Врединка Тм*

Перевод группы:

http://vk.com/fashionable_library

*Любое копирование и
распространение*

ЗАПРЕЩЕНО!

*Пожалуйста, уважайте
чужой труд!*

Аннотация.

Когда Оливия Миддлтон отказывается от гламурной Парк Авеню в пользу прибрежного города в штате Мэн, все принимают её за добродетельницу, каковой она всегда и была. Но у Оливии есть секрет: помощь пострадавшему ветерану войны, вернувшемуся в общество, — не благотворительность, а покаяние.

Только клиент Оливии — не благодарный пожилой мужчина, как она ожидает. Им оказывается двадцатичетырёхлетний мрачный молодой человек, который не имеет никакого намерения стать шансом

на спасение Оливии...

И он тот, чей тлеющий взгляд и запретные прикосновения могут её погубить.

Полу Лэнгдону не нужно зеркало, чтобы увидеть, что он уже не тот квотербек-сорвиголова, которым был до войны. Он знает, что уродлив — как внутри, так и снаружи. Он сделает всё, чтобы остаться в добровольном изгнании, даже примет ультиматум отца: ему придётся терпеть нового опекуна, который будет ухаживать за ним три месяца, иначе он потеряет своё наследство. Но Пол не рассчитывал на красавицу-опекуна двадцати двух лет, которая заставляет его

желать то, чего он никогда не сможет иметь. И чем больше она прорывает его оборону, тем сложнее ему становится держать дистанцию.

Теперь Пол и Оливия должны решить: смогут ли они помочь друг другу исцелиться? Или они сломлены навсегда?

Оглавление

Лорен Лэйн

Любое копирование и
распространение ЗАПРЕЩЕНО!

Аннотация.

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвёртая

Глава пятая

Глава шестая

Глава седьмая

Глава восьмая

[Глава девятая](#)

[Глава десятая](#)

[Глава одиннадцатая](#)

[Глава двенадцатая](#)

[Глава тринадцатая](#)

[Глава четырнадцатая](#)

[Глава пятнадцатая](#)

[Глава шестнадцатая](#)

[Глава семнадцатая](#)

[Глава восемнадцатая](#)

[Глава девятнадцатая](#)

[Глава двадцатая](#)

[Глава двадцать первая](#)

[Глава двадцать вторая](#)

[Глава двадцать третья](#)

[Глава двадцать четвёртая](#)

[Глава двадцать пятая](#)

[Глава двадцать шестая](#)

[Глава двадцать седьмая](#)

[Глава двадцать восьмая](#)

[Глава двадцать девятая](#)

[Глава тридцатая](#)

[Глава тридцать первая](#)

[Глава тридцать вторая](#)

[Глава тридцать третья](#)

[Глава тридцать четвёртая](#)

[Глава тридцать пятая](#)

[Глава тридцать шестая](#)

Глава первая

Оливия

Только на Манхэттене родители могут устроить вечеринку в честь того, что их дочка бросила колледж. И только жители верхнего Ист-Сайда так умело выпендриваются.

Говоря по справедливости, приглашённые *не признают* бросающих учёбу. Глупее поступка быть не может. Ну, в смысле, это же Нью-Йорк. У людей стандарты. Во всяком случае, пока другие смотрят.

И вот так двенадцатидолларовые приглашения закрутили целую катастрофу «проводов Оливии Элизабет Миддлтон». Действительно, проводов.

Место назначения? Бар-Харбор, Мэн.

Причина? Благотворительные начинания.

Кхм. Не *совсем*. Ну, они хотя бы выбрали подходящий город, пусть это немного и смахивает на шутку. Это не совсем Руанда или Гаити, или

любое другое место, куда Оливия Элизабет Миддлтон *изначально* собиралась отправиться с намерением сохранить мир. Но, когда твои родители знают кого-то, кто знает того, кто знает *всех*, ты лучше отправишься к тому, кто нуждается в помощи поближе к дому. Например, в Бар-Харбор, штат Мэн.

В чём творить-добро мотивация? Абсолютная ерунда. Кому как не мне это знать.

Смотрите, *Я*, Оливия Элизабет Миддлтон: бросила НЙУ, скоро стану

президентом Middle-of-Nowhere.

И позвольте Вам сказать, что мои причины не имеют ничего общего с благотворительностью. Я не хорошая. Даже близко нет. И, конечно, я не заслуживаю долбанной вечеринки за то, что сделала.

Но я Миддлтон. Как раз вечеринками мы и *занимаемся*. И сейчас я считаю себя чертовски везучей, ведь мне удалось уговорить свою мать, ледяное воплощение Мать Терезы.

Вот только жаль, что это было

шуткой.

Итак, вот она я, одетая в новенькое коктейльное платье от Версачи, пытаюсь заставить поверить всех в то, что меня укусил филантропский жук, как раз в выпускном году университета.

И как же угнетает что, кажется, все готовы это проглотить. *Хорошая работа, Лив! Так гордимся тобой, Оливия. Прекрасная от и до.*

Ужас.

Видимо, только моя лучшая подруга не купилась на это:

— Ты же не серьёзно, Лив. В смысле, где ты будешь осветлять свои волосы в Мэне?

Какая-то часть глубоко внутри меня хотела накричать на старую подругу, упрашивая её перестать быть такой поверхностной. Но другая часть, — та, с которой я знакома ближе, — умирала от желания схватить её за плечи и устроить «*О-Боже-мой-я-знаю!*» встряску. Потому что, честно говоря, я провела много времени в мыслях о том, как, находясь в Мэне, препятствовать

возвращению своим волосам их естественного грязного цвета, говоря «прощай» светло-медовому.

У меня и у Беллы Каллинэйн был один и тот же парикмахер с тех пор, как наши матери решили, что мы уже достаточно взрослые, чтобы узнать о мелировании. Нам было по тринадцать. Но неразлучными мы стали задолго до этого. Она была милой брюнеткой в контраст мне, классной блондинке, все двенадцать лет обучения в частной школе. Белла учила меня подкрутке моей юбки-

плета ровно настолько, чтобы быть привлекающей, но не вызывающей, в то время как я обеспечивала ей алиби, когда Тодд Айкин на выпускном вечере уговорил её позабыть о лавандовом платье от кутюр. Даже когда Белла уехала в Фордхэм, а я в Нью-Йоркский университет, мы договорились, что будем видеться хотя бы пару раз в месяц. И до сих пор так и делали.

А когда пару месяцев назад я обрушила на неё прочь-в-Мэн бомбу, она ответила мне, что будет моим

другом, несмотря ни на что (несмотря ни на что, конечно, будет довольно значительным фактом, учитывая, что я не окончу свой последний год, выкинув в трубу три года отработки диплома).

Но в глубине души мы обе знаем, что всё изменилось. Телефонные звонки нее сравнятся с винными ночами по средам. И даже когда мы снова увидимся, у нас не останется ничего общего. Белла будет по колено в учёбе на юрфаке, выбирая между самыми лучшими

юридическими школами, пока я, военный врач, буду мотаться туда-сюда на физиотерапии и уговаривать поесть отдельный гороховый суп, или что бы то ни было, раздражительных пожилых людей.

— Я вернусь домой на День Благодарения, — отвечаю я на ужас Беллы, вызванный кризисом моих волос. — Тогда и запишусь.

Моя лучшая подруга кривит глянцевые губы и делает глоток шампанского Теттенже (прим.: «Taittinger») — крошечный, ведь в

шампанском есть углеводы, а Белла живёт в страхе, что её фигура «песочные часы» обретёт шероховатости до того, как она успеет пройти в подвенечном платье второго размера.

— Значит, три с лишним месяца, — заключает она, оглядев мои волосы. — Твои концы смогут это пережить, если не будешь пользоваться утюжком, а корни... уф.

— Может, я смогу носить сумку на голове, — отвечаю я, делая глоток своего шампанского. Большой, чем

позволила себе Белла, ведь я, в отличие от моей соблазнительной подруги, более стройного (поясняю: с плоской грудью) типа, и если генетика моих родителей проявится, моя фигура жерди, скорее всего, переживет мои зубы.

Способность законно пить на частых социальных сборах моих родителей является в значительной степени единственной хорошей новостью, когда становишься старше. Подозреваю, это одна из причин разрешения распития с двадцати

одного года. Будто какой-то мудрый человек знал, что алкоголь станет *де-е-ействительно* полезным на этом этапе вашей жизни. Мне почти двадцать два, и видит Бог, раз или два выпивка меня выручала. Особенно в прошлом году.

— Ты ни за что не догадаешься, кто осмелился показаться, — бормочет мне на ухо моя подруга Андреа. — И он привел её.

Белла и Андреа одаривают меня осторожными наивными взглядами, которыми обмениваются

все, как только мы с Итаном Прайсом оказываемся в одной комнате, и прежде чем понять это, я оказываюсь в окружении своих других четырёх подруг, все как одна на дизайнерских высоких каблуках, в вечерних платьях оттенков драгоценных камней.

Мне не нужно оборачиваться, чтобы узнать, какой девушкой так взбудоражена Андреа, что не обращает внимания ни на кого другого. У новой подружки Итана ярко-выраженный стиль, который

вежливое общество назвало бы «своеобразным», основное же множество снобов — «странным». А в моём окружении нет ничего хуже *странности*.

— Что она, чёрт возьми, надела? — ехидно спрашивает Сара.

Не секрет, что мои друзья попадают под категорию снобов, хотя Белла исключение из неё, большую часть времени. Сара хуже остальных, и вот уже не в первый раз я задаюсь вопросом, почему позволяю ей до сих пор притворяться, что мы друзья.

Зная, что они будут продолжать крутиться вокруг меня, как стая гламурных сторожевых псов, пока я имею дело с вновь прибывшими, я украдкой бросаю взгляд через плечо в ту сторону, где стоят Итан и Стефани, разговаривающие с общим другом семьи.

Моё сердце отбивает чечётку при виде Итана. В серых слаксах, идеально-подобранной рубашке и галстукe от Барбэри он выглядит как всегда великолепно и ухоженно. Со своими тёмно-русыми волосами и

широкими плечами, он больше подходит для Голливуда, чем для делового мира Манхэттена, но, к счастью, у него есть мозги и очарование, с помощью которых он справляется с трудностями среди Манхэттенских акул.

Потом я перевожу взгляд на *неё*.

Доверяя насмешкам на лицах подруг, я ожидала увидеть Стефани в рваных джинсах, леопардовом костюме или в чём-то столь же забавном, но на самом деле она

выглядела мило. Тёмный макияж отлично подчёркивал её большие голубые глаза, а серое платье было бы совсем неприметным, если бы не оранжевый ремешок, опоясывающий её крошечную талию. Она соединила всё это с высокими, потрёпанными на вид сапогами для верховой езды, которые хоть и не совсем отвечают стандартам Верхнего Ист-Сайда, однако позволяют чувствовать себя комфортно.

Конечно, ей комфортно. Она висит на руке парня, за которого ты

думала выйти замуж...

Я отпихиваю стервозную мысль подальше. У меня ушёл не один месяц, чтобы, наконец, осознать — Итан не вернётся. Чёрт, да я сама настояла, чтобы его вместе с новой подружкой пригласили на вечеринку. Родители Итана были лучшими друзьями моих ещё с тех пор, как мы сидели в подгузниках. Я не позволю чему-то вроде предательства перевернуть всё верх дном.

— Ты в порядке, Лив? — тихо спрашивает Белла.

Мой взгляд отрывается от Стефани и Итана:

— Да. Дай мне минутку, хорошо? — я вручаю ей бокал своего шампанского. — И не позволяй им атаковать Стефани, — бормочу своей лучшей подруге.

Однако побег задача не их простых. Меня раз пять останавливали доброжелатели, желавшие сказать мне, что всегда знали, каким добрым сердцем я обладаю.

Ха.

Наконец, у меня появляется возможность налить себе в стакан малиновый чай со льдом. Я поворачиваюсь в сторону лестницы, чтобы на несколько минут заглянуть в свою спальню.

Моя мать хватает меня за руку.

— Куда ты идёшь?

Я указываю на свою обувь за шестьсот долларов от Джимми Чу:

— Мозоль. Просто хочу взять лейкопластырь.

Мамины глаза — те, которые по словам многих людей так похожи

на мои, — сужаются, а хватка на руке ослабевает.

— Все так гордятся тобой, — произносит она с облегчением, выглядя восхищённой. — Холли Шевриц сказала, что не удивится, если когда-нибудь увидит, как тебе вручают Нобелевскую Премию.

Про себя я горько посмеиваюсь, но благодаря годам воспитания в социально адекватной среде, я просто поднимаю брови:

— Надеюсь, ты сказала ей, что это бред.

Мамина улыбка соскальзывает:

— Это не бред. То, что ты делаешь — удивительно. Переехать к чёрту на куличики ради того, чтобы помочь одному из наших травмированных ветеранов.

— Но ведь не к чёрту на куличики, верно? Всего час на самолёте, благодаря вашему с папой вмешательству.

Мама даже не утруждается принять виноватый вид.

— Оливия, милая. Ты бы и дня не продержалась в Сальвадоре или

любом другом городе, где собиралась строить дома. Прямо здесь, в нашей стране, есть множество людей, нуждающихся в твоей помощи. И мы гордимся тем, что ты делаешь.

Я буравлю её взглядом.

— Угу. Так вот почему вы не разговаривали со мной целую неделю, после того как я впервые рассказала вам об этом?

— Мы были в шоке, — отвечает она невозмутимо. — Твой отец и я понятия не имели о том, что ты несчастна в своей бизнес-школе, и,

конечно, мы всегда хотели, чтобы ты возглавила компанию...

В такие моменты я *по-настоящему* жалею, что мои родители представители денег второго-поколения, а вовсе не «старых» денег. Все мои друзья относятся к категории «один богаче другого», но бóльшая часть их семейного богатства происходит из какой-нибудь железной дороги 1800-ых годов или же некой промышленности, доход которой, в какой-то степени, до сих пор играет

значимую роль. Но не в моём случае.

У моего деда был прямо какой-то развивающийся синдром американской мечты, из-за чего он преодолел свою судьбу Среднего Запада, основав весьма уважаемую рекламную фирму. Мой папа продвинулся только за счёт успеха своего отца, и бизнес, как ожидалось, остаётся полностью семейным делом.

А я единственный ребёнок в семье. *Никакого давления.*

— Я всё ещё могу взять на себя

управление кампанией, мама. Мне просто нужно отвлечься от всего этого, понимаешь? Я оставляю Манхэттен либо ради поездки в Хэмптон летом, либо ради январских каникул в Сан-Тропе. Я имею в виду, ты всегда говорила, что хочешь, чтобы я была вроде *тех* девчонок...

Мама качает головой, прерывая меня:

— Я знаю. Поверь мне, я уже достаточно играю в эти общественные игры Нью-Йорка и *действительно* хочу, чтобы ты узнала

большой мир, Оливия. Но ты уверена, что не хочешь остановиться где-нибудь поблизости от дома? Есть возможность в Квинсе, или же...

— Я уже переведена, мам, — перебиваю я мягко. — И Мистер Лэнгдон уже отправил чек, покрывающий все мои дорожные расходы, я дожидаюсь лишь следующей пятницы.

Мама вздыхает.

— Разве взрослый мужчина не может сам обеспечить уход за собой? Как-то странно, что его отец решил

лично всё распланировать.

— Для начала, это ты свела меня с Лэнгдонами. Они подошли. Плюс, Пол — инвалид. То есть, если бы он сам мог позаботиться о себе, уход ему был бы *не нужен*, — объясняю максимально терпеливо. Тем самым я указываю маме, насколько она ничтожна, несмотря на все благие намерения. Она не знает никого, кто вернулся бы с войны даже с куда меньшими ранениями.

Всё далеко не так. Парк Авеню

определённо не кишит
американскими вооружёнными
силами.

— Ну, — говорит мама, глубоко
вздыхнув и перекидывая прядь моих
длинных волос мне за плечо, — нам
повезло, что у него будет такая
красивая девушка, как ты, способная
о нём позаботиться.

Я блекло улыбаюсь. Эту песню
крутят все, кому не лень, весь вечер,
и она уже успела мне надоесть. Не
только потому, что это снисхождение
к бедному парню, но и потому, что я

представлялась своего рода милой святошей.

Только два человека в этом доме знали настоящую правду обо мне. И моя мама не входила в их число.

— Поскорее возвращайся, — говорит мама. — Остины сказали мне, что у них так и не появился шанс переговорить с тобой.

Наверное, потому что я избегала их. Анна-Мария Остин — сплошной источник едких сплетен, которых я избегала как чуму

последние месяцы, а Джефф Остин слишком долго пялится на мою грудь.

— Я быстро, — отзываюсь, прежде чем взбежать по винтовой лестнице за воображаемым лейкопластырем. Мои ноги давно привыкли к натиранию туфлями и волдырям. Что говорит о моём желании — *необходимости* — провести пять минут наедине с собой. Шанс побыть вдалеке от всеобщего неуместного заискивания и разрушающего давления в груди

при каждом взгляде на Итана.

Но моя спальня оказывается не таким уединённым святилищем, каким я себе его воображала. Вовсе нет.

Подпрыгнув от удивления, я понимаю, что какая-то часть меня была вовсе не удивлена его появлением здесь. *Его* появлением — айсберга, разрушившего всю мою жизнь. До странного нормально, что он всё ещё окружал меня, наблюдая за тем, как я опускаюсь. Теперь в этом доме три человека, знающих

правду обо мне.

— Майкл, — произношу я, стараясь удержать голос спокойным. Вежливым. Ведь я всегда вежлива.

— Лив.

Майкл Сент-Клер — один из тех симпатичных, хорошо выглядящих парней, которые привлекают друзей — и девочек — как магнит. Невероятная укладка волос, сделанная в салоне, стоит столько же, сколько укладка моих, а его слегка золотистая кожа — подарок многочисленных

итальянских генов со стороны матери. Сколько я себя помню, он числился одним из моих лучших друзей.

Миддлтоны, Сент-Клеры и Прайсы на протяжении долгих двадцати лет занимали твёрдые позиции на вышке общества Нью-Йорка. Наши с Майклом матери были лучшими подругами ещё в колледже, а с матерью Итана они познакомились, уже обзаведясь маленькими детьми, на программе обучения детей-богачей дошкольного

возраста. После чего последовал званый обед вместе с супругами, а к тому времени, как мне исполнилось восемь лет, мы проводили больше праздников в компании Сент-Клеров и Прайсов, чем с бабушкой и дедушкой.

Наши родители, поддерживая дружеские отношения, позаботились о том, чтобы Итан, Майкл и я попали в одну подготовительную школу, но, когда настала пора колледжа, наши жизни были так тесно переплетены между собой, что при подаче

заявлений в Нью-йоркский университет, мы руководствовались уже собственным выбором. Что гарантировало, что мы останемся рядом не только друг с другом, но и вблизи дома.

Что же сейчас?

Сейчас мы даже не можем находиться в одном доме.

— Что ты здесь делаешь?

Майкл откладывает фотографию, на которой изображены мы трое на лодке родителей Итана после первого курса колледжа.

— А ты как думаешь? Я пришёл, чтобы узнать, какого хрена здесь происходит.

Я движусь к туалетному столику, дабы повторно накрасить губы, что позволило мне не смотреть на него.

— Уверена, ты всё узнал из приглашения. Я собираюсь несколько месяцев побыть волонтером.

Майкл придвигается ближе, его золотые глаза светятся и скептицизмом, и озабоченностью,

будто он имеет какое-то право волноваться обо мне.

— Ты убегаешь, — говорит он низким голосом.

Стоя к нему спиной, я скрещиваю руки на груди, опираясь на туалетный столик.

— Конечно, убегаю. Разве *ты* не того же хочешь?

— Нет, — отвечает он жёстко и сердито. — У меня никогда не возникало желания поджать хвост и бежать куда подальше, чтобы мне ни с чем не пришлось иметь дела.

— Так вот, в чём заключается твой план, Майкл? Ты хочешь и дальше притворяться, что всё осталось по-прежнему? Даже мой отец, далеко не Мистер Наблюдательность, заподозрил, что что-то не так.

— Мы не должны это скрывать, Лив.

— Нам вообще *ничего* скрывать.

На его лице вспыхивает боль, и та часть меня, которая всё ещё хочет быть с этим парнем лучшими

друзьями, желает обнять его и прогнать боль. Но мы больше не друзья. И последнее объятие, что мы разделили... я даже не могу окунуться туда. Не с сотней людей внизу.

— Ты должен убраться отсюда,
— произношу я.

— Так вот как? *Меня* вышибли из круга? Я плохой парень?

Мне хочется крикнуть ему, что да, он и *есть* плохой парень. Хотелось обвинить его во всём. Но в глубине души я понимаю, что не

могу.

— Просто я не хочу находиться с тобой в одной спальне, — говорю я сквозь стиснутые зубы. — Прошлый раз ничем хорошим для нас не закончился.

Майкл придвигается ещё ближе, наклонившись так, что его лицо оказывается в дюйме от моего.

— Да? А мне казалось, что прошлый раз прошёл *действительно* хорошо.

Я закрываю глаза, чтобы отбросить подальше всплывший

образ, а когда это не получается, протягиваю руку и практически выталкиваю *его*. Эта близость с ним возвращает меня обратно к тем самым воспоминаниям, из-за которых я согласилась на добровольное изгнание.

От моего толчка он всего лишь качнулся на пятках, его глаза находят мои и становятся жёсткими и скрытными.

На его лице написано отвращение, когда он начинает уходить.

— Я знаю, что эта поездка в Мэн, Оливия, полный бред. Она не даст тебе ничего из того, что ты ищешь.

Мой желудок сжимается.

— Ничего ты не знаешь, — бросаю я.

— Ты ищешь прощения, — говорит он, обернувшись в дверях. — Как и я. Но оно находится не в Бар-Харбор, Мэн. Найди меня, когда осознаешь это.

Наш зрительный контакт удерживается в течение ещё

нескольких секунд, и на мгновение мне кажется, что меня переполняет тоска, хоть в глубине души и понимаю, что это всего лишь сожаление. Я никогда не смогу дать ему то, что, как ему кажется, он хочет.

Но подходим мы друг другу или нет, Майкл *всё же* знает меня. Он знал, что причина моего бегства из Нью-Йорка никак не связана с добрым сердцем или борьбой с мировой нищетой.

Забота о ветеране войны — не

благотворительность.

Это покаяние.

Глава вторая

Пол

Те, кто думают, что 11:14 утра — слишком рано для распития алкоголя, явно не встречали моего отца.

А те, кто считают *всё* время суток непригодным для распития алкоголя, явно не встречали *меня*.

— Добавим «алкоголик» к

нашему резюме, да? — спрашивает папа, с презрением глядя на бокал бурбона в моей руке.

Я гремлю на него льдом в стакане, даже не потрудившись изменить свою сгорбленную на кожаном кресле позу. Требуется усилие, чтобы воспроизвести своим телом это небрежное, или, другими словами, мне-насрать движение, что, как я знаю, необходимо рядом с моим отцом. Если он увидит меня настоящего, — того самого меня, постоянно пребывающего в

состоянии «за тридцать секунд до удара по чему-нибудь» — я окажусь под замком.

— Расслабься, — усмехаюсь я. — По крайней мере, тут есть кубик льда. Вот когда я начну пить неразбавленное, у нас возникнет проблема.

Каменное выражение на лице моего отца и не дрогнуло. А почему должно? *Неодобрение* словно укоренилось на его лице с тех самых пор, как я сообщил ему, что вступаю в ряды Морпехов, вместо того чтобы

стать лакеем в его компании.

«Если ты предпочитаешь песок в заднице или свою подорванную сраную башку больше, чем ответственность, не жди, что я встречу твой хладный труп с почестями, когда его отправят домой в деревянном ящике».

Ох, и это мой отец. Всегда в шаге от того, чтобы попросить меня поиграть с ним в бейсбол или сходить вместе на рыбалку. Ну, исключая, конечно, те моменты, когда он уговаривает меня следовать

его мечтам.

Мысль о том, что он был прав только наполовину, приносила удовлетворение. Песок в моей заднице *наверняка* был. Вот только башку мне не подорвало.

Подорвало ногу.

Ну, это, практически, мелодрама. Моя нога всё ещё на месте. Но как раньше использовать эту чёртову штуковину, разорванную в клочья, я не могу. Как и всё хорошее в моей жизни.

Гнев, вызванный всем этим,

душит меня. Прошло уже два года, с тех пор как я вернулся из Афганистана, но гнев так и не ушёл. Всё становится только хуже.

Но будет ещё завтра и другие дни, когда я смогу себя пожалеть. Сейчас же я концентрирую своё внимание на отце, пытаюсь понять, какую игру он ведёт на этот раз. Не каждый день Гарри Лэнгдон навещает Бар-Харбор, штат Мэн, чтобы проверить своего единственного сына.

Если за всё это время я и понял

ХОТЬ ЧТО-ТО, ПОМИМО ТОГО, КАК СНОВА
СТАТЬ САМИМ СОБОЙ, ТАК ЭТО ТО, ЧТО У
ЭТИХ НЕБОЛЬШИХ ВИЗИТОВ ВСЕГДА ЕСТЬ
ПРИЧИНЫ.

Никакого предупредительного
звонка. *Галочка.*

Никаких приветствий, за
исключением полусекундного
взгляда на мою ногу, дабы убедиться,
не стал ли я вновь человеком,
достойным звания квотербека. Нет,
не стал. *Галочка.*

Уклонение от взглядов на моё
лицо. *Галочка.*

Пассивно-агрессивное

замечание насчёт моей выпивки.

Галочка.

Это означает, что следующим на повестке дня будет...

— Бет звонила мне, — произносит он. — Она сказала, что последняя не продержалась и двух недель.

Оу. Так вот почему он здесь.

Я горестно качаю головой, мельком взглянув на свой виски.

— Бедняжка Бет. До неё стоило бы донести, что мало кому хватит

стойкости выносить приказы в этой глуши.

— Это не... — отец замолкает, впечатывая костяшки пальцев в старый деревянный стол. Он не кричит. Гарри Лэнгдон никогда не повышает голос. — Ради Бога, это не *глушь*. Это девятикомнатное имение с двумя отдельными гостевыми домиками, спортзалом и конюшней.

Я слышу осуждение в его голосе. И даже понимаю его. С высоты его роста я выгляжу, как избалованное дитя. Но легче

позволить ему думать, что я испорченный мямля, чем позволить ему увидеть правду... которая заключается в том, что мне было бы плевать, сгори это место. Надеюсь только, что я погорю вместе с ним.

Потому что если отец узнает, насколько я на самом деле мёртв внутри, он не ограничится одними сиделками. А передаст меня в сумасшедший дом, где я буду пить из бумажных стаканчиков и пользоваться «пластмассовым серебром».

Я позволяю привычной
усмешке скользнуть на лицо.

— Ну, — начинаю я, взбираясь
на ноги и ковыляя к буфету за
добавкой Бурбона, — может, эта
Гретхен — или Гвендолин? — не
ценительница лошадей. Да и кроме
того, у неё голос, как у гиены. Она бы
распугала всех лошадей.

— Это не лошади её
испугались, — замечает отец, на этот
раз ударяя сильнее. — А *ты*. Ты
сбежал от неё, как и от семи
предшествующих.

На самом деле, от восьми. Но я не собираюсь его поправлять. Не во время его ханжеской лекции.

— Так, сколько же это будет продолжаться, Гарри? — интересуюсь я, роняя кубик льда в свою выпивку, упёршись бёдрами в буфет и поворачивая к нему лицо.

— Не называй меня так. Я твой отец — прояви немного уважения.

— Мистер Лэнгдон, — обращаюсь я, склоняясь, но недостаточно низко, поэтому поклон выглядит оскорбительно. — Так,

сколько? — снова задаю я вопрос. —
Скольким нянькам нужно приехать
сюда и свалить, едва узнав, что мне
не нужно подтирать слюнки или
читать на ночь сказки?

— Чёрт подери, Пол...

— Десять? — перебиваю я. —
Пятнадцать? В смысле, ты можешь
зазывать их бесконечно, но в конце
концов запасы нянек исчерпаются,
верно?

Он продолжает постукивать
коленом о дерево, но на меня больше
не смотрит. Он смотрит в окно, на

едва виднеющуюся сквозь деревья гавань в позднем утреннем свете.

Думаю, отсюда открывается достаточно симпатичный вид, но сама я предпочитаю наблюдать за ним ближе к вечеру, после захода солнца. В основном, потому что это значит, что день подошёл к концу. По крайней мере, пока всё не начнётся заново. Что всегда и происходит. В смысле, начинается заново. Независимо от того, как сильно я хочу обратного.

— Я нанимаю их, чтобы *помочь*

тебе, — произносит он, на этот раз обрушив на стол раскрытую ладонь.

Я делаю большой глоток виски, позволяя ему обжечь горло. Дерьмо, кажется, старик в самом деле *думает*, что помогает. Думает, что присутствие некой грузной, свехароматной раздражательницы медсестры, снующей всюду, каким-то образом вынудит исчезнуть прошлое. Я просто не знаю, как вбить ему в голову, что кое-что нельзя ни исправить, ни стереть. Мою ногу, например. Или лицо.

Как и, наверняка, все те пятьдесят направлений дерьма, произошедших в моей голове, пока я находился в той Богом забытой пустыне на другом конце земли.

— Папа, — говорю я слегка грубым голосом, — я в порядке.

Он приковывает меня внимательным взглядом бледно-синих глаз, тех же глаз, которые я вижу каждый раз в зеркале. Ну, или которые видел в те времена, когда ещё смотрел в него.

— Ты не в порядке, Пол, —

возражает он. — Ты едва стоишь на ногах. И не покидаешь этот дом без принуждения. Ты только и делаешь, что читаешь и хандрить...

— Размышляю. Я предпочитаю определение *«размышлять»*. Более мужественное, чем *«хандрить»*!

— Не остроумничай, чёрт подери! Ты потерял это право после того, как...

— После чего? — я заставляю себя стоять ровно, осторожно удерживая вес на правой ноге, чтобы не накренятся в сторону. Или, что

ещё хуже, раскачиваться. — Я был таким уж остроумным, теряя свою ногу? Или после этого? — я указываю на свою ногу. — Нет, не был. Тогда, наверное, всё дело в *этом*, — указав на своё лицо, я остаюсь до странности удовлетворённым, когда он отводит взгляд.

— Я говорю не о твоей ноге или лице, — бросает он грубо. — А о том, *как* это произошло, о том, что тебе нужно с этим бороться. И ты это знаешь.

Знаю.

Я всего-то ни на одну чёртову секунду не верил посторонним людям, заявлявшимся сюда, пытаюсь выманить меня в спортзал, чтобы сделать упражнения из терапии хромая-задница, или же допытываясь у меня каждые пять минут, поел ли я, и что в приготовленном нужно исправить.

— Линди здесь, — ворчу я.

— Линди здесь в качестве экономки. Она моет тарелки и проверяет, чтобы бокалы, из которых

ты пьёшь алкоголь в течение дня, были чистыми, а не для того, чтобы контролировать, не выкинул ли ты чего идиотского. И прежде чем ты начнёшь: я и Мика об этом просить не стану. Он шофёр.

— Ага, он кажется особенно занятым, с твоими-то визитами раз в два месяца.

— Он здесь не для моего блага, а для твоего.

Я движусь обратно к кожаному креслу, слишком устав от этого разговора, даже чтобы попытаться

скрыть хромоту.

— Ну, в таком случае, избавься от него. Мне некуда выезжать. Ты же знаешь, я мог заниматься чем-то и похуже, вместо того чтобы оставаться здесь, дабы не досаждать тебе, вдали от чужих глаз. Ты на самом деле хочешь, чтобы все твои коллеги и друзья из загородного клуба Бостона увидели меня?

— Ты сам сослал сюда себя. Не я.

— Точно! Поэтому прекрати уговаривать каждую няньку и

медсестру в Бостоне позаботиться обо мне.

— Прекрасно, — отвечает он, разок кивнув головой.

Я открываю рот, чтобы возразить, прежде чем он разразится словесным потоком:

— Подожди. Серьёзно? Ты попытался...

Он поднимает палец, а его взгляд становится твёрдым, как камень, и вдруг я осознаю, что имею дело не с Гарри Лэнгдоном, играющим роль отца. Этот Гарри

Лэнгдон — гостиничный магнат. Человек, которого журнал «Форбс» называет чёрствым и неумолимым.

Моему отцу было сорок семь, когда я родился, и шестьдесят с лишним, когда я учился в средней школе, но никто не ошибался, думая, что он мой дедушка. Отчасти, потому что все его знали. И всем тем, кто его знал, было известно и то, что он женился на женщине, младше его на двадцать два года. Он обрюхатил её и развёлся с ней ещё до того, как меня приучили к горшку. Но в основном

его не принимали за дедушку потому, что он не выглядит, как старик. Он всегда обладал властью и энергией человека, вдвое себя моложе.

Но в последние пару лет его возраст стал проявляться в сутулости плеч, провисании кожи под подбородком и мешками под глазами. Хотя мужчина под увядшим телом так и не смягчился. Я вижу жёсткость в линии его рта и лёд в глазах.

Подсознательно я настраиваю себя на продолжение. Сейчас мы с

ним играем в старую игру. Он присылает мне унылую сиделку, а огрызаюсь, швыряюсь вещами и сыплю проклятиями до тех пор, пока она не сбегает. И по-новой.

После первого раунда я получил от него гневное письмо. Вторая сбежавшая женщина обеспечила звонок. А после четвёртой мой отец *навестил* меня, выдал пару предупреждений и уехал в тот же день.

После пятой сиделки, на этот раз мужчины, оказалось, что пол

значения не имеет — избавиться можно от всех. Тогда я получил от него письмо и телефонный звонок.

Так оно и повелось. Смехотворная игра, в которую мы играли, несмотря на его напускной пофигизм.

Однако на сей раз чувствуется приближающееся изменение в правилах, и я подготавливаю себя к этому. Мне потребовалось двадцать четыре года, чтобы наконец начать понимать своего отца. Инстинкт подсказывает мне, что он решил

семидесятиоднолетнего старика, и вырывает виски из моей руки. Я поднимаю удивлённый взгляд. Янтарная жидкость стекает по его руке на ковёр, но он, кажется, не обращает на это внимания, ибо слишком занят, глядя на меня так, словно ненавидит.

Ну же. Я тоже себя ненавижу.

— Я это и имел в виду, Пол. Это твой последний шанс показать мне, что у тебя есть хоть какое-то стремление продолжать свою жизнь. Хоть какое-то стремление ко всему:

заполучить обратно свою ловкость, научиться справляться с физическими изменениями. Я понимаю, почему ты прятался поначалу, но прошло уже больше двух лет. Хватит. У тебя шесть месяцев, чтобы собраться со своим дерьмом.

— Или что? — допытываюсь я, толчком поднимаясь на ноги, радуясь, что травма не отняла моё превосходство над ним на несколько дюймов.

— Или ты уедешь.

Я моргаю.

— Что ты подразумеваешь под я «уеду»?

— Из этого дома.

— Но я живу здесь, — возражаю, не совсем понимая, к чему он ведёт.

— Да? Ты оплачиваешь ипотеку? Или коммунальные услуги? Ты построил тренажёрный зал по указанию физиотерапевта, или это сделал я?

Я скриплю зубами на сарказм отца. Это была его идея поселить меня в роскошный дом, а не моя, что

доказывает то, как мало он меня знает. Если он думает, что изгнание из тёпленького особняка *как-нибудь* тронет меня, то смертельно ошибается.

У него такое выжидательное выражение на лице, будто он думает, что я соглашусь с его маленьким планом, лишь бы сидеть в этой роскоши, попивая напитки с завышенной ценой.

Я ощущаю лёгкий прилив удовольствия от его грядущего разочарования.

— Отлично, — заявляю я, намеренно впуская в свой тон легкомысленность. — Я уеду.

Он слегка удивлённо моргает:

— Куда?

— Разберусь.

Так и будет. На моём счету не так много денег. И я это знаю. Но благодаря моей пенсии инвалида, которую я получаю как ветеран, и маленькому сберегательному счёту я мог купить где-нибудь небольшой домик.

Глаза моего отца сужаются:

— А продукты? Одежда? Всё необходимое?

Я пожимаю плечами.

— Мне не нужны дизайнерские шмотки и изысканное дерьмо.

Глазами я вылавливаю этикетку дорогого виски, стоящего на стойке, но не чувствую ни малейшего укола сожаления от того, что вскоре оно уже будет вне возможностей моего бюджета. Я пил его ради оцепенения, а не вкуса. Дешёвая выпивка сделает дело не хуже.

— А твои драгоценные книги?

— глумится он. — Все те первые издания, которыми ты так гордился?

Я останавливаю взгляд на книжном шкафу, стоящему в противоположном конце комнаты. Он наступает кончиком туфли на мою Ахиллесову пяту, прекрасно об этом зная.

Мой отец смехотворно богат, и пособия, поступавшие от него каждый месяц, были смехотворно щедрыми. Я же не трачу на себя ни пенса. Только на книги. После всего произошедшего мне не составило

труда уговорить себя на заслуженное право сидеть и размышлять над дорогими книгами.

Но не из-за моей коллекции книг сердце в груди заходится. Мне не нужны книги. Но мне *нужны* деньги отца до своего двадцатипятилетия, когда я смогу получить целевой фонд матери.

Мне тошно оттого, что он отец думает, будто я спускаю ежемесячное пособие на книги и видеоигры. Ничего я не хочу больше, чем сказать, куда ему стоит сунуть эти чеки.

Но деньги не для меня.

Потому я и буду продолжать их брать. Даже если в его глазах это делает меня ленивым калекой.

— Чего ты хочешь? —
интересуюсь я грубо, отказываясь встречаться с ним глазами. Это походит на трусливость, но, эй, я довольно неплох в трусости.

Он продолжительно выдыхает.

— Я хочу, чтобы ты *попытался*,
Пол. Я хочу, чтобы ты, по крайней мере, попытался вернуться к жизни.

— Я имею в виду следующую

сиделку, которую ты сюда отправишь, — перебиваю его. — Что я должен сделать, чтобы ты не вышвырнул своего жалкого сына на улицу, чтобы тот не стал очередным ветераном-попрошкой?

Слово «*ветеран*» повисает между нами, и на секунду мне кажется, что он может смягчиться, ибо если *моя* Ахиллесова пята заключается в зависимости от него, то *его* — в моей жертве ради страны.

Но мужское упрямство с возрастом лишь усиливается, и

вместо того, чтобы отступить, он поворачивается к столу и опускает бокал с виски с достаточной силой, чтобы жидкость расплескалась через края, пролившись на дерево. Нетипичный небрежный жест.

— Шесть месяцев, — роняет он. — Ты будешь сотрудничать с этой женщиной шесть месяцев. Ты будешь делаешь так, как она просит, и тогда, когда она тебя попросит. Она говорит тебе идти в тренажёрный зал, и ты идёшь в тренажёрный зал. Она говорит тебе есть чёртовы брокколи,

и ты ешь чёртовы брокколи. Она хочет, чтобы ты надел смокинг на ужин — ты делаешь и это. Я буду связываться с этой женщиной каждое воскресенье, и если ты стерпишь достаточное количество её забав, всё закончится.

— Поясни-ка для меня, — произношу сквозь сжатые зубы. — Если я буду вести себя неправильно, меня вышвырнут?

Его глаза закрываются на долю секунды.

— Я сказал, что после этого ты

будешь предоставлен самому себе. Хочешь разочаровываться в жизни — делай это на собственные десять центов.

Грудь сжимается, и через мгновение я понимаю, что всему виной гнев, и мне вполне по силам ударить этого мужчину за непонимание. Он когда-нибудь видел шокированное лицо маленького мальчика, после того как его мать взорвалась ко всем чертям? Или как тощая собака теряла ногу в ВМС? Орудовали ли над его лицом ножом,

видел ли он настолько изуродованные тела, что даже родные матери не могут узнать в них собственных сыновей или дочерей?

Зарычав, я отодвигаю прочь эти мысли. Всех их.

Они не обо мне. Они не о моём отце. И чертовски уверен, что не о какой-то глупой сиделке, считающей, что весь мой мир вернётся на круги своя, если я съем куриный суп с лапшой.

Это о женщине, потерявшей свою школьную любовь. Это о

маленькой девочке, у которой нет отца, но есть рак. Рассказ о том, как они вытащили чёртову спичку с коротким концом.

Мне не нужны деньги моего отца.

Но семье Алекса они нужны.

— То есть, если я буду хорошим мальчиком, чеки продолжают поступать?

Он встречается со мной глазами, и впервые за сегодняшний день не выглядит сердитым или испытывающим отвращение. Он

ВЫГЛЯДИТ ПЕЧАЛЬНЫМ.

— Да. Чеки продолжают поступать.

Я глубоко втягиваю воздух через нос. Ситуация выходит поганенькой, и я в тысячный раз ломаю мозг над тем, как помочь Скиннерсам без отцовских денег. Будь это обычный вопрос покупки еды для стола и поставки Рождественских подарков под ёлку, даже с низкооплачиваемой работой, которую мог бы получить травмированный ветеран, не было бы

никаких проблем.

Но лечение рака Лили требует больших денег. Денег, которые есть у Гарри Лэнгдона.

— Три месяца, — заявляю я. — Я играюсь с этой женщиной в её глупые игры три месяца, а не шесть.

Он удерживает мой взгляд в течение нескольких секунд, пока мы оба прощупываем степень обоюдной решимости, и, к моему удивлению, я выигрываю этот раунд, ибо он кивает:

— Три месяца.

И тогда, словно всё улажено, и он-таки не принимает мою жалкую жизнь, на которую я всегда плевал, и движется прямо к двери.

— Мик отвезёт меня обратно в аэропорт. Увидимся...

Его слова стихают, и я хватаюсь обеими руками за стол, уставившись в воду.

— Ага. Увидимся.

Отец мешкает в дверях, и я поворачиваюсь к нему.

— Эй, — зову я, останавливая его, пока он не исчез на ближайший

месяц, три, или ещё больше до того момента, когда совесть вынудит его заглянуть ко мне снова. — Эта женщина, которая приедет завтра. Что, если я приложу все усилия, чтобы сотрудничать с ней, а она окажется ничем не лучше остальных и не сможет справиться... с Мэн?

Мы оба знали, что я имею в виду вовсе не *Мэн*. Проблема состоит в том, что потребуется что-то ещё, помимо здоровенной зарплаты, чтобы женщина тратила каждый свой день в наблюдении за моим

изуродованным лицом и дерьмовым настроением в течение целых трёх месяцев. Проблема не в Мэне. Проблема во мне.

— Что, если она уедет до истечения этих трёх месяцев? — давлЮ я, думая о грустных глазах Лили и преследуемой призраком Аманде. Отец молчит несколько секунд.

— Ну... смотри, чтобы она так не поступила.

Глава третья

Оливия

Полёт из Нью-Йорка в Портленд, штат Мэн, оказывается короче, чем мне бы хотелось.

Я надеялась взять себя в руки к тому моменту, как сойду по трапу самолёта. Я бы приободрила себя всеми этими «*Ты это сделаешь!*» мыслями.

Реальность, как выяснилось, больше походит на острый приступ тошноты, у неё нет кнопки возврата, ибо менять что-либо уже слишком

поздно.

В последнем своём письме Гарри Лэнгдон велит мне разыскать табличку с моим именем. Достаточно просто. Я выросла на земле личных водителей. Другими словами, мне известно, как найти своё имя среди моря ожидающих водителей в зале выдачи багажа.

Передвигаясь по аэропорту, я мысленно себя исправляю. В этот раз не будет классического шофёра, это будет рыбак во фланели из маленького городка штата Мэн.

Однако я ошиблась. В зоне выдачи багажа стоят всего два человека с табличками и, как и было обещано, на одной из них красуется моё имя. Но держит табличку не неотёсанный обеспокоенный отец, одетый во фланель, который оставил общество, чтобы позаботиться о своём травмированном сыне. Вместо этого я обнаруживаю статного мужчину, облачённого в чёрную униформу с одной из тех небольших водительских фуражек.

«Возможно, я не так уж далеко

от дома».

Меня удивляет вычурный приём. Но, к счастью для них, я называю это «Богатые Люди».

— Мисс Миддлтон, — произносит он с кивком, когда я приближаюсь. — Есть ещё какой-нибудь багаж, который нужно забрать?

— Только этот, — отвечаю я, указывая на небольшой чемодан на колёсиках и ручную кладь. — Остальное доставят прямо к Лэнгдонам.

— Очень хорошо, — он протягивает руку за чемоданом. — Можно?

Успокоенная непринуждённым дружеским отношением во всей этой родной обыденности, я следую за ним через крошечный аэропорт, не упуская того, как женские глаза задерживаются на моих балетках от Тори Бёрч, тогда как мужские — на моей заднице. Я не знала, как нужно одеваться сиделке, работающей на дому в Новой Англии, поэтому мой выбор пал на облегающие чёрные

брюки и розовый кашемировый свитер. Глядя на гладкий Линкольн Таун Кар (прим.: «Lincoln Town Car» — марка легкового лимузина), я порадовалась, что сменила свои джинсы, в которых была ранее. Подумать только, я волновалась, что обмажусь грязью в убогом пикапе. Тут же самое страшное из того, о чём я должна буду волноваться в *этой* машине, — это включён ли кондиционер.

Шофёр укладывает мой чемодан в багажник и открывает для

меня заднюю дверь, прежде чем устроиться за рулём. Меня слегка выбивает из колеи его обращение со мной, ведь теперь я оплачиваемый работник, однако мне ничего не остаётся, кроме как следовать его указаниям.

— Как вас зовут? —
интересуюсь я.

Водитель встречается со мной глазами в зеркале заднего вида.

— Мик.

— А я Оливия, —
представляюсь я, одаривая его, как

надеюсь, *ты-можешь-расслабиться-рядом-со-мною* улыбкой. Может, этот парень сумеет заполнить хоть какие-нибудь пробелы, поведав мне, кто такие эти Лэнгдоны и чего именно они от меня хотят.

— Знаю, — отзывается он, лишь слегка улыбнувшись глазами. По крайней мере, он не совсем уж чопорный.

— Так вы?.. — *«личный водитель Лэнгдонов? Рабочий на раз, дабы произвести на меня впечатление?»*.

Он продолжает смотреть на меня через зеркало, приподняв брови, дожидаясь, пока я закончу свой вопрос.

— Вы из Мэна? — спрашиваю я, струсив.

— Родился и вырос, — отвечает он после паузы, которая возникает, когда он проверяет своё зеркало и вырубивает на проезжую часть.

— Портленд? — спрашиваю я. Это единственный город в Мэне, который я знаю. О Бар-Харборе мне известно только то, что ближайшие

три месяца мне придётся провести именно там. Или дольше, если пройду проверку Лэнгдонов и предложу продлить контракт. И к тому времени я, надеюсь, смогу понять, что мне делать со своей чёртовой жизнью. Как и надеюсь, что к тому времени я буду чувствовать себя куда менее разрушенной.

— Скаухиган, — отвечает Мик.

Я киваю так, будто, чёрт возьми, знаю, где он находится. Мик кажется человеком немногословным,

но, по крайней мере, на вопросы мои он отвечает.

— Вы постоянный шофёр? — вопрошаю я, скрестив пальцы в надежде, что не оскорбила его.

Уголки его рта дёргаются в добродушной улыбке.

— Так вот как вы называете нас в Нью-Йорке?

Я смущённо улыбаюсь.

— Ну, я всегда называю Ричарда *Ричардом*. Но при обращении к незнакомому водителю, думаю, мы называем их, ну...

водитель?

— Я тоже так себя называю, — замечает он с подмигиванием.

Узел, завязавшийся у меня в животе во время посадки на самолёт, немного ослабляется. Моё первое знакомство с жителем Мэна проходит хорошо, и если он и подозревает, что я тотальная притворщица со всей этой фигнёй по уходу за кем-то, то удачно это скрывает.

— Далеко до Бар-Харбора? — интересуюсь я, хотя и так уже знаю.

Я сделала своё домашние задание. Ну, немного. Наиболее важные детали по-прежнему ускользают от меня.

— Около трёх часов. В летние выходные подольше, но во вторник, под конец сезона, мы должны доехать раньше.

— Сезон?

— Летний сезон, — объясняет он. — Мэн известен как летний курорт.

Я прикусываю язык, чтобы удержаться и не огрызнуться о том,

что я, конечно же, знаю, что такое «сезон». Это же практически синоним слова «Хэмптон». Меня удивляет, что и Мэн тоже.

«Полегче со снобизмом, Оливия».

— И часто вы ездите в аэропорт? — спрашиваю я, продолжая выуживать информацию о Лэнгдонах.

Он целую секунду ничего не произносит, и я уже начинаю думать, что официально пересекла черту, но он, в конце концов, отвечает.

— Не особо. Сейчас Мистер Лэнгдон приезжает не так часто, как раньше, а Мистер Пол... он больше не выходит из дома.

Пол.

Мой подопечный. Или пациент. Или кто он там.

Я умираю от желания задать ещё больше вопросов, но есть что-то в тоне Мика... Натянутость? Грусть? Есть в нём *что-то*, но я не хочу допустить ошибку, распознавая, что именно.

Вместо этого я опускаюсь

глубже в тёпленькое кожаное сиденье и пробую познакомиться поближе с природой Мэна. Из своего интернет-исследования я знаю, что Бар-Харбор находится на воде, однако сейчас я не вижу ничего, кроме деревьев. Для того, кто не часто видит деревья за пределами Центрального Парка, есть что-то успокаивающее во всей этой зелени.

Ну, это успокаивает, пока я разрешаю себе подумать о том, что меня ждёт. Потому что у меня нет ни единой долбаной подсказки.

Это странно, но я не слишком много раздумывала над тем, что буду делать, когда окажусь здесь. Мне не предоставили никаких должностных инструкций. Чёрт, да я даже не претендовала на это место. А если бы и претендовала, то вполне уверена, что студентку без сертификата (хотя теперь он у меня уже есть) вряд ли бы выбрали как идеальную сиделку для ветерана с травмой.

Очевидно, когда Гарри Лэнгдон вышел на моё имя через друга ещё

одного друга моих родителей, он не искал профессионала.

Так почему же я?

Конечно, поздновато для таких мыслей. Я узнала об этом ещё за три месяца до приезда сюда, но заминала реальность в своём разуме, как поступала и всякий раз, когда кто-нибудь спрашивал, какие обязанности как специалист по уходу на дому я выполняю: *лишние руки для тех, кому они нужны.*

Вот, по существу, расплывчатое словарное определение. Но народ это

проглатывает, и это уж *точно* не ложь. Послание Гарри Лэнгдона гласило, что опыт по уходу не требуется, лишь общение, базовые навыки приготовления пищи и готовность к переезду в Бар-Харбор.

Я *ухватилась* за отсутствие опыта по уходу. Не думаю, что раздача мороженого в закусочной Сент-Джуда считается. Но мне, на удивление, *нравится* готовить. То есть, я не рождена для своего собственного кулинарного шоу, но мама неизменно настаивала на том,

чтобы дать нашему шеф-повару выходные, если они не устраивали званый вечер, и тогда она демонстрировала мне основы. Сыр на гриле. Яичница-болтунья. Чили. Спагетти.

Что же касается готовности к переезду? Да, пожалуйста. Я бы *заплатила*, чтобы они меня забрали. Единственная моя жалоба заключается в том, что работа не в ЛА или Сиэтле, или же где-нибудь в другом часовом поясе от всего, что я пыталась оставить позади. Впрочем,

судя по количеству знаков «Осторожно — олени», которые мне встречаются до сих пор, я, *безусловно*, очень далеко от дома.

В сущности, всё сводится к тому, что один богатый чувак попросил другого богатого чувака найти какого-нибудь богатенького кретина, который не станет вести себя, как оплачиваемая сиделка.

Поступок не совсем достойный Нобелевской Премии, но я не могу разбудить в самой себе заботу. Как бы я ни получила работу, будь то

связи или чистая случайность (естественно, не мастерство), это по-прежнему остаётся билетом на волю из Нью-Йорка. Это по-прежнему спасение.

Но, как и было сказано, я почти ничего не знаю о своём клиенте. То есть, я в курсе, что Гарри Лэнгдон — это пожилой бизнесмен с кучей денег. Но что касается его сына? Не единой мысли.

Вовсе не потому, что мне не любопытно. Гугл в мгновение ока рассказал бы всё, что мне нужно

знать. Да и, Господь знает, небольшое расследование было бы разумным поступком. Но, честно? Я до смерти боялась, что всё это окажется одной большой страшной картиной или же подробным отчётом о его увечьях, что испугает меня и вынудит отступить.

Знаю, ужасно так говорить, но я не привыкла к *уродству*. И если брать в расчёт, на что намекал Мистер Лэнгдон до сих пор, с его сыном произошло что-то действительно безобразное.

Мне, так сказать, едва удалось усадить себя на самолёт этим утром. И мне уж точно не нужно было докапываться до того, во что я ввязалась. Но теперь нет никаких шансов на попятную, да и дальше прятать голову в песок тоже не выход.

Я не могу перестать думать о том, как *печален* был голос Мика, когда он говорил о Поле. Нет, *Мистере Поле*. Может, мне пора бы уже понять, с чем я имею дело.

Я вытаскиваю телефон из сумочки, пролистывая шквал

сообщений, ожидающих меня.

Мама: Позвони мне, как только устроишься. Запомни, никто не упрекнёт тебя, если ты решишь вернуться домой пораньше.

Папа: Оливия. Позвони, если что-нибудь понадобится. Горжусь тобой.

Белла: Уже скучаю. Ты самая знойная Флоренс Найтингейл, уж я-то знаю.

Андреа: Ты ещё здесь? У моих тётки и дяди есть летний домик в Вермонте, на случай, если

*потребуется отвлечься, когда тебе
осточертеет заботиться о
престарелом чуваке. хохохохохо.*

Остальные сообщения,
пришедшие от моих друзей,
представляют собой смесь
поддержки и скептицизма, дойду ли
я до конца. Добравшись до
сообщения Майкла, немного медлю:

*«Позвони мне, когда
перестанешь убежать».*

И удаляю его.

Но именно последнее
сообщение съедает меня живьём. Мы

с Итаном не поддерживали связь с тех самых пор, как я попыталась — и облажалась — вернуть его несколько месяцев назад, несмотря на это у него хватает внимательности, чтобы отправить простое:

«Удачи, Лив».

Я перечитываю эти два скромных слова порядка пяти раз, но так и не могу найти в них скрытый смысл. Вот такой парень Итан. Он бесхитростно *хороший*.

Я его не заслуживала.

Я отвечаю родителям, давая им

знать, что всё в порядке, и я благополучно добралась, но больше никому ничего не отправляю. Даже не знаю, что сказать. Хотя перелёт из Нью-Йорка в Мэн занял всего-навсего чуть больше часа, я уже чувствую себя полностью оторванной от прежней жизни. Это чувство выбивает из колеи, но и дарует освобождение. Как если бы, быть может, я действительно могла начать всё сначала.

Я начинаю со своей первоначальной задачи «Погултить

Пола Лэнгдона», но сеть ловит не везде, и прежде, чем мой телефон успеваает загрузить результаты поиска, она выходит из зоны действия.

Фантастика.

Я убираю телефон и откидываюсь в кресле, размышляя. Я чередую худшие варианты развития событий того, что ждёт меня впереди (*очередная возможность что-нибудь запороть*) и веду переговоры с бодростью духа Поллианы (*ну, вы понимаете*) большую часть дороги,

но выпрямляюсь, когда улавливаю воду, проглядывающую через деревья, и напрягаюсь, дабы разглядеть получше.

Мик замечает мои передвижения.

— Это Французский Залив. В солнечный день он ещё красивее.

Я киваю, однако мне вроде как нравится эта пасмурность. Похоже, она годится для моего настроения. Проблески воды становятся всё чаще и чаще, и даже с серым небом этот вид походит на открытку.

— Долго ещё? — спрашиваю я.

Мои ладошки потеют.

— Нет. Усадьба Лэнгдонов
прямо за городом у воды.

Усадьба Лэнгдонов?

Интересно. Есть просто богатые, а
есть *богатые*. Теперь мне
действительно жаль, что моё
интернет-исследование касательно
Лэнгдонов не было таким уж
скрупулёзным.

И когда Мик съезжает на
усаженную деревьями подъездную
аллею, мне становится жаль, что я не

наняла самого настоящего частного детектива, потому что я вполне уверена, что здание справа от меня это, честное слово, *конюшня*.

— Как давно вы работаете на Лэнгдонов? — интересуюсь я, теперь уже абсолютно уверенная, что Мик — штатный сотрудник богатой семьи, а не редкий каприз.

На этот раз он не встречается со мной глазами в зеркале.

— Давно, — говорит он, наконец, ещё более лаконично, чем раньше.

Поняла. Никаких разговоров о наших работодателях.

Потом я вижу дом. На самом деле, «дом» — это большая натяжка. Больше похоже на комплекс.

Есть, по меньшей мере, три строения в нескольких минутах ходьбы от главного здания, соперничающих по величине с хэмптонскими домами, в которых я была. Я всё ещё зазёвываюсь, когда Мик обходит машину и открывает для меня дверь. В доме нет ни новомодного минимализма, ни

показной роскоши. Всего один раз я видела что-то подобное, когда проводила Рождество с родителями в курортном домике в Швейцарских Альпах. Три хорошо сохранившихся деревянных домика, серый каменный дымоход и высокая остроконечная крыша.

Не могу не представить всё строение, сплошь покрытое снегом, возможно, украшенное белыми огоньками на Рождество. Я ничего не пытаюсь романтизировать, но должна признать... это неплохое

место для собственного изгнания.

— Мистер Лэнгдон предпочёл бы, чтобы вы остались в главном доме, вблизи Мистера Пола, — оповещает Мик, взяв мой чемодан из багажника. — Но если это не сработает, то в домике для персонала много места. «Малый дом» — так мы его называем.

Я слегка хмурюсь, раздумывая над скрытым смыслом, который должен притаиться за этими словами. Почему со мной «не сработает» остаться в главном доме?

Я следую за Миком через парадную дверь, прилагая все усилия, чтобы не глазеть. Я была в стольких хороших домах, что в большинстве случаев у меня срабатывает иммунитет на все эти причиндалы, купленные за деньги, но не на эту чуждую роскошь. В Хэмптон-Бич нет нарочитого снобизма Парк-Авеню или же слишком упорной беззаботности домов. Их место здесь занимает вид на эту сельскую красоту. В мраморном фойе с хрустальными

люстрами устроена просторная
лестничная площадка с выходом на
широкую деревянную лестницу. В
декоре почти нет ничего домашнего,
за исключением тёмно-зелёного
ковра с жёлтым отливом, однако это
срабатывает. Слишком много
наворотов отняли бы у выставленной
древесины природную красоту.

Определённо холостяцкое
жилище, и я обнаруживаю, что корю
себя за то, что не удосужилась
узнать, что случилось с *Миссис*
Лэнгдон. Потому что, как бы

величественно это ни выглядело, ясно, что ни одна женщина не называла это место своим «домом» достаточно времени. Возможно, когда-нибудь.

Я семеню за Миком в самую большую кухню, которую когда-либо видела. У плиты посреди комнаты имеется около восьми конфорок, а холодильник как минимум в два раза больше нашего дома.

Мик что-то бормочет женщине средних лет, чей фартук поверх джинсов и синей рубашки на

пуговицах идентифицирует её как того самого человека, ответственного за все эти вкусные запахи, поднимающиеся над плитой.

— Мисс Миддлтон, это Линди Мэннинг.

— Оливия, пожалуйста, — говорю я с улыбкой.

— Зови меня Линди, — произносит седовласая женщина, встряхнув мою руку в дружелюбной манере, впрочем, понятно, что я прицениваюсь. — Ты моложе других.

— Других... сотрудников? —

спрашиваю я, не поспевая.

Мик и Линди переглядываются.
Очевидно, я что-то упускаю.

— У нас, на самом деле, не так уж много работников, — объясняет Мик с вымученной улыбкой. — Я отвечаю за вождение и управление усадьбой. Линди же выполняет обязанности кухарки и домработницы, хотя каждую неделю из города приезжает парочка девушек, чтобы помочь с более действенной уборкой. А Скотт заботится о земле и конюшне.

— Ох, — выдаю я, всё ещё обескураженная тем, что они умалчивают. И, *конюшня*? Серьёзно?

К счастью, Линди, похоже, не из загадочных.

— Когда я сказала, что ты самая молодая, я имела в виду, что ты моложе других сиделок. Я привыкла видеть ворчливых престарелых женщин или же тридцатилетних работниц благотворительных организаций, — она делает паузу. — Вы с Мистером Лэнгдоном встречались лично?

— Пока нет, — говорю я. — Но я готова с ним встретиться. Он здесь?

Мик и Линди обмениваются ещё одним из этих своих взглядов, и я немного прищуриваюсь. Что-то подсказывает мне, что Мик и Линди больше, чем просто коллеги. Наверное, это даже хорошо, учитывая, что они здесь, посреди глуши, все сами по себе.

— Мистер Лэнгдон приезжает в Бар-Харбор каждые несколько месяцев или около того, —

осторожно отвечает Линди. Он сказал тебе, что будет здесь?

Чувствую себя немного одурелой. Каждые *несколько месяцев*? В смысле, я знала, что он здесь не живёт, но мне казалось, что он, по крайней мере, будет тут во время моего приезда, чтобы выдать мне конкретные указания.

— Наверное, он так не говорил, — отвечаю я, пытаюсь не сорваться на них. — Я только предположила...

— Ну, не имеет значения, — произносит Линди, одаривая меня

доверительной улыбкой. — Мы объясним азы, представим тебя Мистеру Полу, и ты почувствуешь себя точно, как дома.

Я довольно-таки уверена, что Мик бормочет себе что-то под нос, однако он тут же выкатывает чемодан из кухни, утвердительно кивая на инструкции Линди о том, что меня нужно разместить в Зелёной Комнате.

— Там фантастический вид на водоём, — говорит она, одёргивая передник. — И комната расположена

недалеко от комнаты Мистера Пола на тот случай, если ему что-нибудь понадобится.

— А где, эм, Мистер Пол? — интересуюсь я, следуя за их именовани^{ем}, хоть и чувствую себя в каком-то другом веке.

Уверенное выражение соскальзывает с лица Линди, и на секунду мне кажется, что она хочет меня о чём-то предупредить, но её улыбка тут же возвращается на место.

— Он проводит бóльшую часть

утра в библиотеке за книгами, — объясняет она, показывая кивком головы, что я должна последовать за ней. — Должно быть, он там.

— А разве сейчас не день? — спрашиваю я.

Линди не поворачивается./

— Он и днём проводит там много своего времени. Как и вечером.

Унс.

— Эй, Линди, — зову я, преграждая ей путь к, как мне кажется, двери библиотеки, прежде

чем она в неё постучит. — Что, эм...
что я должна *делать*? Никто не
сказал мне ничего определённого.

Она поджимает губы.

— Мистер Лэнгдон не
обрисовал в общих чертах свои
ожидания?

— Да, конечно. Он сказал мне
воодушевить его сына на
физиотерапию...

Линди фыркает.

—... и что я должна убедить
его регулярно питаться.

Ещё раз.

— Но главным образом я должна быть партнером. Должна поддерживать мужскую компанию.

Линди не реагирует на последнюю часть, и я слишком поздно понимаю, что она вообще не смотрит на меня. Она смотрит за меня.

Я оборачиваюсь и с трудом подавляю вопль, когда вижу силуэт стоящего в дверном проёме человека.

Я не могу увидеть его лицо, но голос у него ледяной.

— Похоже, мой отец забыл

упомянуть самую важную часть вашей работы. Впрочем, он никогда не говорит моим нянькам, зачем они здесь *на самом деле*.

Я делаю небольшой шаг вперёд, желая взглянуть на человека, с которым разговариваю, но он отступает назад, скрываясь в темноте.

— И что же это? — спрашиваю я, сузив глаза.

— Надзор с целью предотвращения самоубийства.

Дверь захлопывается перед

МОИМ ЛИЦОМ.

Глава четвёртая

Пол

Да пошло всё на хрен.

Пропади оно всё пропадом.

Прежде чем я успеваю сообразить, моя рука взлетает, и хрусталь вдребезги разбивается о стену. До меня с трудом доходит, что по стене в лужу на полу стекает Пеппи Ван Винкль (прим. ред.: «Pappy Van Winkle» марка бурбона).

Мне казалось, что я был готов.

Чёрт, я *был* готов.

Я был готов поприветствовать любую почтенную и благочестивую благодетельницу, которая была следующей в бесконечном списке нянек, подготовленном моим отцом, и заставить её почувствовать себя, как дома. Ладно, это преувеличение. Но у меня было намерение не быть мудаком. Я собирался продемонстрировать ей свою хорошую сторону, порядочную. Может, даже заставил бы себя улыбнуться. *Радушно принял бы её.* Я всю ночь уговаривал себя, что старой

карге будет всё равно, как я выгляжу.

Но женщине по ту сторону двери? Нет, *девушке*. Она не старая карга. Эта сиделка... красивая.

И вряд ли дело в настолько большой давности отсутствия отношений с женщинами, что даже думать не хочется, или же в том, что я так же давно не видел сверстниц. Она горячая. Большие зелёные глаза, длинные светлые волосы, в которые хочется вплести пальцы. Крупный, пухлый рот, который я хочу...

Нет. Ни за что, чёрт возьми.

Ей не может быть больше двадцати двух. Всем остальным было как *минимум* тридцать пять. Эта женщина — эта *девушка* — относится именно к тем людям, из-за которых я сбежал, сослав себя в Мэн.

Она соблазнительна. Не только в сексуальном плане, хотя да, есть и такое. Но этими краткими проблесками она искушает меня чем-то худшим — жаждой *нормальности*.

Она должна уехать. Немедленно.

Я сжимаю кулак и с силой

впечатываю его в собственное бедро, ударяя самого себя в наказание. *Из всего на свете, ты должен был пойти и признаться ей, что готов на самоубийство?* Но это было инстинктивно. Я хотел прогнать её грубо и быстро, и это показалось мне самым верным способом напугать новичка в этом деле.

Она сейчас же рванет к машине, и я убеждаю себя в положительности моих действий. Мне не нужна шикарная блондинка в напоминание о том, чего я не могу

ИМЕТЬ.

Разве что...

Мои глаза распахиваются.

Этот чёртов ультиматум.

Сказать, что мой отец в очередной раз меня обставил, — преуменьшение. Трёхмесячное обязательство играть по правилам и так казалось ужасным, когда я думал, что буду иметь дело с капризной старухой, но *это*? Предлагать мне провести три месяца в компании этой офигительной блондинки?

Откровенная провокация. Мой

отец не просто пытается заманить меня обратно в реальный мир, он *швыряет* меня в него.

Я нажимаю пальцами на глаза, подобно реальности ситуации, что обвивает мой мозг и сдавливает его. Какой у меня выбор?

Я могу сказать отцу отвалить — пусть девчонка возвращается в машину с Миком, а в результате моя задница окажется на улице без единого цента в кармане. И я оставлю жену и дочь Алекса *ни с чем*.

Или же... я могу погнаться за Златовлаской и притвориться, что хочу видеть её здесь. Притвориться, что она *нужна* мне. Следовательно, дочь моего лучшего друга сможет жить.

К чёрту. Выбора нет. Не на самом деле.

Я движусь к двери, замешкавшись, когда боль простреливает голень. *Дерьмо.* Прошло слишком много времени с тех пор, как я последний раз забывал о пользе своей левой ноги. Что

подсказывает мне наверняка, какие у меня неприятности. На секунду я забыл, кем являюсь. *Чем являюсь.*

Я больше не Пол Лэнгдон, отчаянный квотербек и герой всея Америки. Я Пол Лэнгдон, обезображенный и никому не нужный затворник. Чёрт, я даже не могу быть собой. Не могу даже, чёрт возьми, *ходить.*

Прежде чем я выдам отцу общеизвестный палец и скажу ему, что не нуждаюсь ни в его доме, ни в его деньгах, мне нужно собраться. И

чтобы это сделать...

Я отворачиваюсь от стола и пробираюсь через комнату так быстро, как только могу. Я недолго колеблюсь у дверной ручки, прекрасно понимая, что моя жизнь перевернётся с ног на голову.

Сердце гремит, и я пытаюсь убедить себя, что дело в гневе, но подозреваю, что здесь нечто похуже. Кажется, страх. Я знаю, какое зрелище предстанет перед этой девушкой, и оно не очень-то прекрасное. Далекое не такое.

Я открываю дверь, раздумывая над тем, как буду гнаться за этой девчонкой с такой ногой.

Оказывается, мне и не нужно бежать за ней.

Она и так меня ждёт.

Глава пятая

Оливия

Те пять минут, что я стою возле библиотеки и пялюсь на дверь, которую он захлопнул перед моим носом, меня интересует только одно: кто такой — или *что* такое — Пол Лэнгдон.

Должна сказать, я не ожидала плюшевого мишку, которому нужно, чтобы его обняли и выслушали, однако это *создание* больше похоже на замученного варвара, чем на

искалеченного войной человека. Так и продолжается, пока дверь вдруг вновь не распахивается, что подталкивает меня на мысль о том, насколько по-идиотски я неподготовлена.

До этого он был полностью укрыт тенью, но на этот раз свет коридора вылавливает его черты, и меня поражает ощущение ухающего к ногам желудка.

Пол Лэнгдон *не* пожилой обезображенный отшельник, которым он по идее должен быть.

Он отступает в полумрак прежде, чем я успеваю его разглядеть, хотя беглый взгляд выхватывает широкий разворот плеч, светлые, по-военному коротко стриженные волосы и пронзительные голубые глаза. А ещё он молодой. Примерно *моего* *возраста*.

— Какого чёрта ты здесь делаешь? — спрашивает он, отступая назад, во мрак библиотеки.

Я инстинктивно ступаю вперёд, а он столь же поспешно отходит ещё

на шаг, и впервые мне бросается в глаза, что, несмотря на общее впечатление молодости и жизненной силы, он двигается не слишком проворно.

Я останавливаюсь в полушаге, будто побоявшись напугать раненого зверя. Разве не раненные звери нападают чаще всего? А этот парень однозначно ранен.

— Какого хрена ты всё ещё здесь делаешь? — повторяет он, на сей раз с рычанием.

Что ж. По меньшей мере, ещё

несколько минут назад я даже представить себе не могла итог происшествия с этим неприветливым неандертальцем. Спустя мгновение после того, как он обрушил маленькую бомбочку насчёт самоубийства, Линди тяжело вздохнула и похлопала меня по плечу, сказав мне быть «терпеливой с мальчиком».

В задницу терпение. Разумеется, он насмотрелся больше ужасов, чем я могу себе вообще вообразить, но если и есть что-то, с

чем может быть так близко знакома богатая манхэттенская девушка, так это с тоном потакающего своим желаниям придурка. В Поле Лэнгдоне *без сомнений* есть нечто подобное.

Наверное, мне стоит ответить на его раздражённый вопрос о том, почему я ещё здесь, чем-то невозмутимым, простым и успокаивающим. Но на ум ничего не приходит, и поэтому я продолжаю молчать.

Он так и держится в тени,

отчего у меня возникает отчаянное желание узнать, что же он скрывает. Что может превратить кого-то, похожего на него, в затворника с суицидальными наклонностями?

— Хотя бы брось доллар в шляпу, — огрызается он, прежде чем отвернуться и двинуться к столу. Он ходит немного прихрамывая, однако...

Это всё моё воображение или хромота появилась уже *после* того, как он начал двигаться? Как если бы он *напомнил* себе хромать?

Наверное, мне нужно пойти к нему и как-нибудь помочь, но некий тёмный неизведанный инстинкт подсказывает мне, что не стоит. Именно этого он и ждёт, а быть предсказуемой с этим парнем — ошибка.

— Доллар в шляпу? — тихо повторяю я, затворяя за собой дверь в библиотеку. Глупый поступок. Теперь уже тёмная комната навевает интимность, и до меня доходит, что в ней нахожусь только я и парень, который может — или не может —

захотеть покончить с собой. Или со мной.

— Если собираешься глазеть, по крайней мере, пожертвуй мне из сострадания тот же доллар, который отдала бы любому другому цирковому уродцу, — поясняет он, всё так же не оборачиваясь.

Я закатываю глаза на его мелодраматизм, придвигаясь ближе в желании увидеть его лицо. Нет, *жажда* его увидеть.

Со спины он практически идеален. На нём чёрная футболка,

достаточно узкая, чтобы продемонстрировать выпуклости его скульптурной спины, и тёмные джинсы, сидящие низко ровно настолько, чтобы заинтересовать. Уверена, если бы он поднял руки над головой, я бы наверняка смогла мельком увидеть его боксёры.

Или брифы?

Почему у меня текут слюнки?

Я ещё даже не видела этого парня в полном свете, а уже в пятнадцати секундах от того, чтобы спросить, поселится ли его

ПОТОМСТВО В МОЁМ ЧРЕВЕ.

Мне следует бежать. Но вместо этого я придвигаюсь ближе.

— Дай угадаю. Ты ждала старика в смокинге? — грубовато интересуется он.

Честно говоря, да. Я совершенно не ожидала того, что Пол окажется поздним сыном Гарри Лэнгдона. Очень поздним, если Гарри настолько стар, насколько кажется на фотографиях.

Но, конечно, я не скажу ничего такого Полу. Я делаю ещё один

осторожный шаг вперёд, отмечая то, как он напрягается при моём приближении. Он в самом деле похож на раненого зверя, который мог бы заставить меня посочувствовать ему, если бы не использовал свои увечья лишь для того, чтобы оправдать своё поведение манипулирующего сукина сына.

Что ж, если он хочет поиграть...

Приближаясь к нему, я выуживаю бумажник из сумочки от Шанель, по-прежнему перекинутой

через моё плечо.

Он полностью поворачивается ко мне спиной, теперь оказавшись в ловушке между мной и столом, беззащитный, за исключением укрывающих его теней подходящего к концу дня.

Я замираю, выжидая. Обычная вежливость требует, чтобы он развернулся. Но он не поворачивается. Я сдвигаюсь в сторону, однако он сдвигается вместе со мной, продолжая держаться ко мне спиной.

Серьёзно? Это уже несерьёзно.

Я перехожу на другую сторону,
и он снова передвигается.

— Может, когда закончим, мы
сможем поиграть в «Спуски и
Лесенки» и «Страну Сладостей», —
говорю я ласково, впиваясь взглядом
в его спину. — Если, конечно, они не
превышают степень твоей зрелости.

— Они отлично подойдут, —
подхватывает он столь же приятным
тоном. — Мне не нужны рабочие
ноги, чтобы играть в настольные
игры.

Я чувствую укол жалости. Быть может, я слишком строга с ним. Вот, а теперь мне нужно вспомнить, зачем я здесь. Мне необходимо помочь ему, ведь только так я могу начать исправляться. Только так я смогу доказать себе, что не являюсь каким-то монстром.

Моя рука оказывается на его локте, прежде чем я успеваю понять, что начала двигаться, и понимаю, что он совсем не ожидал прикосновения, потому что, несмотря на то, что он напрягся, мне удаётся повернуть его

лицом к себе. Не до конца, но и этого достаточно. Я подавляю вздох, но с трудом.

Меня предупреждали, что Пол Лэнгдон был искалечен. Я была к этому готова. Но во всех наших электронных переписках Гарри Лэнгдон, видно, забыл упомянуть рваные шрамы, сбегаящие по правой стороне лица его сына.

Теперь-то всё приобрело беспощадный смысл: почему он прятался в тени, причины враждебности и горечь, волнами

исходящая от него.

Он с проклятьем отшвыривает мою руку, и я рассчитываю, что он отвернётся от меня. Возможно, даже оттолкнёт.

Но вместо этого он полностью поворачивается ко мне лицом, позволяя мне увидеть его лоб, и при этом глаза его ничего не выдают, даже настороженность, что практически разбивает мне сердце. Возникает ощущение, будто то, что я на самом деле *вижу* его, отключает его человеческую сторону.

Мы несколько секунд пялимся друг на друга, едва освещённые последними лучами дневного света, проникающего через окно. Его ожесточённые глаза светло-голубого, почти серого, цвета, особенно в обрамлении густых ресниц. Волосы слишком коротки, чтобы точно различить цвет, но можно предположить, что это что-то среднее между блондом и коричневым.

В конце концов, мои глаза опускаются на его шрамы. Сейчас,

когда я подготовлена, они не кажутся мне такими ужасными, какими представлялись поначалу. Три рельефные линии спускаются вниз по правой стороне его лица, самая короткая проходит чуть ниже брови до верхней части скулы, словно это — чем бы *это* ни было — промахнулось, нацелившись на его глаз. Второй, длиннее, спускается от волос вблизи виска к середине его щеки. Последний, самый длинный и уродливый, пересекает два других, будто сбегая от уголка его глаза и

останавливаясь недалеко от губы. Напрямую линии не повредили его губы, но, вполне возможно, его рот точно также изуродован, потому что я не сомневаюсь, что в последний раз он пользовался им для улыбки очень и очень давно.

В конце концов, *наконец*, я позволяю себе встретиться с его глазами. Мой желудок слегка вздрагивает, когда его взгляд останавливается на мне. Он поднимает брови, будто бы говоря: «И?». Становится ясно, что раньше

он уже попадал под этот испытующий взгляд и знает, чего следует ожидать.

Наверное, в основном люди стараются притвориться, что всё в порядке. Некоторые как-то выражают жалость — может, даже задают деликатные вопросы, движимые искажённым идиотским представлением, будто бы он захочет поговорить об этом с кем-то, кого вообще не знает. А некоторые в ужасе сбегают.

Мне не хочется быть частью

какой-то из этих групп. Мне хочется, чтобы Пол Лэнгдон видел, что я *другая*.

Поэтому я делаю невозможное. Находясь в самом настоящем, неподдельном ужасе и с каким-то странным предчувствием, что это должно быть сделано.

Я молча опускаю голову, снова завопившись с кошельком.

— Булава тебя не защитит, — говорит он с издёвкой.

Я не обращаю на него внимания, продолжая задуманное, и

вытаскиваю из кошелька двадцатку.

— Что это? — спрашивает он, глядя на банкноту в моей протянутой руке. Я чувствую странный прилив победы из-за растерянности на его лице. Всего на мгновение я одерживаю верх.

С лёгкой печалью, я качаю головой:

— Доллара в шляпе недостаточно. Тебе надо *серьёзно* задуматься о надбавке за первое впечатление. Двадцатка, как минимум.

Между нами повисает тишина, хотя выражение его лица не меняется.

Во рту у меня пересыхает, пока он изучает меня. Это рискованный шаг, и я это знаю. С кем-то другим — *с кем угодно* — это было бы нестерпимо жестоко. И ещё у меня почему-то закрадываются подозрения, что такого рода подтверждение о наличии шрамов на лице — именно то, чего страстно желает Пол Лэнгдон.

А потом он с удушливым рыком

ударяет меня по руке, но ни один из нас не наблюдает за тем, как купюра парит навстречу полу.

Унс. Значит, возможно, я ошибаюсь. Может, он вовсе и не *знает*, что страстно этого желает.

Моё колотящееся сердце требует, чтобы я отступила, прежде чем передо мной возникает двусмысленно мертвенно бледный парень, однако я продолжаю держаться, стоя лицом к лицу с чудовищным человеком, который выглядит так, будто ничего так не

желает, как насильно вышвырнуть меня из своего укромного логова.

— Убирайся, — произносит он, еле шевеля ртом.

Я нервно облизываю губы, замечая, как его глаза прослеживают движение моего языка, и наконец признаю, что, несмотря на саму себя — несмотря на страх, — меня до абсурда к нему влечёт. Влечёт неистово, по-животному, чего *раньше* я никогда не испытывала.

Я находила Итана привлекательным, конечно. В

смысле, мы же встречались примерно половину моей жизни. И Майкл... *Я не хочу думать о Майкле.*

Но ничего из моего ограниченного сексуального опыта не сравнится с этим магнетическим притяжением, которое оказывает на меня он.

Я игнорирую требование оставить его в одиночестве.

— Мне что-нибудь тебе принести? — интересуюсь я, как будто он не выгонял меня из комнаты. — Чашку успокаивающего

чая? Сэндвич с индейкой? А может, солнечные очки, чтобы защитить себя от всего этого счастливого сияния, которое ты излучаешь?

Его глаза вновь вспыхивают, на сей раз в замешательстве. Я одариваю его поддельной сочувствующей улыбкой и похлопываю его по руке.

— Ох, прости, милый. Твой медвежий рёв и повадки пещерного человека были направлены на то, чтобы я убежала? Ты ожидал, что я упаду в обморок от твоих гневных

взглядов?

Он открывает рот, скорее всего, чтобы снова рявкнуть на меня, но я всего-навсего прикладываю палец к его губам, будто бы затыкая капризного ребёнка, хотя подобная смелость и поведение наглой девчонки так же непривычно для меня, как и для Пола.

Но, по всей видимости, я не единственная, кто может вести себя непредсказуемо, потому что вместо того, чтобы оттолкнуть меня или отвернуться, его пальцы обвиваются

вокруг моего запястья до тех пор, пока его хватка не становится достаточно сильной, чтобы причинить мне боль. Его язык неожиданно щёлкает по кончикам моих пальцев, и я задыхаюсь, пытаюсь отнять руку от ласковых эротических поглаживаний.

Он заигрывает со мной.

Я понимаю, что это всего лишь манипуляция, без сомнений, но будь я проклята, если не возбудилась от этой нездоровой игры с напрочь запутавшимся парнем, которого даже

не знаю.

Мы оба дышим слишком быстро, и я чувствую прилив паники.

Это совсем не похоже на то, что было с Итаном. То всегда было комфортным и лёгким. Это не сравнимо и с тем, что было с Майклом. То было попросту запретным. То был уход от действительности и грех, за который я продолжаю расплачиваться.

Глаза Пола всё ещё удерживают мои, пока он очень медленно отпускает мою руку и отталкивает

меня.

— Ты явно невероятно глупая идиотка, к тому же, ещё и стерва, поэтому разреши мне внести больше ясности. Проваливай на хрен из моего дома. *Я не хочу, чтобы ты была здесь.*

Я пожимаю плечами, делая ещё один шаг к нему, и меня поражает странное чувство удовлетворения, когда в ответ он отступает назад.

— Я уеду, — говорю я низким голосом, не отпуская взглядом его глаза. Удивление мелькает на его

полукрасивых, полуискаженных
чертах, тогда как я настаиваю: — Да,
я уеду.

Он щурится.

— И в чём подвох? В двойной
оплате? — спрашивает он с издёвкой.

— Нет. Я останусь. На три
месяца, как и было условлено, — я
слегка наклоняюсь, позволяя своим
глазам сфокусироваться на его губах.
— Тебе лучше привыкнуть ко мне.

Я успеваю добраться до самой
двери, прежде чем понимаю свою
ошибку. Нет, *Пол* заставляет меня

понять мою ошибку.

Он хватается мои запястья за секунду до того, как грубо толкнуть мою спину. Лопатки ударяются о дверь за полсекунды до того, как его рот безжалостно обрушивается на мой. Я издаю испуганный визг, впиваясь ногтями в твёрдые широкие плечи, что напоминают гранит под моими руками. Быть может, его нога и искалечена, но верхняя часть тела — безусловно *нет*.

Это поцелуй не из желания, и уж точно не из романтических

побуждений.

Это поцелуй власти. Он пытается напугать меня.

Серьёзно, я никогда не считала себя темпераментной, но что-то в этом парне явно делало меня такой. Мой гнев разгорается, и я вонзаю зубы в его нижнюю губу. Недостаточно сильно, чтобы пустить кровь, но определённо хватит, чтобы сказать ему отвалить.

Однако вместо того, чтобы отпустить меня, он рычит и придвигается ближе, прижимая меня

к двери своим телом, пока его язык
скользит в мой рот.

Ух ты.

Мои пальцы вновь сжимаются
на его плечах, но не отталкивают.
Словно какая-то тёмная, дикая часть
меня вырвалась на волю, испробовав
его на вкус, и вместо того, чтобы
извиваться и бить его, я делаю
немыслимое. Я целую его в ответ.

Он замирает на мгновение,
когда мой язык робко касается его, а
потом начинает отстраняться, но мои
руки ложатся на его затылок и

притягивают его обратно ко мне. В тот момент, когда наши губы встречаются в очередной раз, это превращается в ожесточённый бой, в котором каждый пытается взять на себя контроль в сплетении наших языков. Мы как два озабоченных животных, которые отчаянно нуждаются друг в друге, чтобы выжить.

Это абсурдно. Это *неправильно*.

И я не хочу, чтобы это прекращалось.

И только вибрация телефона

Пола расцепляет нас, вынуждая
глазеть друг на друга в озадаченном
замешательстве. Я начинаю
подносить к губам трясущуюся руку,
но понимаю, что это уязвимый жест,
поэтому взамен поднимаю
подбородок и вызывающе смотрю на
него.

Его глаза прохаживаются по
моему телу.

— Убирайся.

Я одариваю его высокомерным
взглядом.

— Да пожалуйста. Если бы я

сбегала от каждого тёплого мальчишеского поцелуя, я бы так никогда и не поцеловалась в начальной школе.

Я уйду от его взбешённого взгляда, уверенная в том, что выиграла эту битву, хоть и по очень, *очень* высокой цене. Потому что у меня *серьёзный* женский стояк из-за парня, на которого мне предстоит работать.

Глава шестая

Пол

Мне хочется, чтобы она закрыла дверь с взбешённым хлопком, но вместо этого она затворяет её за собой с тихим величавым щелчком. Я говорю себе, что её уход из комнаты пропитан самодовольной театральностью.

Руки сжимаются в кулаки, хотя я и не уверен из-за чего: от желания пробить стену или догнать её, чтобы зарыться пальцами в волосы и

притянуть её рот к своему. Снова.

Этот повторный позыв и воспоминания о том поцелуе приводят меня в ярость.

Что-то пошло не так. Совсем неправильно. Я хотел только припугнуть её, налетев большим уродливым зверем, а она наоборот ответила, будто мартовская кошка. Ответила так, словно *хотела* меня. Что, очевидно, было лишь частью её игры, но... всего на секунду я захотел, чтобы она желала меня.

Эта девушка отравляет. Я буду

играть по правилам с любой сиделкой моего отца, но не с ней. С кем угодно, но не с ней. Я приму дряхлую леди, чопорного проповедника, даже капризного тирана, но я не хочу проводить каждый день с девушкой, которая служит мне напоминанием о том, чего я иметь не могу.

С девушкой, которую я не могу перестать представлять надо мной, подо мной...

Христос.

Мне показалось, что она полна

соблазнов, ещё когда я получил лишь краткое представление о ней. Но познав её вблизи? Она ещё великолепнее, чем я думал. Впрочем, угроза куда серьезнее. К тому же, она наглая, непочтительная и смелая. Эта комбинация даже более заманчива, чем широко распахнутые зелёные глаза и длинное стройное тело.

Сколько прошло с тех пор, как кто-то становился со мной нос к носу? Сколько прошло с тех пор, как кто-то отказывался потворствовать моему «состоянию»?

И тот момент, когда она рассматривала мои шрамы — *действительно* рассматривала их... если бы она посочувствовала или ужаснулась, я бы смог с этим справиться. Но такое открытое подтверждение? Прямолинейное признание, вроде «Да, у тебя уродливое лицо»? Это было странно и интригующе.

И я не мог справиться с *этим*.

Я хватаюсь за телефон. Мой отец снимает трубку на втором гудке.

— Найди новую, — говорю я

вместо приветствия.

Он не делает вид, будто не понимает:

— Ты прошёл через всех «новеньких», Пол. Я уже говорил тебе, что запас людей, обученных ухаживать за инвалидами, ограничен.

Обычно меня бесит слово «инвалид», но в этот раз меня смущает не эта часть:

— Обученных? Ты серьёзно пытаешься сказать мне, что эта школьница, которую ты отправил сюда, обучена чему-то помимо

маникюра?

Его молчание подсказывает мне, что я прав.

— Ладно, я не говорил, что она прошла обучение. Но она будет делать то, что тебе нужно.

— И что же, подтирать мне задницу?

— Составлять компанию, — рычит мой отец. — Сделает из тебя человека.

Моя голова чуть отклоняется назад на эти его слова. Он прав, конечно. Я не человек. Но услышать

это от своего отца...

Я уже начинаю вешать трубку, но примирительный тяжёлый вздох моего отца останавливает меня.

— Ты же знаешь уговор, Пол.

— Ага. Трудно забыть, что мой собственный отец вышвыривает меня из дома.

— Тебе двадцать четыре. Перестань всё выставлять так, будто ты беззащитный ребёнок.

— Уровень твоей отеческой нежности зашкаливает. И я не отказываюсь от нашего уговора, а

просто предлагаю тебе найти другую сиделку, — *которая бы меня не возбуждала.*

— Нет, — его лаконичный отказ — нехороший знак.

— Я не отказываюсь от уговора, — повторяю я, тщательно удерживая голос ровным. — Я всего лишь прошу поработать с кем-то, кто не напоминал бы мне о дополнительных занятиях после уроков.

— Оливия или никто.

Оливия. Знал ли я её имя до

настоящего времени? Мы, разумеется, не представились в перерывах между теми жаркими взглядами, и если бы мой отец не упомянул её имя, вряд ли бы я удосужился обратить на него своё внимание. Это имя ей подходит.

Вопреки самому себе, мне интересна её история. Она занималась этим раньше? Помогала каким-нибудь другим жалким и ущербным неудачникам продолжать проживать свою незадавшуюся жизнь? В любом случае, это кажется

бессмысленным. То, что такая девушка тратит своё время на отбросов общества.

— Разговор окончен, Пол, — отрезает папа. — Три месяца с ней, иначе сделка отменяется. Ты потерял право быть разборчивым где-то после шестого отправленного мною человека, сбежавшего от тебя.

Я опускаюсь в кресло за столом. Моя нога убивает меня, но это ничто по сравнению с давлением в груди, вызванным законченностью в голосе отца.

— Она же молодая, пап, — говорю я, ненавидя отчаяние, которое различаю в собственном голосе. — Моя ровесница.

— И?

Господи, неужели он настолько невежественный? Бессердечный?

— Просто она... Она слишком похожа на кого-то, с кем бы я зависал... раньше, — чёрт возьми, да она похожа на кого-то, с кем я бы *встречался*.

— Ну, может, это и хорошо, Пол, — его голос звучит устало. —

Это послужит тебе хорошим напоминанием того, что, хоть ты и выглядишь и двигаешься иначе, но всё ещё остаёшься тем же самым человеком.

Определённо нет. Даже близко.

Худшими шрамами являются не те, что я могу увидеть в зеркале, и мне всего лишь хочется, чтобы старый ублюдок хотя бы *попытался* это понять.

— Я не проведу с ней следующие три месяца. Ни за что.

— Отлично. Я скажу Линди и

Мику начинать собирать твои чемоданы.

Я закрываю глаза и в лёгком отчаянии резко прислоняюсь к спинке кресла.

— Клянусь Богом, что радушно приму любого, кого ты отправишь следующим. Кого угодно, но не её.

Он молчит, и на какую-то обнадёживающую долю секунды мне кажется, что он уступил. А потом он повторяет:

— Либо она, либо никто.

— Чёрт побери! — взрываюсь

я.

— Мне пора — я уже опаздываю на встречу с Советом.

Ну, конечно. Человек, который питается, дышит и гадит своей работой.

Думай о Лили. Думай об Аманде. Сделай это ради Алекса.

— Отлично, — бормочу я, ненавидя самого себя за то, что похожу на капризного ребёнка, однако притворяюсь, что меня не трогают его махинации.

— Я позвоню тебе в

воскресенье, — произносит он.

Я уже собираюсь вешать трубку, но его голос останавливает меня:

— Пол?

Я не отвечаю, но и не отсоединяюсь.

— Всё будет хорошо, сынок. Вот увидишь.

Дерьмо это всё собачье.

Но он пропадает прежде, чем я успеваю сказать ему, что уже очень давно разочаровался во всей этой ерунде, связанной с «хорошо».

Глава седьмая

Оливия

Я выбредаю из жуткой депрессивной пещеры Пола с высоко поднятой головой, но как только дверь закрывается, поворачиваю за угол и сползаю по стене, пытаюсь собраться с мыслями.

Я сразу же жалею о нехарактерном мне всплеске... ну, честно говоря, я понятия не имею, *что* это был за всплеск. Хотелось бы думать, что я повела себя храбро и

благородно — выполнила свои обязательства или типа того.

Но правда в том, что всё в Поле Лэнгдоне выводит меня из себя, поэтому я потеряла самообладание. А ведь я даже не знала, что у меня *есть* темперамент.

Я нахожу путь обратно на кухню и обнаруживаю Линди по локти в муке.

— Что ты готовишь? — интересуюсь я, прежде чем она успевает спросить о моей катастрофической встрече с Полом.

Она бросает на меня любопытный взгляд:

— А на что это похоже?

Я оглядываю бежевую кляксу, которую она плюхает по гранитной столешнице.

— Тесто для пиццы? — предполагаю я. Её движения напоминают мне о парнях за прилавком Гримальди (прим. ред.: одна из лучших пиццерий в Нью-Йорке).

Линди улыбается мне крошечной полуулыбкой.

— Я могу приготовить и её. Но изначально задумывался всего лишь старый добрый хлеб.

— Оу, — выдаю я, чувствуя себя тупицей. Ну, конечно же, это хлеб. Этот же самый *хлеб* в доме Миддлтонов объясняет остановку в местной пекарне или же на Итальянском рынке в районе Флэтайрон. Я несколько минут наблюдаю за тем, как Линди месит тесто, и, хотя её движения ритмичные и умиротворяющие, они не оказывают никакого эффекта на

мой без устали работающий мозг.

— Не хочешь поговорить об этом? — интересуется она, не поднимая взгляда.

— Даже не знаю с чего начать.

— Он, как правило, производит впечатление на людей. Они приходят с готовностью посочувствовать, а уходят с желанием придушить его.

— Это многое объясняет, — произношу я, проводя пальцем по покрытой мукой столешнице.

— Но ты остаёшься? — вопрошает она.

Я крепко сжимаю губы, размышляя. Мне не хочется оставаться. Мне хочется во всё горло позвать Мика и умчаться обратно в Манхэттен, где люди *покупают* хлеб, где не царит такой долбаный *покой*, и где у искалеченных войной ветеранов нет сексуальных голубых глаз и хренового поведения.

Но потом я представляю самодовольную снисходительность Пола, пока он глазел на меня с этого истерзанного, некогда прекрасного лица. Он *знал*, что меня будут

одолевать такие чувства. Чёрт, он убедился, что меня здесь ничего не удержит. Будто бы насквозь разглядел мой план ворваться сюда, словно праведный ангел-хранитель, с целью искупить свои собственные грехи, и сказал мне, что не собирается в этом участвовать.

Очевидно, искупить вину будет не так просто, как влить суп в рот измученной признательной души.

Линди выдаёт очередную свою полуулыбочку, которых у неё, кажется, неисчерпаемое множество.

Эта улыбка будто говорит: «Жизнь — отстой, но она всегда стоит того, чтобы жить».

— Большинство людей не признают, что он вызывает разочарование, — объясняет она. — Многие из них прикидываются, что он славный, и заявляют, что *они* единственные, кому по силам его исправить. Хотя иногда они даже не утруждают себя притворством. Они просто-напросто уезжают сразу после встречи с ним, продлившейся меньше нескольких минут.

— Не могу сказать, что виню их, — отзываюсь я, отталкиваясь от столешницы. — Но так уж случилось, что мне больше некуда податься. И ещё я, скорее всего, не тот человек, который может ему помочь, но и в то же время я не знаю, так ли это, когда имеешь дело с *ним*.

— Ну, тогда, — Линди напоследок похлопывает тесто, прежде чем вытереть руки кухонным полотенцем, — я покажу тебе твою комнату.

Верхний этаж дома так же

обширен и велик, как нижний, но его пустота немного нервирует. Я следую за Линди сквозь череду деревянных коридоров, замечая, что мы проходим через десятки спален, ни одна из которых, похоже, не используется. Ну, разумеется: отец Пола здесь не живёт, и я догадываюсь, что Мик и Линди обитают в близлежащем домике для прислуги. Значит, здесь будем только я и Пол. Одни.

Эта мысль должна ужасать, и так есть. Но затем я вспоминаю свою реакцию на него... этот чистый,

неразбавленный всплеск влечения, и теперь, в довершение к адской нервозности, я ещё и волнуюсь.

— Вот мы и пришли, — произносит Линди, останавливаясь перед комнатой слева в самом конце коридора. — Это не самая большая гостевая комната, но из неё открывается самый лучший вид во всём доме. Если не считать хозяйских апартаментов, конечно.

— Хозяйских апартаментов, в которых спит отец Пола, когда приезжает? — интересуюсь я,

шагнув в комнату.

— Мистер Лэнгдон редко остаётся на ночь, — тихо говорит Линди. — А когда всё-таки остаётся, останавливается в самой дальней от Пола гостевой комнате. Только так они могут сохранить мир.

— До чего же удивительное неблагополучие, — бормочу я.

Но, оглядев свою новую спальню, я временно забываю о проблемах Лэнгдонов, потому что эта комната выглядит как номер на роскошном курорте. Огромная

кровать, белоснежно-белое постельное бельё и меховой плед, лежащий в изножье. Мебель размером больше обычного, сделанная из натурального дерева единственного в своём роде качества, наводит на мысль, что она была сделана в единичном экземпляре, а не в большом количестве, разбираясь впоследствии тысячами семейств.

В одном из углов стоит громадный письменный стол, а в другом кресло для чтения, но светило комнаты — это массивные

окна, выходящие на водоём.

— Ничего себе, — шепчу я.

— Видишь, у нас есть то, чего нет в Нью-Йорке, — говорит Линди, даже не потрудившись скрыть высокомерие в голосе. — Например, Фричман-Бэй.

Я не спорю. Мне довелось повидать множество восхитительных пейзажей во время поездок на весенние и летние каникулы, но это место занимает самую высокую планку, потому что оно оказалось попросту непредвиденным. Уже

почти стемнело, но это лишь добавляет привлекательности сумрачному водоёму. Могу представить, что в ярком солнечном свете он будет достоин праздничной открытки.

— Ванная там, — говорит Линди, указав на дверь, расположенную напротив окна. — Я положила свежие полотенца, а ещё рядом со шкафчиком стоит небольшой холодильник с водой и закусками. Я готовлю три раза в день. Ничего особенного, поэтому,

если тебе понадобится что-либо между, или что-то ещё, всё в твоих руках.

— Звучит замечательно, — отзываюсь я, одаривая её скупой улыбкой. — Хотя обычно я не успеваю проголодаться, когда путешествую, поэтому на сегодня я обойдусь.

Я не ела с завтрака, если не считать съеденные за короткий перелёт крендельки, но мой аппетит определённо временно меня покинул. Скорее всего это как-то

связано с тем, что я напоролась на источник всех неприятностей в мире.

— Обычно сиделки разделяют трапезу с Полом? — спрашиваю я.

Линди на мгновение поджимает губы.

— Нет, чаще всего он кушает в кабинете, иногда в спальне. Ты, конечно, можешь обедать со мной и Миком в любое время, но мы предпочитаем кушать в малом доме.

Она говорит это так, как любят говорить люди, когда не очень ждут, что их приглашение примут, и я

признаю, что немного подавлена тем фактом, что, по всей видимости, мне предстоит есть в одиночестве. Моя семья всегда устраивала совместную трапезу, поэтому сама мысль о четырёх людях, живущих в одном доме и питающихся отдельно, кажется мне странной.

С другой стороны, принятие пищи в одиночку представляется гораздо *менее* странным, чем совместная трапеза с Полом. Если бы он вообще допустил это, особенно после того, как я себя

повела. Хотя, как ни странно, я всё ещё не жалею о своей чрезмерной грубости. Оно стоило полнейшего удивления на его лице. Да и что-то подсказывает мне, что непредсказуемость — единственное, что мне понадобится, если я захочу иметь хоть какой-то шанс продолжать одерживать верх.

Линди направляется напрямиком к двери.

— На кухне и в конце коридора есть телефоны, и на обоих указан номер малого дома. Как правило, я

ухожу туда вскоре после того, как Пол заканчивает ужинать, поэтому, если тебе что-нибудь понадобится...

— Со мной всё будет прекрасно.

Она изучает меня целое мгновение, и я практически уверяюсь в её желании уличить меня в обмане.

Но вместо этого дверь за ней закрывается, а я стою несколько минут на месте, разглядывая парусники и желая оказаться на одном из них, уплывая подальше

отсюда.

Это лишнее доказательство тому, какой приятной была моя жизнь до последней пары месяцев, когда я по-настоящему никогда и не думала быть печальной. В смысле, я никогда на самом деле не думала и о том, чтобы быть счастливой. Наверное, вы сказали бы, что я плыла по течению в безопасной, *хорошей жизни*.

А сейчас?

Сейчас я не могу даже вынести мысль о возвращении к своей жизни

со всей её глянцевой пустотой, но и остаться в Мэне почти столь же непостижимо. Не только потому, что он мне чужд, и не потому, что Пол — совершеннейший мудозвон, который может или не может меня завести. А потому, что *я не знаю, что мне делать.*

Завтрашнее утро не за горами, и я жду не дождусь, чтобы приступить к оплачиваемым обязательствам: быть компаньонкой парню, который не может позаботиться о себе. Если не считать хромоты и издёвок,

справляется он просто прекрасно. Даже представить себе не могу, что он захочет, чтобы я читала ему вслух классику, пока бы он барахтался в акварели. Мне вообще повезёт, если он позволит мне хотя бы находиться с ним в одной комнате.

Тщетность всего этого угрожает задушить меня, и я приступаю к разбору чемодана, который Мик поднял наверх для меня. С каждым лифчиком, забрасываемым в верхнее отделение комода, я продолжаю надеяться, что это поможет моему

мозгу признать, что я остаюсь.

Но вместо этого мои мысли ступают на более смехотворный путь... размышляя над тем, какой лифчик Пол хотел бы увидеть больше всего. Размышляя о том, какими были бы ощущения, если бы он снимал его с меня. Размышляя...

О Боженьки, Миддлтон. Ты в одной порочной мыслишке от становления отвратительной извращенкой.

Когда я чищу зубы и умываю лицо в небольшой, но современной

ванной, я с удивлением осознаю, что устала, несмотря на то, что солнце едва зашло. Я задаюсь вопросом, стоит ли мне проверить «Мистера Пола», но исходя из того, как свирепо он смотрел на меня и как я выскочила из его пещеры немногим ранее, мне не кажется, что ещё одна встреча с ним сегодня принесёт нам какую-нибудь пользу.

Переодевшись в пижаму, я сворачиваюсь калачиком на огромной кровати, уложив щеку на руки, вглядываясь в тёмное небо.

Наконец ускользая в сон, я вижу не живописные водоёмы и лодки. Я вижу сердитые губы и восхитительные голубые глаза.

Впервые за долгие месяцы мои сны не об Итане. И не о Майкле.

Сегодня мои сны о ком-то куда более опасном, чем парни из моего прошлого.

Глава восьмая

Пол

В старшей школе я относился к футболу как к чему-то важному. И он всегда мне нравился, хотя и никогда не был моей настоящей страстью, как бы глупо это ни звучало.

Честно говоря, я был наполовину разочарован, когда мой тренер сделал меня КБ в начале первого курса. Квотербеку не нужно много бегать.

Вот моя страсть. Бег. Метание

мяча с кучей других парней было ничем по сравнению с наплывом, который я получал от бега.

Прилетев в Афганистан, я бегал каждый день. Я бегал вокруг базы так часто, как только мог, после прибытия туда. А после возвращения... ну, скажем так: моё будущее содержит столько же надежды на способность бегать, сколько и на возможность летать.

Но у меня есть секрет.

Незначительный. Убогий, честно говоря. Но о нём никто не

знает. Ну, я подозреваю, что Мик и Линди вполне могут знать, но они не осмеливаются упомянуть об этом.

Правда заключается в том, что бег — единственная область в моей жизни, в которой я позволяю светить крохотному лучику надежды. Не *настоящей* надежды. Потому что я не могу позволить себе думать, что это произойдёт. Однако я мечтаю о том, чтобы вновь начать бегать.

Это та самая мечта, которая заставляет меня отрывать задницу от постели каждое утро. Раньше, чем

Линди, Мик или какая-нибудь унылая сиделка, которая притаилась в засаде до пробуждения... чёрт, да даже раньше *солнца*.

Я выхожу на улицу и притворяюсь, что бегу. Не физически, конечно. Моя нога даже отдалённо не способна выдержать такого рода фантазии. Но мысленно? Я бегу.

Это единственный случай, когда я использую трость. Отчасти потому, что никто не смотрит, но и потому, что трость даёт мне

возможность идти дальше, дальше и быстрее. Всего милю или около того по тропе, вьющейся вокруг залива. Я ковыляю в предрассветной тишине и разрешаю себе притвориться всего на час, что бегу. Что я нормальный. И это *моё* время.

Конечно, с моим отшельничеством *всё* время принадлежит мне. Но это совсем другое. Я бы даже сказал «*священное*», если бы не звучало так абсурдно. Но, если не брать в расчёт рыбаков, — потому что это всё-таки

Мэн, — я один. И эта уединённость отличается от остальной части моего дня, потому что она преднамеренная.

Это время дня — единственное время, когда я чувствую себя живым.

И я никогда даже подумать не мог, что это отнимут у меня самым изнурительным из возможных способов.

Оливия Миддлтон — тот самый человек, на которого у меня всю ночь стоял член, — бегунья. И даже хуже, она бежит по *моей* тропинке в *моё* время.

Бежит прямо на меня, и, несмотря на приличное расстояние, я точно знаю, что это она. Только о самом светлом хвостике и высоком стройном стане я был способен думать с момента того поцелуя.

Разворачиваться было бы бессмысленно. Она легко нагонит мой шаг, так что мне не остаётся ничего другого, кроме как ждать. И готовиться.

Я неспешно останавливаюсь. Довольно-таки плохо, что ей предстоит увидеть меня с тростью —

будь я проклят, если дам ей
лицезреть, как реально ковыляю.

У неё яркие розовые кроссовки,
что смехотворно, учитывая, как
отлично они сочетаются со
спортивной розовой кофтой с
длинными рукавами. Лента для
волос тоже розовая. Что наводит на
мысль, был ли на ней и вчера свитер
розового цвета? Именно то, что мне
нужно. Взрыв жевательной резинки в
жизни.

Даже если её модный прикид
не наводит на определённые мысли

(настоящие бегуны не заботятся о том, чтобы их обувь соответствовала повязке), её вялый темп, порозовевшие щёчки и немного неправильная поступь проясняют, что она новичок в этом деле.

Мой мозг уже принялся сыпать указаниями. *«Вдыхай через нос, выдыхай через рот. Слишком много движений руками. Вальгус тебе тоже твои девчачьи кроссовки компенсируют?»* (Прим. ред.: вальгус — нарушение строения стопы: у взрослых это деформация кости

большого пальца, у детей — искривление ног вовнутрь).

Сперва мне кажется, что она не видит меня. Ничего в её поступи или выражении лица не меняется, пока она сокращает дистанцию между нами. А потом она замечает меня. Оказывается прямо передо мной. И останавливается.

Мои пальцы сжимаются на рукояти трости, — чёрном питоне, которого я заказал через интернет больше потому, что это было до ужаса безвкусно — и я, не

удержавшись, поворачиваю голову и являю ей профиль. Свою лучшую сторону.

Хотя, если мы застрянем вместе на два месяца, ей лучше привыкнуть к моему виду. *Мне бы* лучше привыкнуть к её виду.

Она вообще не опускает взгляд на трость и, за исключением краткого взгляда зелёных глаз на мои шрамы, действительно выглядит так, будто они её и не волнуют. С другой стороны, ещё темно, нас освещают самые первые блеклые лучики

раннего солнца, поэтому вполне возможно, что она вовсе и не видит их уродства. Что напоминает мне о...

— Тебе не следует бегать одной в темноте, — ворчу я.

Она хмурится, почти незаметно, лишь с тоненькой морщинкой между тёмно-русых бровей.

— Почему же?

— Ты и по улицам Нью-Йорка бегаешь на рассвете?

— Откуда ты знаешь, что я из Нью-Йорка?

Я по-прежнему молчу, не желая объяснять, что большую часть прошлой ночи провёл, изучая ограниченную информацию об Оливии, которую переправил отец. Ничего познавательного. Уроженка Нью-Йорка. Жительница Манхэттена. Краткий курс по реанимации человека, никакого *реального* опыта ухода за кем бы то ни было. Ей исполнилось двадцать два года всего за несколько дней до приезда в Мэн.

Но файл не ответил на то, что я

хотел знать. Например, наслаждалась ли она вчерашним поцелуем, или всего лишь притворялась. Любит ли она, когда парни держат её лицо или бёдра, когда целуют её. Есть ли у неё парень. И самое главное... *какого хрена она делает в Мэне?*

— Не бегай здесь одна, — говорю я. Не утруждаю себя объяснениями всех опасностей, которые поджидают женщину, в одиночестве бегающую в потёмках. Бар-Харбор достаточно безопасное место, хотя оно всё же не исключает

какого-нибудь притаившегося в кустах больного ублюдка, в чьи намерения входит оборвать чужую жизнь.

— Ладно, — отвечает она, удивив меня.

Я щурю глаза в ожидании.

Она переминается с ноги на ногу:

— Почему ты так смотришь на меня?

— Никогда не видел женщину, которая бы соглашалась так легко без уловок. Может быть, ответишь мне

сейчас, и покончим с этим?

Оливия пожимает плечами.

— Хорошо. Я собиралась взять с тебя обещание походить со мной, чтобы мне не приходилось бегать в одиночку.

— Нет, — возражаю, едва она успевает закончить фразу.

— Почему нет?

Я пристукиваю тростью по земле.

— Ну, для начала, несмотря на тот факт, что тут и черепаха переплюнет твои жалкие потуги, я не

в той форме, чтобы сопровождать даже самых жалких бегунов.

— Ты обладаешь таким ловким мастерством перегружать предложения оскорблениями, — отзывается она, вытянув руку, чтобы поправить свой хвостик. — Это, должно быть, полезно, с твоей-то процветающей общественной жизнью и всё такое.

Я ударяю тростью по земле ещё раз, изучая её.

— Должно быть, приятно приставать к калеке.

Оливия закатывает глаза.

— Я тебя умоляю. Твоя нога искалечена намного меньше, чем душа.

Она и понятия не имеет, насколько права, и у меня нет намерения подпускать её достаточно близко, чтобы она могла это выведать. Мне хорошо удаётся закрываться от людей, отталкивая их от себя... вести себя как можно неприятнее, пока они не достигнут критической точки. Но с ней? Всё иначе. И дело не только в том, что я

не сумею спугнуть её за три месяца из-за установленных отцом порядков. В меня закрадываются подозрения, что она из тех людей, которые могут распознать, что эта едкая враждебная обыденность вовсе не обычна. Эта девушка вполне может увидеть, что я *действительно* прогнил.

Это будет лучшим, что она сделает, вот только мне нужно отложить это прозрение на некоторое время. А точнее, на три месяца. Я не говорю, что собираюсь быть *милым* с ней. В мои намерения

вовсе не входит обрушивать на её задницу всё своё дружелюбие. Но я сделаю всё необходимое, только бы не дать ей узнать, что внутри я мёртв больше, чем ей кажется возможным. Я сделаю всё, что потребуется, дабы убедиться, что малышка Лили получит лечение, которое ей необходимо.

Впрочем, я не буду сопровождать эту девчонку на её утренние «пробежки», и у меня не вызывает затруднений это слово.

— В спортзале есть беговая

дорожка, — говорю я, продолжив идти по тропе.

— Есть? — переспрашивает она, принаравливаясь к моему шагу. — Говорят, ты им не пользуешься.

— Знаешь, — говорю, будто в самом деле сражённый. — Мне только что пришла в голову *замечательная* идея. Давай мы *не* будем разводить болтовню? Ты пойдёшь вперёд и вернёшься в дом со своей неподходящей обувью, а я продолжу ползти по этой тропинке в одиночестве. Идёт?

— Моя обувь очень даже подходит.

Я фыркаю.

— Брось. Где ты её взяла, в интернете?

Она мгновение молчит.

— У них были отличные отзывы.

— Уверен, так и есть. Наверняка их оставили люди, которым очень нравится розовый цвет.

— Что не так с этим цветом?

— Для губной помады? Ничего,

— отвечаю я, хотя понятия не имею, почему продолжаю этот разговор. Отсутствие в нём яда кажется подозрительно нормальным.

— Дай угадаю, — произносит она. — Сто лет назад твоя команда старшей школы по лёгкой атлетике заняла второе место в штате, и ты всё ещё переживаешь былую славу?

— Сто лет назад? Так вот, сколько, по-твоему, мне лет? И, нет, я не занимался лёгкой атлетикой в старшей школе.

— Ты умудряешься и в двадцать

четыре вести себя на сто.

Я шурюсь, глядя на неё:

— Шутка про трость?

— О, кстати, мы же можем минутку поговорить? —

интересуется она, опустив взгляд на озадачивший её предмет. — Эта затея со змеёй — отсылка на твой пенис, верно?

Я спотыкаюсь. Эта девчонка выглядит, как ребёнок с плаката молодёжной церковной группы, и «пенис» — не то слово, к которому я себя готовил. Во всяком случае, не в

этом контексте.

— Серьёзно? — спрашиваю я, раздражённый тем, что был пойман врасплох. Она не только вторгается в моё личное пространство и навязывает себя на прогулку, на которую явно не была приглашена, но и в моём прошлом копается, попрекая меня старикивским поведением, а теперь ещё роняет «член» в разговоре, будто мы погоду обсуждаем.

— Мне так кажется, — говорит она, пожимая плечами. — Это же

змеиная голова, и то, как ты пользуешься тростью, держишь её в каком-то роде по соседству, ну... с *твоей* змеиной головкой. Думаю, это не может быть случайностью.

Сладчайший Иисус.

— Это трость. Я никак ей не пользуюсь и *не* держу её у... дерьмо. Забудь. Ты можешь, *пожалуйста*, просто пробежаться обратно домой? Твоя обувь Барби здесь испачкается.

Оливия пожимает плечами, но в противоположную сторону не двигается.

— Лично мне кажется, что тебе нужно было взять трость с ягуаром. Вот это было бы *действительно* круто.

Я хмурюсь.

— Питон крутой.

— Нет. Питон жуткий и неприличный. Не то что гладкая, сексуальная чёрная кошка, а? Это бы подняло твой коэффициент крутости.

На какое-то мгновение я почти говорю ей, что мне не нужна никакая помощь в поднятии коэффициента крутости. А затем я вспоминаю, что

больше не являюсь Полом
Лэнгдоном, зазнайкой из Бостона. Я
изуродованная пародия из
захолустного городка.

Я втягиваю прохладный
утренний воздух, чтобы сдержаться и
не выпустить отчаяние, застрявшее в
горле, гневным рёвом. Если я
позволю ей увидеть хотя бы *кусочек*
того, что кроется у меня внутри, она
сбежит обратно на Парк-Авеню. И,
как бы это ни было заманчиво, она
нужна здесь. По меньшей мере до тех
пор, пока я не придумаю, как

поступить со своей жизнью.

А пока я должен держать её так близко, чтобы у меня не возникало желания придушить её или толкнуть к ближайшему дереву и зацеловать до бесчувствия.

— Как давно ты бегаешь? — спрашиваю я, почти задохнувшись от глупости и никчёмности вопроса. Прошло так много времени с тех пор, как у меня был такой простой разговор, что это кажется одновременно и неестественным, и странно знакомым. Плюс ко всему,

он держит мои мысли на расстоянии от того, что заполняет её розовую спортивную кофточку. Практичность подсказывает мне, что под ней у неё спортивный лифчик — наверняка розовый, — но это не мешает мне фантазировать о том, как выглядит Оливия в меньшем количестве нательного белья. Или, ещё лучше, вообще без ничего.

— Пробежки для меня своего рода новшество, — отвечает она, затягивая меня обратно в разговор.

— Я в шоке, — бормочу я.

— Ну, извини, я не Фло-Джо.

Я едва заметно улыбаюсь:

— Это единственная бегунья, которую ты знаешь?

— Возможно. Господи. Что тебя связывает с бегом? Я и не представляла, что отслеживание всяких мелочей будет частью моих рабочих обязательств, — говорит она раздражённым тоном, когда мы резко сворачиваем с тропинки, приближаясь к воде.

— Мне его недостаёт, — мой ответ прост и куда более

красноречив, чем было рассчитано.

Часть меня ожидает, что она будет издеваться надо мной. Проинформирует меня, что в жизни есть более важные вещи, чем способность бегать, или же утешит меня, сказав, что есть много *других* вещей, какими я могу заниматься с таким же успехом.

Вместо этого она кивает, но не в сочувствии, а в быстром подтверждении моего заявления.

— Я начала бегать, чтобы спастись, — говорит она спустя

несколько секунд тишины.

Я опускаю взгляд на её профиль, замечая, что у неё чуть вздёрнутый и милый носик.

— Спасти́сь от чего?

Она оглядывается на меня, и на один заряжённый миг наши взгляды сталкиваются.

Послание недвусмысленно: она расскажет мне свои секреты только тогда, когда я расскажу ей свои.

Чего никогда не произойдёт.

— Ты дышишь неправильно, — говорю я, отрывая взгляд от её глаз.

— С моим дыханием всё отлично.

— Нет, если ты хочешь бегать больше, чем три мили. Твоё дыхание слишком поверхностно. Тебе нужно вдыхать глубже. Задействуй диафрагму. И тебе нужно сделать так, чтобы вдохи совпадали с шагами. С твоим медленным темпом можно вдыхать на третьем или четвёртом шаге, а потом через столько же выдыхать.

— Слишком много алгоритмов для чего-то инстинктивного.

— Ты привыкнешь.

— Ладно, что ещё? —

произносит она, раскинув руки. — Я кривоногая? У меня недостаточно высокий хвост?

— Просто начни с дыхания на первых парах, — говорю я, начиная раздражаться, когда понимаю, как сильно хочу быть самым бегуном, а не тем, кто рассказывает кому-то ещё, как нужно правильно бежать.

— Конечно, тренер, — ворчит она.

— Итак, твоё внезапное

родство с пробежками случайно не означает, что ты хочешь побыть в одиночестве?

Она хмурится.

— Не сказала бы. Зачем?

— Господи, воспользуйся подсказкой.

— *Ой.* Ты хочешь, чтобы я оставила тебя в твоей задумчивости.

— В точку.

Она тут же останавливается и поворачивается так, что оказывается спиной прямо к дому.

— Прекрасно. Попытаюсь

освоить твой приём с дыханием на обратном пути. Завтра в то же время?

— Нет. Найди другое время для пробежек.

— Мне платят за то, чтобы я поддерживала твою компанию, ты же знаешь.

— Хорошо, только делай это тихо. И издалека.

Она вздыхает, будто я какой-то капризный ребёнок.

— Так обескураживает, что никто из твоих других компаньонов не продержался дольше двух недель.

Невероятно обескураживает, скажу я тебе.

— Прощай, Миддлтон, — отзываюсь я, указав тростью на дом.

— Увидимся, Лэнгдон, — говорит она, сдвинувшись с места в обратном направлении, всё так же оставаясь лицом ко мне. — Может, проведём ещё одну небольшую викторинку утром? В обмен на твои непрошенные советы по правильному дыханию?

— Нет, благодарю.

Она игнорирует меня и кивает

на трость.

— А это? Только для вида. Ты ни разу за всё это время не воспользовался ею, чтобы поддержать свой вес.

Я открываю рот, чтобы ответить, но вместо этого у меня слегка отвисает челюсть, когда до меня доходит.

Она права.

Я ни разу даже и не подумал о своей ноге. Или о шрамах.

Она уже трусцой убегает от меня, а всё ещё стою на месте,

несколько минут наблюдая за ней, пока она не исчезает за поворотом. А затем продолжаю свою прогулку, убеждая себя, что рад вернуться к своему уединению.

И если и есть где-то слабое затаённое чувство одиночества, то я его не замечаю.

Глава девятая

Оливия

Приняв душ, я отправляюсь на поиски Пола.

Его нет ни в библиотеке, ни на кухне. Преодолев пол лестницы, я слышу тяжёлую, драйвовую музыку, доносящуюся со стороны его спальни. Я не росла с братом (или с сестрой, если уж на то пошло), но знаю наверняка, что все эти пугающие звуки, которые издавала гитара, были зашифрованным

предостережением этого пижона:
«Держись, чёрт возьми, подальше».

Меня оно устраивает.

Не думаю, что наша встреча может быть ещё более странной после поцелуя в библиотеке прошлым вечером или же нашей неожиданной предрассветной прогулки/пробежки, где мы на какую-то долю секунды практически нашли точки соприкосновения, пока он снова не начал вести себя, как козёл.

Вернувшись в комнату, я

проверяю свою почту, игнорируя все сообщения, кроме того, что было прислано от Гарри Лэнгдона. Кликаю по «Ответить» и принимаюсь выдавать бредни о том, что «Мы с Полом отлично поладим!»

Я не могу сказать ему правду о том, что не знаю, как пережить следующие три месяца рядом с его восхитительным измученным сыном.

А потом, не имея *ни малейшего* понятия о своих обязанностях, я занимаю себя небольшой экскурсией по владениям Лэнгдона.

Утром комплекс выглядит таким же огромным и впечатляющим, как и в сумерках, и, хотя всё, вплоть до акустической системы, которую Мик так настоятельно мне продемонстрировал, модернизировано, я всё равно не могу избавиться от ощущения, будто вернулась в эпоху, где нелюдимый Герцог господствует в своём полузаброшенном поместье.

В особенности угнетает тренажёрный зал. Он оснащён

достаточным количеством оборудования, чтобы занять целую футбольную команду, что выглядит немного пафосно, учитывая, что здесь им пользуется всего один человек, и то, если вспомнить письма Гарри Лэнгдона, Пол занимается только верхней частью своего тела, а не ногой, которая так остро нуждается в восстановлении.

Впрочем... я не лгала, когда отметила этим утром, что ему, похоже, *не* нужна трость. Честно говоря, мои познания в психологии

ограничиваются одним занятием на первом году обучения в университете, но я бы поставила серьёзную сумму на то, что проблема Пола кроется скорее в голове, чем в ноге. И подозреваю, где-то в глубине души он тоже это знает.

Вот, почему он меня избегает.

Он не пытается прогнать меня той пафосной враждебностью, выказанной им вчера, но, разумеется, он меня и не ищет. Я разочарована, но не удивлена. В конце концов, он ясно дал понять, что всё во мне

выводит его из себя. Мой характер, моя техника бега, мои розовые кроссовки...

Позднее Линди просит меня отнести Полу обед, — домашний минестроне и бутерброд с ветчиной — но когда я прихожу в кабинет, то комната всё ещё пуста. Хотя на столе стоит стакан с каким-то алкогольным напитком коричневатого цвета, которого, как я знаю, раньше там не было. Что ж, очевидно, он больше не запирается в своей комнате.

М-да. Наверняка меня избегает. Я забираю с подноса, стоящего на столе, стакан со спиртным. Меня не отнесёшь к убеждённым трезвенникам, но последнее, что нужно этому парню, — напиться среди бела дня. Вернувшись на кухню, я выливаю алкоголь в раковину, извращённо надеясь на то, что пустила по ветру что-то очень дорогое.

Ближайшую пару часов я провожу в своей комнате. Звоню маме и выдаю ей блестящую

полуправдивую версию моего первого дня. Затем набираю Беллу, и, хотя и рассказываю ей о том, что Пол не только моложе, чем ожидалось, но и до смешного сексуален (привилегия лучшей подруги — я не могу *не* сказать ей), я резко останавливаюсь на той части, где он одновременно и притягивает меня, и приводит в дичайший ужас. Разумеется, о поцелуе я тоже умалчиваю.

Потом убиваю столько времени, сколько могу, проверяя

всевозможные социальные сети и затрачивая лишние несколько минут на изучение новых фотографий Итана и Стефани только лишь для того, чтобы наказать себя.

Широкая улыбка на лице моего бывшего, когда он смотрит на стройную брюнетку, отдаётся лёгким ощущением поворачивающегося в груди ножа. Он и на *меня* так смотрел. А смотрел ли? Уф. А что, если *не смотрел*? Что, если никто больше и не посмотрит?

Исчерпав запас всех известных

мне социальных сетей и сайтов со сплетнями о знаменитостях, я уже было закрываю свой ноутбук, когда приходит новое электронное сообщение.

Оно от Гарри Лэнгдона.

«Мисс Миддлтон,

Отрадно знать, что вы прекрасно приспосабливаетесь.

Надеюсь, Пол не повёл себя слишком не приветливо. Он может быть немного грубым с новыми людьми, учитывая его состояние. Я знаю,

будет трудно, но уверен, что даже час или два ежедневного человеческого общения окажут существенное влияние на его выздоровление. Будьте с ним терпеливы. Он хороший мальчик.

Я буду на связи,

Гарри.

P.S. Приглядывайте за тем, что он пьёт».

Я дважды перечитываю сообщение. Серьёзно? «Хороший мальчик»? Видимо, Гарри проводил

со своим «мальчиком» не так уж много времени, потому что тот парень, с которым я встретила, далёк от «хорошего» и уж точно не мальчик.

И что это ещё за *состояние*?
Враждебность? Подавляющее
мудачество? Существование,
зацикленное на барахтанье в
затяжной жалости к самому себе?

Плюс ко всему, в сообщении есть детали, беспокоящие меня. Да, мужчина выплачивает смехотворные суммы, чтобы прятать своего сына в

роскоши, но можно ли оплатой сиделок по-настоящему компенсировать отсутствие семьи? И где мать Пола? Делаю себе мысленную заметку порасспрашивать Линди.

Единственное, что *хоть как-то* успокаивает меня в деловитом послании мистера Лэнгдона, — это упоминание о «часе или двух» человеческого общения. Признаю, мне немного странно получать бесплатное жильё и питание вкупе с порядочной зарплатой взамен на то,

что я буду присматривать за парнем, которого, казалось бы, даже найти не могу. Но, эй, если им хочется платить за то, чтобы я вторгалась в его утренние прогулки и выливала его бухло, то Оливия к вашим услугам!

Я убираю ноутбук в сторону и тянусь за книгой, которую привезла с собой. Одна из моих личных целей в этом небольшом путешествии в Мэн — начать больше читать. В смысле, я всегда преуспевала в прочтении журналов со сплетнями, а учебники читала достаточно тщательно, чтобы

получать хорошие оценки. Но в последнее время во мне развилась тяга к тому, чтобы сделать свою жизнь содержательнее.

Я вытащила биографию Эндрю Джексона с полки в библиотеке отца, когда паковала чемоданы, по большей части потому, что она была большой, а на лицевой стороне красовалось «Лауреат Пулитцеровской премии». Впечатляет, да? Так что, пусть я и не знала, что Эндрю Джексон когда-то был президентом, это лишь усилило

моё желание прочесть эту книгу. Новая и улучшенная Оливия будет разбираться во всяких подобных глупостях.

Я открываю дверь своей спальни, прислушиваясь к доносящейся из комнаты Пола музыке. Ничего. Надеюсь, это означает, что он внизу, в кабинете. Бедный парень ещё пока не в курсе, но скоро у него появится компания, независимо от того, чем он занимается в той комнате такое нездоровое количество времени.

Поспешными взмахами я наношу тушь и розовый блеск для губ. Пытаюсь убедить себя в том, что делаю это по привычке (моя мама считает, что леди всегда должны быть ухоженными), хотя точно знаю, что крашусь потому, что пытаюсь компенсировать образ потной, задыхающейся недотёпы с грязным хвостиком, коей я предстала перед Полом в последний раз.

Мои тёмные джинсы и кремовый свитер уж точно не являются собой сексуальный наряд, но они

выглядят получше на фоне моей экипировки для бега. Как и то, что я приняла душ.

«У тебя работа, — напоминает мне мой мозг. — Так что сейчас не время воспитывать сидящего внутри тебя бомжа».

Я только собралась постучать в дверь, ведущую в библиотеку, как тут же понимаю, что тем самым дам ему шанс выброситься из окна или улизнуть через какой-нибудь тайный проход, и это лишь отчасти шутка. Вместо этого я вхожу внутрь, и

картина, развернувшаяся передо мной... В общем, она до безумия притягательна.

Потрескивающий в углу камин, сексуальный парень в большом, отвёрнутом от огня кресле с книгой в руках и ещё одним наполненным янтарной жидкостью стаканом. Всё это в донельзя шикарном горнолыжном стиле.

Впервые с момента прибытия в это адское место меня одолевает неподдельное чувство вины за то, что я нарушаю его уединение. Он

выглядит не столько жертвой, так нуждающейся в опеке, сколько обычным парнем, который пытается почитать книгу в тишине у огня одним ветреным днём.

Я подумываю о том, чтобы отступить и оставить его в покое, когда вдруг он открывает свой болтливый рот.

— Та выпивка, которую ты вылила чуть раньше, была из бутылки за пять сотен.

Ох. Возвращение к привычному. Я ногой закрываю за

собой дверь.

— Наверняка это был серьёзный удар по семейному бюджету. Ты же в курсе, да, что все произведения искусства в залах — оригиналы?

— Брось, — произносит он, всё ещё не отрываясь от книги. — Ты же богачка. Кому как не тебе знать, насколько стереотипным может быть это замечание.

— Ага, поэтому ты и выглядишь таким подкошенным, — бормочу я, приближаясь к нему

ближе. — И откуда ты узнал, что я богатая?

— Из гугла. У тебя значимая семья.

Я пропускаю его слова мимо ушей. Нам обоим будет лучше не заводить разговоров обо мне.

— Так что это? — интересуюсь я, осторожно присаживаясь в кресло напротив него, хотя меня не приглашали, и я определённо нежеланный гость. Но у меня появляется возможность разглядеть его. Сегодня щетина у Пола гуще, чем

вчера. Обычно я предпочитаю начисто бреющихся парней, но этот слегка грубоватый вид действительно, *действительно* подходит «золотой-мальчик-сталкивается-с-измученным-героем-войны» впечатлению, которое он производит. Я жду, когда он посмотрит на меня, мысленно подготавливая себя к состоянию шока.

Будто подслушав мои мысли, голубые глаза устремляются к моим, и я теряюсь в догадках, почему мне

казалось, что подготовка сыграет хоть какую-то чёртову роль. Во мне, как и раньше, рождается пульсация *желания*, начиная с кончиков ресниц и заканчивая пальцами на ногах.

— Что «это»? —
переспрашивает он.

У меня уходит мгновение, чтобы вспомнить о вопросе, что я ему задала.

— Дорогуший алкоголь, который я вылила. Что это?

Его взгляд вспыхивает раздражением, и мне приходит в

голову, что сейчас он скажет мне
катиться в ад, но что-то, похоже, его
останавливает, и он невыносимо
медленно поднимает хрустальный
стаканчик и протягивает мне.

Я принохиваюсь.

— Скотч.

Он кивает.

— Хайлэнд Парк

тридцатилетней выдержки. Не самый
лучший в нашем запасе, но не
настолько, чтобы быть
выброшенным.

— Ну очень brutally.

Он закатывает глаза, и я делаю малюсенькой глоток, по прошлому опыту зная, что не особо люблю скотч. Как оказывается, он не нравится мне даже стоимостью в пятьсот долларов, и я с лёгким пожатием плеч возвращаю его обратно Полу.

— Хочешь что-нибудь? — спрашивает он. — Вино?

— Обойдусь.

Честно говоря, вода была бы сейчас очень кстати. Между страстным взглядом его глаз и жаром

камина у меня немного, эм,
пересохло во рту.

— Что читаешь? —
интересуюсь я.

Он вздыхает.

— Не в этот раз. Я знаю, что
мы застряли тут вместе, но разве нам
обязательно устраивать эти давай-
узнаем-друг-друга беседы? Можем
мы просто посидеть в тишине?

От этого его *«застряли
вместе»* я замираю. Понятно, почему
я мирюсь с этим, но какая причина у
него? Из того, что я слышала от

Линди, и вывод, который я сделала после рассказов его отца, Пол не стесняется отталкивать людей.

Неужели ко мне он относится иначе? Или просто выжидает время, когда его озарит, как добавить меня в список изгнанных сиделок?

Мне правда, *правда* хочется, чтобы причина крылась в первом.

— Замечательно, — говорю я, откидываясь на спинку кресла и усаживаясь поудобнее. — Я дам тебе двадцать минут тишины в обмен на совместный ужин.

— Ни фиги, — говорит он спокойно, его внимание уже вернулось к книге, так как он перевернул страницу.

— Полчаса тишины.

— Я ни с кем не разделяю трапезы.

— Ну же, — умасливаю я. — Обещаю не кормить тебя супом, как ребёнка — самолётиком.

— Нет.

— Пол.

Его глаза вновь устремляются вверх, и на недолгий миг на его лице

почти отражается тоска. Я осознаю, что впервые произнесла его имя вслух.

Уверена, я не *просто* очередная сиделка. Штука в том, что я понятия не имею, кем являюсь на самом деле.

— Я способна *до-олго* поддерживать одностороннюю беседу, — давлю я, поспешно предпринимая попытку увести нас от напряжённого момента. — Давай посмотрим, я родилась тридцатого августа, а это значит, что мой камень — перидот. Замороченное словечко

для уродливого зелёного цвета. Кстати о цвете, это *настоящий* цвет волос? Такой неестественный. В смысле, я была одной из тех белокурых малышек, но мой цвет волос полностью стал имитировать серую мышь сразу после того, как я перешла в третий класс, и с тех пор мне приходилось перекрашиваться. Мой первый цикл начался, когда я...

— Ладно! — прерывает он. — Хорошо. Ты даёшь мне полтора часа тишины, и я ужинаю с тобой, но никаких разговоров.

— Не пойдёт. Я даю тебе *час* тишины, и за ужином мы говорим.

Он делает небольшой глоток скотча, изучая меня.

— Ты меня раздражаешь.

Мне жутко хочется поспорить, что я никогда не вызывала «раздражение». Обычно я скорее вежлива, предупредительна и застенчива. Говорю подходящие слова в нужных местах, уважаю границы других людей и избегаю тем, которые для них подобны минному полю. Но есть в *нём* что-то,

что вытаскивает на поверхность другую версию меня. И мне это вроде как нравится.

Я пожимаю плечами, отказываясь извиняться. Вместо этого старая милая Оливия предпочла бы *прищучить* этого пижона.

— А ты знаешь, кто такой Эндрю Джексон? — осведомляюсь я, подгибая ноги под себя и сворачиваясь в мягком чёрном кожаном кресле.

— Да, я знаю, кто такой Эндрю

Джексон. Старый Гикори. (Прим. пер.: прозвище Эндрю Джексона).

Старый кто?

— Типа того, — отзываюсь. —

Ты слышал про эту книгу? Она называется «*Американский лев*», и...

— Оливия, — мягко говорит он, переворачивая страницу своей книги, — час тишины вступает в силу немедленно.

Я тяжело вздыхаю. Похоже, мне всё-таки придётся *прочитать* эту книгу вместо того, чтобы поговорить о ней. До чего же обидно.

— Ладно, — произношу я, открывая предисловие. — Но знай, я планирую ужинать очень, *очень* медленно.

Я игнорирую его стон, с головой уходя в книгу про этого самого чувака, Старого Гикори. И, быть может, бросаю несколько взглядов украдкой на самого горячего парня, которого мне только доводилось видеть.

Глава десятая

Пол

«Жарко. Адски жарко, хотя я этого и не осознаю. Никто из нас не осознаёт, потому что здесь всегда жарко, и жаловаться на это не стоит, ведь есть более важные вещи, о которых нужно волноваться: например, о вертолёте, что рухнул на минувшей неделе, или о джипе, который не вернулся прошлой ночью на базу.

Лучшее, что вы можете

сделать, — это игнорировать жару, играть с друзьями в футбол при выдавшейся возможности и молиться какому только можно богу, духу или божеству, чтобы вы попали в число счастливичков.

А потом Уильямс ломает шифратор.

Мы выходим на стандартный патруль, и он ломает чёртов шифратор.

— Блядь, ненавижу это место.

Я всё размышляю о том, что напишу Эшли, моей девушке, по

возвращению домой, когда мой мозг резко сбивается на внезапной вспышке Уильямса. Гарсия и Миллер перестают извращаться над какой-то устаревшей песней Джей Зи, которую они пытались петь, и вытаращиваются на Уильямса со смесью смятения и презрения.

И только Алекс Скиннер, мой лучший друг со времён учебного лагеря, выглядит взбешённым.

— Чёрт подери, Уильямс.

Грег Уильямс в ответ лишь пожимает плечами. Он не только

самый мелкий из всех нас, но и самый шустрый. И умный. По крайней мере, так мне казалось, пока он не сломал долбаный шифратор.

— Не начинай, — говорю я, пытаюсь разрядить обстановку. — Ты же знаешь, что в ту же секунду, как мы начинаем сознавать, где находимся на самом деле, какую дерьмовую жизнь проживаем, наша удача подходит к концу.

— Говорю как есть. Грёбанные взрывы. Песок, жар, непрерывный страх быть отправленным домой в

деревянном ящике. Вам всем это знакомо.

Скиннер наклоняется, чтобы заглянуть Уильямсу в лицо.

— Все мы знали, во что ввязываемся. Без всякой хрени, которая была с Мировой Войной, где мы понятия не имели, чего ждать.

Уильямс толкает Скиннера плечом, и я вклиниваю между ними руку, прежде чем эти горячие головы сделают и без того говняную ситуацию ещё дерьмовее.

— Я могу сказать, что думаю,

— рычит Уильямс, освободившись от нас обоих и опустив пронзительный взгляд на свои руки.

— Могу сказать то, о чём все мы думаем. Не существует никакого блядского проклятия, которое сбудется только потому, что я сказал правду.

Менее чем через десять минут мы узнаём, что он ошибался.

Уильямса отправляют домой в деревянном ящике.

Так поступают и с остальными.

Внезапно время ускоряется и тут же замедляется, а секундой позже я оказываюсь на земле, нависая над Алексом, пытающимся заговорить, однако вместо слов из его рта вырываются лишь брызги крови.

Слишком много крови. Моей. Его. Сплошной горький металлический хаос.

Я пытаюсь вникнуть в то, что он мне говорит. Пытаюсь понять его предсмертное желание, пытаюсь разобрать его последнее

слово, но крови слишком много.

Крови всегда, чёрт возьми, слишком много».

Не впервые я просыпаюсь, весь покрытый пóтом.

Но это первый раз со времён тех первых дней в больнице, когда я просыпаюсь в чьём-то присутствии.

Медсестёр я особо не помню, но могу с уверенностью сказать, что ни одна из них не была похожа на Оливию Миддлтон, стоящую на коленках на моей кровати, одетую в одну крошечную футболку и розовые

трусики-шортики. Что у неё за привязанность к розовому?

И тогда до меня доходит, что она *здесь*. В моей спальне.

До меня доходит, *почему* она здесь.

Сон. Я кричал, и она заявила сюда, чтобы узнать причину.

— Убирайся, — произношу я, принимая сидячую позу и отодвигаясь на другую сторону кровати, прежде чем успеваю её коснуться. — Убирайся!

— Ты кричал, — говорит она

спокойно, сползая с кровати и поворачиваясь ко мне лицом, ставя постель королевских размеров преградой между собой и моей потной гиперактивной личностью.

— Конечно, кричал. Это же чёртова война.

У меня уходит несколько секунд на то, чтобы переварить собственные слова, и я провожу руками по лицу, стараясь проснуться. Стараясь увидеть хоть что-нибудь, кроме смерти Алекса.

— Проваливай, — говорю я

снова.

— Как часто это происходит?

Я игнорирую её и иду к буфету, где наполняю себе стакан из ближайшей бутылки.

— Тебе бы воды, — произносит она. — Ты весь вымок, а от алкоголя будет только хуже.

— Неужели? Воды? Вода всё исправит? — ехидно спрашиваю я.

— Ты ни хрена не знаешь, Златовласка.

— Мило, — огрызается она. — Очень оригинально. И я не против

ненормативной лексики в малых количествах, но ты начинаешь повторяться.

Я вливаю в себя виски, получая наслаждение от жжения. Выпиваю ещё, гадая о том, как много понадобится времени. Как много мне потребуется выпить, чтобы заглушить боль.

Прохладные тонкие пальцы оборачиваются вокруг моего запястья.

— Не надо.

Я дёргаю рукой и отталкиваю

её. Не сильно, но достаточно, чтобы она слегка пошатнулась.

Крохотная добрая часть меня уже начинает тянуться к ней, чтобы поддержать её. Чтобы извиниться. Нет, чтобы вымолить прощение, ведь Пол Лэнгдон вовсе не из тех, кто грубо обращается с женщинами.

Но она слишком близко, и её присутствие так не к месту, что вместо того, чтобы извиниться, я отворачиваюсь от неё и опускаю руки на голову, стараясь дышать глубже, испытывая лишь одно

желание — ускользнуть в небытие и никогда не возвращаться.

— Пол.

— Не надо, — огрызаюсь я. —

То, что я хорошо подыграл и позволил тебе нести ерунду про своего детского домашнего питомца за мясом в горшочках, не значит, что ты можешь вваливаться сюда в своей крошечной пижаме, пытаюсь вытереть мой влажный лоб и успокоить меня, хотя не имеешь ни малейшего понятия об этом дерьме.

— Тогда расскажи мне, —

говорит она полностью спокойным, разумным голосом, чем выводит меня из себя лишь сильнее. — Или кому-нибудь другому.

Точно. Никогда раньше не слышал такого совета.

Но меня выводит из себя не сам совет, а то, что я впервые испытываю искушение. Впервые мне хочется положить голову на чьё-то плечо и позволить этому человеку гладить меня по голове и приговаривать, что всё будет хорошо. Мне хочется поделиться сидящими во мне

монстрами.

И это ещё не самое худшее. Закрадывающийся страх от того, что я снова увидел смерть Алекса, возвращение к мучениям того дня и осознание другого: того, что на мне одни боксёры, а Оливия в чём-то чуть более прикрывающем, чем нижнее бельё.

Тем, кто находится рядом со мной после того, как мне приснился один из этих снов, грозит опасность. Но она, с её гладкой кожей и манящим запахом духов,

вторгающаяся в моё личное пространство, когда моя кровь уже несётся по венам... я вне себя, возбуждён и готов кого-нибудь наказать: кого угодно, начиная с себя самого, — что ж...

Я вновь отворачиваюсь, чтобы продолжить вливать в себя выпивку, однако Оливия опять резко движется вперёд, выхватывая стакан из моей руки. Её грудь оказывается у моего бицепса, и моя нервозность увеличивается на несколько отметок.

— Уйди, — говорю я. Голос

охрип. *«Ради Бога, уйди сейчас же».*

Едва заметно поворачиваю голову, чтобы посмотреть на её реакцию.

Она продолжает наблюдать за мной с непонятым выражением лица.

— Или что? Применить физическую силу, чтобы вышвырнуть меня?

— Такой вариант возможен, — *и безопасен.*

— Я уйду, как только ты пообещаешь, что поговоришь с кем-нибудь о своих снах. Что, если начать

с малого? Выпиши их на бумагу.

Ага, это уж точно поможет.

Грёбанный личный дневник.

— Считаю до трёх, — произношу я, забрав стакан из её руки и потянувшись за бутылкой. — Один.

— Пол.

— Два, — продолжаю я, не повышая голоса. Затем запрокидываю шот, тут же наливая следующий, не успеваешь тот обжечь моё горло.

Она пытается отобрать у меня

бутылку, но на сей раз я подготовлен, потому и отодвигаюсь за пределы её досягаемости. Только теперь мы оказываемся стоящими грудь к груди.

Её глаза озаряются краткой вспышкой. Раздражения?

Возбуждения?

— Три, — выговариваю я медленно.

Какую-то долю секунды никто из нас не двигается. А потом, прежде чем она успевает отступить, я с безжалостной стремительностью солдата хватаю её и зажимаю в

кулаке её шелковистые белокурые
волосы.

Её глаза расширяются, и
впервые с тех пор, как я встретил её,
она выглядит напуганной.

Хорошо.

Такой она быть и должна.

Глава одиннадцатая

Оливия

Как и в первый раз, этот поцелуй являет собой наказание.

Но если же тот другой поцелуй был направлен на то, чтобы испытать друг друга, то этот — борьба за власть.

И Пол выигрывает. Мой разум полностью осознаёт, что я вторглась в личное пространство и жизнь этого измученного человека, думающего, что его рот на моём преподаст мне

своего рода урок.

И это совершенно уместный урок. Испытание *вождедением*. Ведь если мой разум воспринимает этот поцелуй как первобытный, то тело моё просто поглощено им. Грубоватое поглаживание губ Пола о мои запускает во мне череду фейерверков.

Его пальцы дрожат в моих волосах, тогда как другой рукой он обвивает мою талию, рывком притягивая меня к себе. Тонкая ткань моей футболки никак не ослабляет

ощущение его обнажённой груди, которая, кстати говоря, даже более рельефная, чем я ожидала. Мне известно, что тут темно, но я довольно-таки уверена, что речь идёт о наборе в восемь кубиков.

Даже когда мы с Итаном были на начальном этапе, «только-познаём-друг-друга» фазе в свои подростковые годы, я никогда не была, что называется, озабоченной. Может быть, чувственной в какой-нибудь благоприятный день, в правильно подобранном белье и с

хорошей укладкой. Но без электрического напряжения. Мне никогда не хотелось потеряться в другом человеке.

И не просто в каком-то другом человеке. В *Поле*. В парне, которого я абсолютно точно не должна хотеть. Но хочу.

Пальцы в моих волосах сжимаются, запрокидывая мою голову, пока его губы скользят от моего рта к челюсти, легонько щипая зубами, прежде чем опуститься к шее.

Мне не следует позволять ему.

Действительно не следует.

Но вместо того, чтобы оттолкнуть его, как того требовал разум, я слышу, как издаю стон, беспомощно цепляясь за его плечи. Он посасывает чувствительную плоть под ухом, а потом отодвигается ровно настолько, чтобы впиться в меня взглядом.

— Скажи мне отпустить тебя,
— говорит он.

Я открываю рот, чтобы так и сделать, но не произношу ни слова.

Не когда мы грудь к груди, бедро к бедру, а кожа на моей шее всё ещё влажная от его поцелуев.

Его брови взлетают в самодовольном понимании.

— Нет? — спрашивает он хриплым голосом, наклоняясь ко мне и прикусывая мочку моего уха. — Тебе нравится?

Я задыхаюсь, когда его язык находит моё ухо.

— А если так? — его рука переходит от моей талии к груди, и тонкой ткани футболки не удаётся

замаскировать отклик моего тела.

Он улыбается мне в шею, и в этот момент я его *ненавижу*. Но не так сильно, как себя, ведь я не оттолкнула его.

Я даю ему запустить тёплую руку под мою футболку, накрыть мою грудь, горячей кожей к горячей коже. Даю другой его руке отпустить мои волосы, и теперь обе его руки оказываются на мне, поглаживая мои соски большими пальцами, пока я делаю чуть больше, чем просто тяжело дышу.

А потом, да поможет мне
Господь, когда его рот возвращается к
моему, я целую его в ответ так, будто
умираю от голода.

— Ты хочешь меня? —
спрашивает он напротив моего рта.
— Хочешь мои руки на себе?

Крошечные тревожные
звоночки стихают в моей голове. В
его словах нет никакого тепла. Ни
доброты или даже желания. Он ведёт
какую-то жестокую игру, в которой
моё тело — игральная доска. А я —
добровольная участница.

Рука Пола опускается к низу моего живота, проскальзывая под шорты, прежде чем остановиться под тонюсенькой влажной тканью моих трусиков.

Теперь его дыхание становится жёстче, и до меня доходит, что он испытывает собственные пределы.

Мои ногти слегка царапают его запястье, подвергнутые требованию разума оттолкнуть Пола. Его пальцы смещаются, едва ощутимо задевая меня, и моя голова бессильно падает.

Дыхание Пола становится

учащённым и разгорячённым у моей
шеи, когда один его палец
прокрадывается под резинку,
обнаруживая меня скользкой и
горячей.

— Господи, — бормочет он.

Ещё один палец
присоединяется к первому, а я всё
ещё сжимаю его запястье, но без
намерения оттолкнуть. Его пальцы
играются со мной, сначала
прощупывая почву, а потом более
уверенно, когда выясняет, что
заставляет меня извиваться и

задышаться.

Оргазм накатывает на меня ошеломительно быстро, и, похоже, он это понимает, потому что в последний момент он притягивает меня к себе, двигая подушечками пальцев всё быстрее и быстрее до тех пор, пока из меня не вырываются хриплые вскрики, когда я распадаюсь на части.

Раскачиваясь от утихающих толчков, я уже было прислоняюсь к нему, чтобы дождаться того момента, когда мои ноги перестанут трястись,

а дыхание выравнивается. Но он убирает свою руку из моих шортиков и отступает даже раньше, чем у меня появляется шанс. Мысли по-прежнему рассредоточены, поэтому у меня уходит целая секунда, чтобы переварить произошедшее.

Пол с издёвкой вытирает свою руку — *ту самую* руку — об свои боксёры.

— Ну, это было легко. Заставляет задуматься: кто на кого работает.

В ушах гудит. *О Боже. Этого не*

происходит. Я не позволила парню заставить меня кончить на его пальцах. Парню, на которого работаю.

Он тянется за своим стаканом и делает долгий глоток своего напитка, будто бы ничего и не случилось.

Осознание врезается в меня, будто ушат ледяной воды в лицо: он не хочет меня. *Никогда* не хотел. Я позволяю себе подумать, что во всём виновато влияние луны, это оно породило то животное влечение, тогда как он представил всё самым

жестоким и беспощадным из всех возможных способов.

— Ты чудовище, — шепчу я.

Он поворачивается ко мне, никак не выдавая себя выражением лица.

— А ты ждала чего-то другого?

— Почему? — интересуюсь я, силясь сохранить ту гордость, что у меня осталась, вскидывая подбородок и встречаясь с ним глазами.

Пол пожимает плечами, его безразличие даже хуже, чем ирония.

— Мне было скучно. А ты просила.

Я закрываю глаза. Правдивость его заявления ранит хуже всего остального. Я просила. Мне точно следовало оттолкнуть его, а я пересекла больше границ, чем меня в тот момент волновало.

Но виновата не только я. Вновь открывая глаза, я выискиваю в его лице хоть капельку раскаянья. Ничего. Может, он и в самом деле мёртв внутри, как это кажется снаружи, ведь ему хочется, чтобы все

остальные поверили. Может, я делаю что-то большее, чем должно сиделке с садисткой жилкой.

Да и... кто тот парень, который был так захвачен моей техникой бега, что позабыл о том, что, по идее, должен быть хромым? Или парень, который делил со мной свой виски за миллиард долларов, в то время как мы читали у огня? Или тот, кого я пыталась вовлечь в беседу за ужином?

Под личиной равнодушного дикаря должен скрываться человек.

Только я не знаю, как до него добраться... пока что.

Я глубоко и судорожно вздыхаю, не заботясь о том, что выдаю тем самым свою нервозность, и делаю шаг назад, а за ним ещё один, ни на миг не отводя от него взгляда. Я даю ему понять, что не сбегаю, что не покидаю его дом только из-за того, что он поиграл на моём теле, как на скрипке, а потом воспользовался этим как предлогом для издёвок.

Впервые я всецело отдаюсь

инстинктам, и, несмотря на то, что это до дикости напоминает игру с огнём, меня одолевает чувство какой-то странной правильности.

— Ты знаешь, где меня найти, если захочешь поговорить, — говорю я спокойно. — О своём сне.

Его глаза сужаются при резкой смене темы, и я чувствую слабый прилив победы, закрадывающийся поверх испытанного мной позора. Я права. Тот кошмарный поцелуй и всё, что за ним последовало, было совершенно не только ради моего

унижения. Это был отвлекающий манёвр. Я слишком близко подобралась к раскрытию его секретов, разбудив его ото сна, и он использовал секс, чтобы отвлечь меня.

Этого не должно произойти вновь.

Я направляюсь напрямиком к двери, повернув голову лишь слегка, чтобы озвучить свой прощальный вопрос:

— Кто такой Алекс?

Он издаёт рычащий звук, низко

опуская голову, и хватается обеими руками за комод, дыша мелкими глотками.

На мгновение я застываю, давая ему шанс ответить на моё предложение поговорить, хоть и понимаю, что он этого не сделает. И я, конечно же, права. Он ничего не произносит.

Я выскальзываю из комнаты, тихонько затворяя за собой дверь, а потом подаюсь вперёд и на мгновение прислоняюсь лбом к дереву, пытаюсь отдышаться.

Собраться с мыслями.

Какого чёрта я делаю?

Я не могу *помочь* этому парню. Даже не знаю, можно ли вообще помочь кому-то, кто не хочет, чтобы у него всё наладилось. Но на самом деле не это ранит меня и держит в напряжении.

Глубоко в душе я знаю, что причина приезда сюда в первую очередь заключалась в наивной надежде, что помощь Полу поможет *мне* самой. Что я смогу хоть как-то вернуть в нормальное состояние то,

что сломалось и испортилось глубоко внутри меня.

Мне хочется исправить ту часть меня, что изменила парню, которого я любила. Мне хочется исправить ту часть меня, которая смогла предать того, кто был мне дорог больше всех на свете. Но...

А что, если Пол прав? Может, он и бессердечный сукин сын, но он, по крайней мере, честен с самим собой в своём дикарстве. Он не притворяется, что когда-нибудь сможет стать кем-то другим. Ну так,

что, если он прав и мы *не* подлежим
коррективам?

Я медленно бреду по коридору
в свою комнату и сворачиваюсь
калачиком на кровати.

Сон не приходит.

Ещё долгое время.

Глава двенадцатая

Пол

На следующее утро Оливия не выходит на пробежку.

Неужели она уехала?

Нет. Пока ещё нет. Я бы услышал, как Мик выгоняет машину, и грохот чемодана по ступеням.

Но она может собирать чемоданы прямо сейчас.

Эта мысль наполняет меня...
чем же?

Мне следует быть довольным.

Избавиться от неё — эту цель я преследовал прошлой ночью, когда поцеловал Оливию со всей изящностью оборотня. В мои намерения входило быть немного грубым, однако я совсем не рассчитывал на такой агрессивный поцелуй. А потом я опустил на неё руки, и мой отклик вышел почти жестоким. Я набросился на неё, как чёртов оголодавший пёс.

И всё было бы прекрасно, если бы она оттолкнула меня, вцепилась ногтями в лицо или даже ударила,

потому что именно на это я и рассчитывал. Но она ответила. Ответила так, будто *была создана для меня.*

Мой поступок слишком гнусный.

Мне хотелось лишь обнять её, уложить на кровать и просто побыть с другим человеком, и исключительно по этой причине я повёл себя жестоко. Жестоко даже по моим стандартам, поэтому я не понимаю, что довлело надо мной больше. Какая-то часть меня

мучается от чувства вины. Другая же понимает, что Оливии лучше узнать сейчас, какое я чудовище.

Но не только это тревожит меня с прошлой ночи.

В те первые мгновения после того, как я отстранился, намеренно унизив её, она разозлилась и удивилась, проявив ту реакцию, какую и должна была. Но в следующее мгновение произошло кое-что ещё, что вывело меня из себя: смирение. В считанные секунды сердитый, порождённый

предательством блеск погас в её глазах, и она просто осталась стоять там, принимая то, что я сделал так, *будто она этого заслуживала.*

Может, я и не знаю Оливию Миддлтон как следует — ну, ладно, я *вообще* её не знаю, — но мне известно, что она достойна большего, если сравнивать с тем, что она получила от меня прошлой ночью.

Раздаётся тихий стук в дверь, и я ненавижу, как в ожидании вскидывается моя голова, а сердце,

кажется, начинает биться чуточку быстрее.

Но потом я вспоминаю: Оливия не стучится. Это Линди.

— Ты выглядишь усталым, — ворчит Линди, опуская на стол поднос с моим обедом.

— Угу, — я зарываюсь глазами в основание ладоней. — Бурная ночка.

Она кивает.

— Как и у Оливии. Она рано встала, но я отправила её обратно в постель. Девочка выглядела так,

будто всю ночь не смыкала глаз.

Я останавливаю себя прежде, чем успеваю выпросить подробности. Она рассказала Линди о случившемся? Я тщательно всматриваюсь в знакомые черты лица домоправительницы, выискивая любую зацепку, но Линди спокойна и бесстрастна, впрочем, как и всегда. Мне нравится это в ней. Она входит в число тех немногих людей, что смогли разгадать, как находиться здесь, чтобы удовлетворять мои потребности, не изображая из себя

при этом грёбаный таран. *Слышишь, пап? И все вы, врачи и психиатры, несущие бред о том, что ПТСР можно вылечить?*

Но на какой-то крошечный миг мне хочется, чтобы она спросила. Хочется, чтобы хоть кто-нибудь спросил о том, что случилось. Спросил о том, как я. Спросил что-то кроме пресного: «*Что-нибудь ещё?*»

Да, чёрт возьми, мне нужен кто-то. Мне нужен кто-то *неравнодушный.*

— Сегодня ты не пьёшь, —

произносит Линди, разглядывая мою кофейную кружку.

Я вскидываю брови, будто бы спрашивая: «И?»

В ответ она пожимает плечами.

— Я отпросилась у твоего отца на выходные. До них ещё пару недель, но я предупреждаю тебя заранее.

— Отлично, — бормочу я, испытывая облегчение оттого, что она не стала развивать тему моего пьянства. Я говорил себе, что всё утро откладываю виски из-за

головной боли. А вовсе не из-за того, что одна всем известная зеленоглазая девушка слишком хорошо вдолбила мне, что я употребляю алкоголь по совсем неправильным причинам.

— Мик тоже взял отгулы, — оповещает Линди, направляясь к двери. — Мы едем в Портленд на небольшой отпуск. Твой отец предложил поселить нас в отеле. Думаю, мы сходим в кино. И, для разнообразия, кто-нибудь другой приготовит мне еду.

Погодите-ка, что? Мой отец

даёт своим работникам бесплатный отпуск? И двое из них отправляются в него вместе? Я пытаюсь вспомнить все те разы, когда видел Мика и Линди вместе. Довольно редко, но тогда я считал обязательным игнорировать всех и вся так часто, как только мог. А они... понимаете? Для них же лучше, если это так. Кому-то же, по крайней мере, должно повезти с сексом.

— Круто, — отзываюсь я.

Линди поджимает губы.

— С тобой всё будет хорошо.

Что касается еды и лекарств. То есть, это будет не *моя* стряпня, однако...

Технически она разговаривает со мной, но по её тону я понимаю, что она пытается убедить саму себя в том, что не оставляет меня.

Я бросаю на неё взгляд:

— Ты вообще имеешь хоть какое-то представление о том, как в Афганистане кормят солдат? Со мной всё будет прекрасно.

— По словам Оливии, она хорошо управляется на кухне, — отвечает Линди, будто не слушая

меня. — Уверена, на омлете и поджаренном сыре ты протянешь, или что там ещё у неё в репертуаре.

Оливия.

Я и Оливия.

Одни. В доме.

Оливия в крошечной пижаме, с маленькой грудью и длинными, подтянутыми ногами.

Оливия с её «не шути со мной» зелёными глазами и губами, вкус которых лучше самого дорогого продаваемого скотча.

Я этого не переживу.

— Хорошо, как скажешь, —
бормочу я.

Одним глазом я продолжаю поглядывать на дверь, пока ем, почти надеясь, что Оливия ворвётся ко мне с той книжкой про Эндрю Джексона, в которой она прочла где-то около двух страниц, настаивая на том, чтобы мы разделили трапезу. Но дверь остаётся закрытой. Дом всё так же тих.

После ленча я пытаюсь сосредоточиться на чтении, но у меня не выходит. Вместо этого я иду

в тренажёрный зал. По утрам я обычно посещаю его первым делом после прогулки вокруг залива и перед принятием душа, но нынешним утром мне не хватило на это сил. Только не после прошедшей ночи.

Тренажёрный зал, по общему признанию, несуразный. Он огромен по нормальным стандартам, но, если учесть, что им пользуется лишь один человек, выглядит это совершенно нелепо. Мик и Линди тоже могут им пользоваться, однако их нельзя

причислить к фитнес-любителям.
Остаюсь только я.

Я неуклонно занимаюсь повседневными делами, смакуя знакомое жжение, когда толчком поднимаю верхнюю часть туловища до предела. На самом деле, от пояса и выше я нахожусь в лучшей форме, чем на пике своей военной подготовки, а это о многом говорит. В глубине души, мне кажется, я знаю, что это сверхкомпенсация за больную ногу, но мне насрать.

По какой-то причине сегодня я

не могу перестать думать о своей ноге, прекрасно понимая, что она будет становиться всё слабее. Я сохраняю её в рабочем состоянии, совершая ежедневные прогулки. Я же не совсем идиот. Меня не купишь всей этой хренью, связанной с физической терапией, но я знаю, что неиспользование конечностей приводит к атрофии, и всё такое. Однако я провожу границу для нижней части своего тела, даже для здоровой ноги. Слишком уж сильное это напоминание о том, где я был и

где больше никогда не буду. Никаких приседаний. Никаких поднятий. Никаких жимов ногами...

Я отпихиваю мысли в сторону и, прохрипев в последний раз, заканчиваю подходы жимов лёжа. Я лежу на скамейке с тяжело вздымающейся грудью.

— Ты накачаешь себе чудовищные пропорции, если продолжишь в том же духе.

Голос звучит неожиданно, и я так быстро сажусь, что едва не ударяюсь головой об штангу.

Оливия.

На ней спортивный лифчик и подобранные под него спортивные шорты... подождите-подождите... розового цвета. В руке зажат айпод, а под мышкой бутылка воды. Очевидно же, что она здесь, чтобы заняться собой, а не из-за слезки за мной. Вероятно, это можно понять по тому, как она выглядит. Её сексуально тело очень хорошо проработано.

Она идёт ко мне, и, несмотря на то, что её хвостик так же задорен,

как и всегда, под её глазами проглядываются тени, а выражение лица более закрытое, чем было вчера. Она выстраивает преграды между нами, держит меня на расстоянии.

Я ощущаю вспышку сожаления, даже когда мысленно поздравляю её. И себя. *Миссия выполнена, мудака.*

— Ты станешь непропорциональным, — повторяет она. — Сверху громоздкий и несуразный, а снизу — тощий.

— Я не тощий, — тут же отвечаю я. Почему мы говорим об

этом, а не о прошлой ночи?

Приблизившись, она протягивает руку и теребит ткань моих штанов. Она поднимает бровь.

— Неужели? Когда ты в последний раз носил шорты?

Я вскидываю брови в ответ.

— Ты же видела меня в боксёрах прошлой ночью. Разве то, что ты увидела, было тощим?

Она отдёргивает свою руку назад.

— Мы говорим не о прошлой ночи.

— Я думал, что теперь-то ты вернёшься в Нью-Йорк. Или, по крайней мере, потребуешь извинений.

Её выражение лица ничуть не меняется.

— Я думала об этом. Но мне нужно оставаться на каком-то расстоянии от Нью-Йорка, и я не настолько наивна, чтобы дожидаться извинений, так что... — она вытягивает руки, будто бы говоря: *«Вот и всё, смиришься с этим»*.

Её неэмоциональная реакция

на прошлую ночь бесит меня. Она *должна* требовать извинений — какого чёрта с ней не так, раз она этого не делает? Что же разочаровывает даже больше... почему мне самому хочется принести ей эти извинения?

— Когда ты в последний раз вообще хоть как-то занимался нижней частью тела? — интересуется она, безразличная к моему внутреннему смятению.

Я вырываю у неё бутылку с водой и делаю длинный глоток,

изучая девушку.

— Не твоё дело.

Она притворяется, словно раздумывает над моими словами.

— Ой, подожди-ка секунду, вообще-то, *это* моё дело. Если хочешь, я могу зачитать тебе свои обязанности. Там чётко сказано...

— Уверен, что так и есть, — прерываю я. — Но ты можешь пропустить этот пункт и вычеркнуть ту часть, где упоминается физическая подготовка, потому что я не собираюсь этим заниматься.

— Десять поднятий ног, — говорит она спокойно, игнорируя меня.

— Что? — спрашиваю я раздражённо, поднимаясь в стоячее положение. — Ни за что.

— Мы можем начать с лёгкого. Никаких утяжелителей.

— Я возвращаюсь домой, — ворчу я, наклонившись за полотенцем.

Она становится передо мной.

— Пять. Поднятий ног.

Я закатываю глаза.

— Из тебя ужасный
переговорщик. Слишком быстро
снижаешь ставку, даже раньше, чем
тебе предложат заманчивую награду.

— Я спорю с тобой не ради
удовольствия. Просто пытаюсь
делать свою работу, — она опускает
руки на бёдра. Это напоминает мне о
том, что мои руки не так давно
лежали на том же самом месте. И о
том, как мне хочется вновь вернуть
их туда.

С трудом я отрываю глаза от
манящих точек на её бедренной

КОСТИ.

— Почему *это* твоя работа? —
интересуюсь я.

Она слегка дёргает плечами,
защищаясь. Интересненько.

— Что?

— Почему ты выбрала работой
уговаривать меня на то, чтобы я
занялся своей дерьмовой ногой? Моя
небольшая разведочная вылазка
поведала, что ты училась на
маркетолога. Разве папочка не хотел,
чтобы ты вступила в прибыльный
семейный бизнес?

Её глаза упархивают от моих.

— Конечно. Таков и был первоначальный план.

— Что изменилось? — спрашиваю я, с удивлением осознавая, что искренне заинтересован.

— Жизнь, — огрызается она. — И мы говорим не обо мне.

— Очевидно ведь, что о тебе, — возражаю я, делая ещё один глоток её воды.

Она размыкает губы, наверное, чтобы сказать мне отвалить, но

потом, похоже, передумывает. Она наклоняет голову, и я тут же понимаю в чём именно подставился.

— Один вопрос за десять поднятий ног.

— Не-а, — отзываюсь я, уже отвернувшись. — Ни за что.

— Давай же, — подзадоривает она, обходя кругом, чтобы встать передо мной. — Разве тебе не хочется узнать, почему горячая двадцатидвухлетка, со всеми её преимуществами, отсиживается здесь, в Мэне?

Я оглядываюсь на неё через плечо.

— Ты только что назвала себя горячей?

Оливия улыбается «попался» улыбкой.

— А разве я не горячая?

Я пробегаюсь по ней глазами.

Да.

— Возможно.

— Так ты в деле? Десять поднятий ног за один вопрос?

Я мешкаю, хотя мой разум требует, чтобы я сейчас же ушёл.

— Мне достанется настоящая история? — осведомляюсь я. — Или какая-нибудь уклончивая хрень?

— Я подарю тебе честное откровение, но никаких гарантий, что это будет *целая* история. Окончательное предложение.

— Не годится.

Она тяжело вздыхает.

— А как насчёт этого: я подарю тебе честное откровение *и* разрешу давать мне указания на завтрашней пробежке?

Я прикладываю руку к груди.

— Не могу поверить, что это происходит. Все мои мечты сбываются.

— Ты в деле или нет, Лэнгдон?

Катись отсюда. Проваливай, чёрт возьми.

Её зелёные глаза практически кричат о вызове. И — что интригует даже больше — о секретах.

— Да пошло оно. Я в деле.

Глава тринадцатая

Оливия

Так, ладно. Данное мной согласие отвечать на вопросы Пола Лэнгдона не войдёт в «Зал славы моих лучших решений». Но, если быть до конца честной, в последнее время я вообще не особо удачлива в принятии решений, так что всё нормально.

Тем не менее, от мысли о возможности проболтаться легче не становится, пусть я и намереваюсь

подвергнуть цензуре любую, чёрт возьми, правду, что бы мне ни пришлось ему рассказать.

На какую-то долю секунды я уже почти решаюсь отступить и сказать ему, что не собираюсь разбрасываться откровениями только лишь для того, чтобы подкупить его делать то, чем он должен был начать заниматься давным-давно и без того.

Но потом замечаю напряжение в выражении его лица, когда он смотрит на ожидающий его тренажёр для ног. Он нервничает. То есть, он

ещё и злится, а это значит, что, по всей видимости, не я одна в ярости от того, что меня загнали в угол.

Но вовсе не гнев Пола подталкивает меня проглотить гордость и пойти на сделку, даже за счёт своей личной жизни. А его тревога.

Он боится облажаться.

Когда Пол направляется в сторону тренажёра для ног так, будто это гильотина, я мысленно перелистываю «Базовый курс сиделок», в котором, кажется,

расписаны подходящие случаю
зажигательные речи. Мы должны
быть для наших клиентов кем-то
вроде чирлидеров, но этому парню
нужно кое-что иное. Ведомая
исключительно инстинктами, я
вытягиваю руку и смачно шлёпаю его
по заднице.

Он останавливается, бросая на
меня недоверчивый взгляд через
плечо. К слову, через очень славное и
красиво очерченное плечо.

— Что это было? — рывкает он.

Я пожимаю плечами, будто

тронуть его твёрдую и, эм, идеальную ягодицу — плёвое дело.

— Мне показалось, что тебя нужно немного приободрить.

Он вскидывает брови.

— Ох, точно. Мне может пригодиться кое-какая поддержка. Почему бы мне не показать тебе, какое поощрение могло бы завести мой механизм? — его взгляд падает на мою грудь, и мои соски напрягаются в ответ.

Ну... дерьмо. Вот и аукнулось.

Я подгоняю его дальше.

— В темпе, Лэнгдон. В моём распоряжении не весь день. Женщинам тоже нужно заниматься спортом.

Он одаривает меня понимающим кивком.

— Упражнения Кегеля. Я понял.

Я корчу рожицу и тычу пальцем в скамейку.

— Сядь.

Теперь на его лице ни капли страха. Оно совершенно пустое, как будто он подготавливает себя к

провалу.

— Хорошо, — говорю я, огибая тренажёр и радуясь тому, что мама отправляла меня заниматься с персональным тренером с шестнадцати лет. Сейчас мне это кажется немного ненормальным, но я, по крайней мере, знаю, как обращаться с силовыми тренажёрами.

Правая его нога тут же ложится на заданное место, но он колеблется, прежде чем привести в нужное положение левую. На нём голубые

спортивные штаны, поэтому моему взгляду недоступна его травмированная нога, и, как бы не ненавистно мне было признавать, я вроде как этому рада.

Одарённая такой возможностью, я *могла* увидеть её и прошлой ночью, когда нарвалась на него, одетого в одни только боксёры, но волновалась о других, куда более важных вещах. Например, о том, что у парня серьёзные проблемы со сном. И что он умудрился за рекордно короткий промежуток времени найти

подход к моему телу.

Я качаю головой, чтобы её прочистить, старательно избегая его глаз.

— Ты покраснела, — замечает он. — О чём думаешь?

Бросаю на него свирепый взгляд. Уверена, он-то точно знает, о чём я думаю. На его лице мелькает что-то (раскаяние?), и на мгновение мне кажется, что он собирается принести извинения за прошлую ночь. Он *должен* извиниться.

И всё же... я не хочу. Из-за этого

я превращусь в какую-то жертву, а я очень даже держала всё под контролем. Ну, за исключением гормонов. Но я знаю, что если бы сказала ему отвяжаться, то так бы он и поступил. Он нанёс урон моей гордости, но не *мне*. Я желала каждое мгновение наслаждения, которое он дарил мне, даже если оно и возникло по неправильным причинам. Мне не нужны извинения.

Наши взгляды скрещиваются.

Прекрати.

Его глаза слегка

прищуриваются, прежде чем он отводит взгляд.

Хороший мальчик.

Я устраиваю целое представление, проверяя вес, но фиксатор уже был установлен под самым первым грузом, создавая минимальную нагрузку. Наверное, заводская установка, потому что, держу пари, им никогда не пользовались.

— Скажи, когда будешь готов,
— тихо произношу я.

Он на секунду поджимает губы,

раздражённо передёргивая плечами.

— Тебе обязательно смотреть?

Небрежно пожимаю плечами.

— Я наблюдала за твоей разминкой.

— Это другое, — скрипит он.

— И, кстати, тоже жутковато.

— Ничем не могу помочь. У тебя получается сделать бешеное количество подтягиваний.

Сомневаюсь, что у меня хватит сил даже на пять.

— А думаешь на одно хватит?

— Эй! — возмущаюсь я.

Сама невинность, Пол
вскидывает руки:

— Их тяжело делать. Я знал
несколько женщин в сапогах,
которые не могли сделать больше
двух. И мужчины тоже.

Я открываю рот, чтобы
поспорить, пусть и понятия не имею,
смогу ли подтянуться хотя бы раз.

— Ты тянешь время. И я уже
согласилась ответить на твои
идиотские вопросы. Не пытайся
умаслить меня и на подтягивания.

— Ага, именно на это мечтает

поглазеть каждый парень. На корчащуюся в попытке подтянуться девчонку.

Если это хоть как-то похоже на мужские подтягивания, то тогда не так уж плохо. Было что-то такое в Поле, одетом в серую майку и голубые спортивки, что обнимали его бёдра, когда он поднимал себя снова, и снова, и...

Мои мысли о его идеальной спине вмиг рассеялись, когда до меня дошло, что его ноги двигаются. Пришлось зарыться ногтями в

ладони, чтобы удержаться и не коснуться его в одобрении.

Первый раз даётся ему до смешного легко, отчего становится ясно, что для поднятия веса он использует только здоровую ногу.

То же самое и со вторым.

И с третьим. И с четвёртым. И с пятым. Вся работа предоставлена правой ноге, тогда как левая просто парит рядом.

Не получится. Так не пойдёт.

Теперь я касаюсь его. Нежным прикосновением над его здоровым

коленом, но этого достаточно, чтобы он замер. Его глаза взлетают к моим, но он поспешно отворачивается, не глядя мне в лицо. Как и во многих других спортивных залах, освещение здесь довольно яркое, и я внезапно понимаю, что у меня впервые появился шанс увидеть его шрамы вблизи, без теней рассвета или заката, за пределами его мрачного логова или тёмной спальни.

Здесь нет теней, которые смягчили бы его шрамы, но я этого даже не замечаю. Они есть —

конечно, есть, я знаю, — но для меня они почему-то входят в комплексный пакет Пола Лэнгдона.

Хотя я и в курсе, что *он* видит всё не в этом свете. Поэтому, когда он отворачивается, я отвожу глаза. *Сперва мы приведём в порядок ногу. А потом поработаем над принятием нового лица.*

Я вновь аккуратно прижимаю руку к его колену, безмолвно упрашивая расслабить здоровую ногу и дать другой поработать. Судя по его судорожному вздоху, он понимает

мою просьбу.

Его руки сжимаются в кулаки по бокам, и на долю секунды мне кажется, что он вот-вот скажет мне отвалить, но затем штанга вдруг снова начинает подниматься. Медленно на сей раз. Но уверенно.

Шесть, мысленно отсчитываю я.

Он опускает ногу, пялясь на неё, будто удивившись обнаружить, что она действительно может двигаться, если он того захочет.

Штанга снова приходит в

движение. Всё ещё медленно, но по-прежнему твёрдо. *Семь.*

На этот раз она опускается со звоном, более громким, чем раньше, и сердце у меня в груди переворачивается, когда до меня доходит, насколько слаба эта нога на самом деле.

Но он не останавливается. Снова так же неспешно. *Восемь.* А за ним выстраданный девятый подъём.

На десятом разе штанга останавливается на полпути, а его дыхание сбивается. Я проскальзываю

своей рукой в его, пытаюсь ладонь к ладони передать, что у него всё получится.

Его пальцы так сильно сжимаются вокруг моих, что, клянусь, я слышу хруст костей, но это стоит того, чтобы увидеть, как он поднимает вес ещё на несколько дюймов выше. На сей раз штанга стремительно падает, когда он убирает ногу, а звон металла, кажется, повисает на целую вечность, пока я, наконец, не отрываю глаза от его ноги, чтобы

встретиться с ним взглядом.

Он смотрит на меня, во рту пересыхает от силы его взгляда. Мне хочется завопить громкое «ура». Первый демон повержен. Но победа не была лёгкой.

Я начинаю вытягивать руку, но он всё ещё держит меня.

— Твой черёд, Златовласка. Начинай говорить.

Хочется парировать чем-нибудь остроумным, но самое лучшее, что я могу сделать, — жалко закатить глаза, и его усмешка подсказывает

мне, что он в курсе, что загнал меня в угол, в котором я не хочу находиться. Но это не останавливает его, и он добивает меня.

— Мой животрепещущий вопрос, Мисс Миддлтон... И прошу отвечать правдиво...

Я колеблюсь лишь слегка перед тем, как отрывисто кивнуть.

— Не волнуйся. Он лёгкий, — он наклоняется вперёд. — Кто такой, дорогая моя, Итан Прайс?

Глава четырнадцатая

Пол

Признаюсь, моё расследование касательно жизни Оливии Миддлтон вышло за рамки основ, таких как возраст и место рождения. Ладно, может, я и откопал все фотографии, на которых она когда-либо отмечалась.

И главной звездой «Шоу Оливии» оказался Итан Прайс. Парень, который был приклеен к ней почти на всех фотографиях,

охватывающих очень, *очень* большой период.

А потом несколько месяцев назад вдруг — *бам*. И больше никаких совместных снимков.

Что же сейчас? У этого Итана на профиле фигурирует симпатичная брюнетка, и это навело меня на мысль, что примирение между Оливией и её бывшим женихом вряд ли произойдёт.

Меня это не должно волновать. И это меня *не* волнует. Любовь всей жизни Оливии Миддлтон не имеет

ко мне никакого отношения, но меня привлекли сроки. Она бросила учёбу через месяц после того, как подорвалась её личная жизнь? И удрала в Мэн? На мой взгляд, тут есть связь.

Её шокированное выражение лица подсказывает мне, что я застал её врасплох своей достойной сталкера информацией. Но меня интригует вовсе не удивление, появившееся на её лице. А мелькнувшая вина.

Интересно.

— Откуда ты узнал про Итана?

— спрашивает она.

Без труда. Просто побарахтался в киберсталкинге.

Изучая её, я рассеянно растираю ногу. По правде говоря, болела она не так сильно, как я ожидал, но даже такое простое упражнение, которое с *огромной натяжкой* можно назвать тяжёлым, является ужасающим напоминанием о том, какой слабой стала моя нога.

Нет, какой слабой я *позволил* ей стать.

И, как бы сильно я себя ни ненавидел, *её* я презирал ещё больше за то, что она заставила меня пойти на это. Не только из-за боли в ноге, а ещё и от осознания собственной слабости. Если всё и дальше пойдёт в том же духе, следующие три месяца просто уничтожат меня. И если это так, то я заберу её с собой на путь разрушения. Нога — моё слабое место, но могу побиться об заклад, что у неё тоже такое есть, и это Итан Прайс.

—

Твои

настройки

конфиденциальности в социальных сетях оставляют желать лучшего, — в конце концов, отвечаю я.

— Мне нечего скрывать, — она слегка задирает подбородок.

— Отлично. Значит, проблем с рассказом о твоём парне у тебя возникнуть не должно.

— Бывшем парне, — автоматически исправляет она.

— Оу, — выдаю я понимающе, хотя уже и так об этом очень даже знал. — *Рассказывай.*

— Уже. Ты спросил, кто такой

Итан Прайс, и я тебе ответила. Он мой бывший парень. Я говорила, что буду отвечать честно, но не говорила, что буду выдавать краткий пересказ всей своей личной жизни.

Я устраиваю целое шоу, массируя свои ноги, словно говоря ей: *«Ты мне задолжала»*. На мгновение она поджимает губы, принимая немного жеманный, но очень милый вид.

— Так, что, — подсказываю я, предвкушая начало. — Он был *всей* твоей личной жизнью?

Её тело дёргается, будто она собирается отвернуться, но потом её взгляд останавливается на моей ноге, и она тяжело вздыхает.

— Мы с Итаном выросли вместе. И начали встречаться задолго до того, как узнали, что это вообще значило. Наши семьи дружили.

— Помолвлены с пелёнок?

— Что-то вроде того, — бормочет она.

— И что случилось? Вы выглядели так, будто и после школы останетесь вместе.

Оливия гримасничает, совсем по-девичьи натягивая в защитном жесте рукава на ладошки.

— Мы расстались. Вот, что случилось.

— Понятненько, но, если вы начали встречаться ещё до того, как у вас начали расти лобковые волосы, причина для разрыва должна быть веской. Если только вы не устали друг от друга.

Я знаю, что дело не в последнем. Она не вела бы себя так резко, если бы они просто решили

пойти разными дорогами.

Она щурит глаза.

— Откуда такой интерес?

— Откуда такая агрессия? —

парирую я.

Но с чего у *меня* взялся такой интерес? Я говорю себе, что всё это связано с моим желанием выведать её мотивы и сравнить счёт, а вовсе не со странной обжигающей ревностью, что я ощутил, когда увидел руку этого парня, Итана, на её плечах или её беззаботную счастливую улыбку, которую *мне* ещё не довелось

увидеть воочию.

— Всего лишь убеждаюсь, что ты доведёшь сделку до конца, — отзываюсь я, пытаюсь воззвать к её совести. — Не хотелось бы, чтобы ты мучилась из-за чувства вины, ведь благодаря твоему обману у бедного несчастного меня разболелась нога, взамен которой я так ничего и не получил.

— Твоей ноге от этого будет только лучше, и ты это знаешь, — огрызается она.

— Знаю, — тихо уступаю. —

Ей станет так же лучше, как и тебе, если ты поделишься с кем-то.

— И что это должно значить?

Я пожимаю плечами и перекидываю ноги, чтобы подняться. До сих пор наши глаза находились на одном уровне, ведь я сидел, а она стояла. Я рывком становлюсь, осторожно распределяя вес на здоровую ногу. Даже так сильно согнувшись вправо, я по-прежнему возвышаюсь над ней.

— Я упрощу, — говорю я. — Не надо рассказывать всю историю.

Скажи только: ты бросила или тебя?

Грубый вопрос, хотя последние несколько лет таким я и был: грубым.

Её глаза ненадолго устремляются в сторону, но когда она возвращает взгляд, то в нём плещется спокойствие и непоколебимость.

Умница.

— Расстаться было его решением, — отвечает она тихо.

То, как она это произносит, подсказывает мне, что это всего лишь верхушка айсберга. В этой истории

кроется нечто гораздо большее, нежели желание её детской любви двигаться дальше. Но новая информация потребует с моей стороны ещё одной сделки, а я не собираюсь становиться её марионеткой или позировать для гламурных съёмок, выставляя напоказ свои шрамы, поэтому не копаю глубже. Пока что.

— Ясно, — говорю я просто. Потом дёргаю головой в сторону беговых дорожек. — Давай посмотрим, какой хороший из тебя

слушатель.

— Что? — переспрашивает она, явно застигнутая врасплох сменой темы.

— Советы по дыханию, которые я давал тебе, — отвечаю я. — Давай посмотрим на них в действии.

Она едва заметно склоняет голову, будто бы задумавшись о своём лёгком побеге от хренового разговора, но тут же пожимает плечами и направляется к беговой дорожке.

— Что ж, я передумала. Хочу поговорить об этом огромном слоне, засевшем посреди комнаты, — говорит она, уперев руки в бёдра. (Прим. ред.: огромный слон посреди комнаты — неловкая тема).

Господь Всемогущий. Что такого в этой девушке, одетой в тренировочную одежду, из-за чего я сгораю в огне?

— Ты это о чём? — интересуюсь я, пытаюсь не допускать воспоминаний о невероятном вкусе её ключиц, соответствующем тому,

как они выглядят.

— Ну, даже не знаю. Как насчёт того, что ты прошлой ночью засунул мне язык в глотку? А твои пальцы в моих трусиках?

Волны жара проходят по моему телу, и я фокусирую все свои духовные силы на тупой боли в ноге, чтобы сдержаться и не повторить этого.

— Мы не говорим об этом, — ворчу я.

— Ты хреново с этим справляешься, знаешь ли, — говорит

она, врубая беговую дорожку на первую скорость. Неудивительно, что у тебя нет девушки. В смысле...

Я уже начинаю открываю рот, чтобы сказать, что ей явно доставило удовольствие всё, что я с ней сделал, и если она забыла, то буду счастлив повторить. Но потом замечаю улыбку, которую она усиленно пытается спрятать. Издевается надо мной.

Я щурюсь, прежде чем выкинуть руку и отрегулировать скорость на её беговой дорожке

самостоятельно.

И спустя несколько секунд она уже мчится у меня в таком темпе, что разговаривать не представляется возможным. Да и моя сосредоточенность на её беге удерживает меня от того, чем мне хочется заняться на самом деле: согнать её с дорожки и довести до состояния, когда она и *помыслить* не сможет о том, чтобы пожаловаться.

Но едва эта мысль приходит мне в голову, как её заменяет другая, куда более опасная. В следующий

раз, когда мои губы окажутся на
Оливии Миддлтон, я хочу, чтобы
инициатором этого была именно она.

Я хочу её. А ещё больше хочу,
чтобы *она* хотела меня.

Глава пятнадцатая

Оливия

— Ты вообще знал, что рост Эндрю Джексона составлял больше шести футов (182 см), но весил он всего сто сорок фунтов (63.5 кг)? — интересуюсь я, подогнув под себя ноги и повернувшись к камину ещё больше.

— Да.

Бросаю взгляд на Пола.

— Откуда?

— Я читал книгу, —

произносит он, ни на секунду не отрываясь от своего тома, который, насколько я могу судить, являет собой огромный фолиант по философии.

— Читал?

— Нет. Написал.

— Написал?

Это вынуждает-таки его поднять источающие раздражение серые глаза.

— Ты меня с ума свести пытаешься?

Я одариваю его самодовольной

ухмылкой, которая так и говорит: «ещё как».

— Ну, а если серьёзно, ты её читал?

— Да, в прошлом году. Хорошая. И ты поймёшь это, как только заставишь себя нормально сесть за неё, вместо того, чтобы каждые две минуты переговариваться со мной.

Это хорошая идея, и в теории я так и *хочу* сделать. Эти поздние несколько часов перед камином, в течение которых мы оба читаем

книги, — моя любимая часть дня.

Единственная проблема — это моя любимая часть дня вовсе не из-за *чтения*. Всё дело в том, что только в эти несколько тихих, бесперебойных часов с Полом он ненадолго лишается своего затравленного вида, растворяясь в книге. И это гораздо лучше всего, что я читаю.

И, да, прерываю его чтение, чтобы немного поболтать, чем как бы немного противодействую этому эффекту. Я стараюсь дать ему покой,

правда. Просто я недооценивала влияние, которое оказывает на меня всё это одиночество. Я так спешила сбежать от всего мира, что не остановилась подумать, что побег чаще всего идёт рука об руку с одиночеством.

Я не *совсем* одна. Почти каждое утро пью кофе с Линди и иногда сталкиваюсь с Миком. Я даже предприняла попытку подружиться с местными девушками, которые приходят убирать каждую среду, и они оказались очень даже

общительными.

Но единственный мой *настоящий* собеседник — это Пол.

Я здесь уже две недели, и, пусть он и проводит много времени, избегая меня, я, по крайней мере, каждое утро встречаюсь с ним на пробежке и в тренажёрном зале, а вечером — за книгами.

Этим-то я и должна заниматься. В конце концов, мне платят за то, чтобы я была его компаньоном. Но самое страшное заключается в том, что я, наверное,

искала бы его компании, даже если бы мне никто за это не платил. Думаю, он мог бы понравиться мне. Как человек.

Вряд ли он разделяет мои чувства, но с каждым днём его становится на капельку легче склонить к разговору, поэтому мне нравится думать, что я добилаь какого-то прогресса, по крайней мере, на дружеском фронте.

А на другом? Что ж, он не пытался коснуться меня. Ни разу. С той ночи.

Я убеждаю себя, что рада этому.

— Могу я задать тебе один вопрос? — спрашиваю у него.

Он недовольно ворчит.

— Почему твой отец считает, что тебе нужна сиделка? В смысле, ты же ясно даёшь понять, что не хочешь этого и не нуждаешься ни в ком.

Отчасти я надеюсь, что он станет отрицать, но он этого не делает.

— Ещё в первый день я сказал тебе, почему мой отец отправляет

всех вас сюда, — говорит он раздражённо.

— Ты о «надзоре с целью предотвращения самоубийства»? — недоверчиво произношу я. — Слушай, у меня в планы не входит принижать всю серьёзность темы, но, каким бы психом ты ни был, глядя на тебя, едва ли можно сказать, что ты отказался бы от жизни. От социальной, *нормальной* жизни — возможно. Но не от самой жизни.

Его глаза остаются прикованными к пламени в камине, а

я тем временем изучаю напряжённую линию его челюсти. Он всегда сидит в кресле так, что мне видна только «целая» сторона, и это действительно почти мучительно красивый профиль.

Молчание Пола растягивается на такое долгое время, что мне кажется, будто он решил проигнорировать мой вопрос, как он часто и делает, когда я перехожу границы дозволенного и добираюсь до слишком личного. Но затем он отвечает низким, грубым голосом:

— Он не хочет, чтобы я был один.

Несмотря на попытки сохранить выражение лица безразличным, я удивлена сделанным признанием. Он почти никогда не упоминает Гарри Лэнгдона, а если вдруг имя его отца всё-таки всплывает, оно, как правило, сопровождается издёвкой. Это первый раз, когда он вообще хоть как-то намекнул, что отец может действовать в его интересах.

— На мой взгляд, это, скорее

всего, проявление типичного отцовского инстинкта, — замечаю я мягко.

— Что было бы круто, будь мне двенадцать, — ворчит он.

— Не бесись, но разве правильно дуться, когда ты живёшь за его счёт?

Его и без того напряжённая челюсть на мгновение сжимается ещё сильнее, но через секунду он пожимает плечами:

— А что ты предлагаешь? Моя нога мешает мне заниматься любой

физической работой, а отталкивающее лицо чересчур смущает корпоративный мир, не находишь?

— Чушь. Конечно, профессиональный футбол, наверное, стоит исключить и модельный бизнес тоже можно убрать из списка, но ты мог бы зарабатывать на жизнь, если бы захотел.

— Разумеется. Я мог бы стать сиделкой. Это же такая замечательная перспектива

карьерного роста.

— Отвали, — огрызаюсь в ответ. — Я хоть что-то делаю.

— И всё по доброте душевной, да? Ты ведь всего-навсего слишком волнуешься о других людях, верно? — он чуть наклоняется вперёд, в его глазах таится понимание, и я ненавижу то, что он, кажется, видит меня насквозь.

— Да, волнуюсь.

— Обо мне? — он одаривает меня каким-то слабым подобием улыбки, и я мысленно задаюсь

вопросом, как, чёрт возьми, этот дружеский, легкомысленный разговор с такой скоростью зашёл так далеко.

— О людях, — скриплю я.

— Ну, конечно, — отвечается он, обманчиво расслабленно откидываясь на спинку кресла. — Оливия Миддлтон — исправившаяся благодетельница.

Откуда он знает, что исправившаяся?

— Мы говорим не обо мне.

— А может, я хочу поговорить о

тебе, — говорит он.

— Ладно, *когда Я* стану такой ненормальной и психически нестабильной, что мой отец начнёт платить *тебе* за то, что ты проводишь со мной время, мы поговорим обо мне!

Его тело едва уловимо дёргается назад, и я закрываю рот. Мои слова не могут его ранить. Я точно это знаю. Ему наплевать на меня, и терпит он меня только по тем причинам, которые мне ещё предстоит выяснить.

Так, что за вспышку, вдруг рассёкшую его лицо, я только что увидела? Ведь она до ужасного сильно напоминала боль.

— Прости, — бормочу я. Мне нечасто приходится терять самообладание, поэтому жар на щеках мне столь же незнаком, сколь и неприятен.

— Не стоит, — произносит он, вновь открывая книгу. — Ты правильно заметила. Мой отец платит тебе за то, чтобы ты проводила со мной время, и мне

придётся мириться с этим ровно столько, сколько я захочу оставаться под папочкиной крышей. Но это не значит, что я должен тебя развлекать, поэтому, если ты не возражаешь...

Настал мой черёд поклониться, и я не очень-то нежно пинаю его, хотя и стараюсь вести себя осторожно, ударяя по его здоровой ноге.

— Я оставлю тебя и дальше угрюмо читать, но ни на секунду не допускай мысли, будто я не знаю, что прихожусь единственной сиделкой,

умудрившейся зависнуть здесь. По какой-то непонятной причине, ты *позволяешь* мне остаться. И ты даже почти всегда приятен, хотя что-то подсказывает мне, что это дрянная фальшивка. Так что, если вдруг решишь всё прояснить, я буду только счастлива любой *малейшей* подсказке о том, что за чертовщина здесь творится. Что ещё за псевдо-дружелюбное поведение? Почему я, а не кто-то другой?

Пол не смог бы выглядеть ещё более скучающим, даже если бы

зевнул, но, к моему величайшему удивлению, он поднимает взгляд от книги, когда я заканчиваю свою гневную тираду.

— Хочешь знать, почему ты здесь, тогда как все остальные разбежались?

— Скорее, почему ты решил быть со мною вежливым? Что-то подсказывает мне, что злобный монстр, которого я встретила в первый день, и есть настоящий ты.

— Отчасти, это правда, — произносит он голосом, полным

лёгкого дружелюбия. — С чего вдруг я держу тебя рядом с собой? — его глаза путешествуют по моему телу, но вовсе не льстиво... А оскорбительно, унижающе.

Но моё тело всё равно реагирует.

— Единственная причина, по которой ты всё ещё здесь, заключается в том, что ты горячая, — произносит он. — Сиделка ведь из тебя никчёмная. Ни хрена не знаешь о физической терапии, больше раздражаешь, чем утешаешь, и, когда

Мик с Линди отчалил на выходные через пару дней, почти уверен, что ты окажешься *ещё* и отвратительным поваром. Но не печалься, сладкая. Ты всегда сможешь найти работу у мужчин-клиентов. Те, что постарше, будут называть тебя конфеткой, а те, что помоложе — горячей задницей.

На каком-то подсознательном уровне я понимаю, что мне стоило бы оскорбиться, но почти до боли очевидно, что именно нанести обиду он и хотел. Потому и *очень* легко игнорировать его подлость,

расценённую мной, как жалкую попытку самообороны.

Я откидываюсь в кресле и открываю собственную книгу.

— Не-а, ты держишь меня здесь не поэтому, — размышляю я, будто бы разговаривая сама с собой.

— Но, к сведению, я реально хороший повар. Вот увидишь.

На лице Пола отражается недоверие моему отказу расстраиваться, но почти сразу же он восстанавливает своё обычное равнодушное выражение.

— Ты сплошной кладезь навыков.

— Да, и ты начинаешь переживать, что я могу тебе понравиться, — уверенно говорю я. — А учитывая, что я *к тому же ещё* и вызываю у тебя эрекцию, вся эта хрень станет *по-настоя-я-я-я-я-ящему* непростой в ближайшие несколько месяцев.

Тихий смех Пола в ответ — лучшее, что я слышала за последние несколько недель.

Глава шестнадцатая

Пол

Сегодня один из *тех самых* дней. Нехороших.

Бесконечные ночные кошмары, нулевой сон и невыносимая боль в ноге.

Я избегаю Оливию, как чуму. Убеждаю себя, что всё дело в моём нежелании её присутствия. Но, если начистоту, мне кажется, я избегаю её потому, что у неё есть раздражающая привычка поднимать моё дурное

настроение. И это адски пугает меня.

Совсем скоро наступит рассвет, и мы, как обычно, встретимся для нашей ежедневной прогулки. Но сегодня я отпущу её одну. Это один из тех дней, когда мне кажется, что я недостоин жить, а тем более наслаждаться жизнью рядом с прекрасной девушкой. Не тогда, когда мои друзья мертвы. Не тогда, когда Аманда Скиннер проводит каждую ночь, засыпая в кресле больничной палаты, в то время как её дочь, увешанная трубками, лежит на

больничной койке.

Из окна кабинета я наблюдаю за тем, как Оливия озирается по сторонам в поисках меня. Я жду, когда она начнёт свою пробежку, но она этого не делает. Просто стоит на месте, дожидаясь меня, и чёрт меня раздери, если я совсем чуть-чуть не мучаюсь от желания пойти туда к ней. Мне хочется позволить ей задобрить меня или, как она делала в последнее время, дать ей бросить мне вызов ступить пару шагов без трости.

Вместо этого, отвернувшись, я слепо перелистываю книгу, пока не поднимаю глаза и не вижу, что она ушла.

Перед её возвращением я целенаправленно направляюсь в тренажёрный зал. Чаще всего мы ходим туда вместе. У нас появилась своя закономерность. Я разрешаю ей уговорить меня на упражнения с идиотской ногой, а взамен она рассказывает о себе. В основном, мне это нравится, но порой я начинаю уставать от её односложных

ответов. Она до сих пор ничего не рассказала мне о настоящей Оливии Миддлтон.

Впрочем, я не хочу, чтобы она и сегодня вывела меня из плохого настроения. В последнее время я слишком часто забываю о том, кем являюсь на самом деле. И постепенно скатываюсь к старому Полу, любителю пофлиртовать и повеселиться с девушками. Мне нужен денёк, чтобы напомнить самому себе о новом Поле, который должен был погибнуть вместе с

остальными в грёбаной песочнице.

После тренажёров избегать Оливию весь оставшийся день не составляет труда, но, когда стрелка часов приближается к четырём, я поддаюсь сомнениям. Из всех привычек, что у нас появились, каждодневным чтением книг у камина я наслаждался больше всего. И по какой-то неведомой причине я вынуждаю себя запереть дверь и даже включить музыку, поэтому не слышу её стука или грохота дверной ручки.

В конечном счёте, проходит час, а за ним второй, и я, наконец, умудряюсь потеряться в книге.

Но, когда в животе начинает урчать, я осознаю собственную ошибку: я проголодался.

Наивно полагаю, что Оливия могла бы оставить поднос с едой у двери моей спальни, когда я не ответил на её призыв спуститься на ужин. Но не угадываю. И отсутствие сэндвичей как нельзя ясно передаёт послание Оливии: если хочу дуться в одиночестве, придётся делать это без

еды.

Я бы стерпел завтрак. И ланч. Но сейчас? Сейчас я умираю от голода, а запах чего-то пряного и мясного, исходящего из кухни, оказывает слишком сильное влияние на мой желудок, чтобы его игнорировать.

Как и ожидалось, Оливия на кухне, вот только на ней нет милого фартучка и она не выглядит измотанной бросанием всякой всячины во что-то бурлящее на плите. Вместо этого на ней узкие

чёрные штаны, туфли на высоком каблуке и просторная, на вид дорогая, рубашка, которая явно не предназначена для домашнего пользования.

Это не домашняя Оливия. А куда-то вырядившаяся Оливия.

— Собираешься куда-то? — осведомляюсь я, отрывая глаза от её задницы.

Она поворачивается на месте, открывая рот, будто бы подумывая спросить, где я, чёрт возьми, пропадал весь день напролёт, но

вовремя останавливает себя, растягивая губы в безучастной улыбке.

— Эй. Надеюсь, ты любишь чили, — произносит она. — Оно немного острое, но посыпанный сверху чеддер должен его тонизировать.

— Уверен, всё будет хорошо, — отвечаю я, замечая, что она немало времени провела над макияжем. Она сделала то, что обычно делают девчонки, когда хотят, чтобы их глаза выглядели темнее и загадочнее, а

губы — розовыми и блестящими.

— Жаркое свидание? —
интересуюсь я, всё ещё закидывая
удочку.

— Ага, — фыркает она. — Я
познакомилась с *кучей* крутых
парней с тех пор, как застряла в
твоём доме. Они очень
гостеприимные и общительные.

Я надвигаюсь на неё под
предлогом осмотра горшочка на
плите, но она отодвигается в сторону,
прежде чем я успеваю приблизиться.
Умная девочка.

Она хватает свою сумочку.

— Куда идёшь? — ненавижу себя за эти вопросы. За то, что меня это волнует.

Оливия поднимает плечо, завозившись с ремешком сумки.

— Линди сказала, что тут недалеко есть бар, который, возможно, мне понравится. И что ты знаком с барменом.

— Её зовут Кали Шепард, — автоматически говорю я. — С чего вдруг ты решила выбраться?

— У меня две ночи и один день

выходных, — резко отвечает она. —
Воспользуюсь ими, наконец.

— А почему не делала этого раньше?

— Потому что до этого здесь всегда были Линди и Мик, с которыми я могла поговорить, когда у тебя случаются приступы ребячества.

— Это не *приступы*. И я имею право отдохнуть от людей.

— Ну, в таком случае ты поймёшь, почему я так хочу отсюда выбраться. *Мне* нужно отдохнуть. От тебя, — она одаривает меня

снисходительной улыбкой и протягивает руку, будто собираясь погладить меня по щеке. Мои пальцы обвиваются вокруг её запястья и сжимаются. Сильно.

— Не. Трогай. Меня, — цежу я сквозь стиснутые зубы. *Никогда ко мне не прикасайся.*

С такой силой высвобождая её руку, что она едва не заваливается назад, потеряв равновесие на своих высоченных шпильках.

Я грубо чертыхаюсь и тянусь придержать её, но она отступает на

шаг, избегая моего прикосновения. Я роняю руку. Не могу винить её за то, что она отшатнулась, но всё равно ненавижу это. *Я монстр.*

— Оливия...

— Не извиняйся, — тихо говорит она. — Мне не стоило пытаться. Я виновата.

Она тянется за сумочкой, которую уронила, и подхватывает с тумбочки ключи.

— Мик сказал, что я могу взять какую-нибудь машину. Вернусь не поздно, но ты всё равно звони, если

что, — она направляется в сторону двери.

— погоди, — произношу я, двинувшись за ней.

Оливия замирает, бросая на меня взгляд через плечо.

— Что?

— Я...

Чёрт, понятия не имею, что пытаюсь сказать. Даже не знаю, хочет ли она слышать, как я прошу её остаться, повеселиться или что-нибудь ещё более убогое и немислимое, например, взять меня с

собой.

Забери меня этим пятничным вечером к людям, пиву, смеху, хреновой музыке и моей старой подруге Кали.

Но так ничего из этого и не произношу, и уж точно не говорю последнюю часть.

Я не могу *никуда* поехать. Больше не могу.

— Спасибо за ужин, — хрипло благодарю я.

На этот раз она даже не оборачивается.

— Я всего лишь делаю свою
работу, Лэнгдон.

Глава семнадцатая

Оливия

Я никогда не ходила в бар без компании.

И не могу сказать, что когда-нибудь представляла, что мой первый одинокий набег на выпивку произойдёт в захудалом баре в окрестностях Бар-Харбора, городка из штата Мэн. Но сегодня я себя заставила.

В последнее время меня приводила в ужас мысль о том, что

затворничество Пола окажется заразным. Будто, не пообщавшись с людьми вне дома, я превращусь в такую же враждебную какашку, как он, и стану таким же несчастным зверем, который не считает себя обязанным брать ответственность за своё истеричное поведение.

Честно говоря, я не только поэтому ушла сегодня из дома. Полная правда? Я надеялась, что он пойдёт за мной. Я не просила. Намеренно *не* просила, будучи достаточно глупой, чтобы

предположить, словно мысли о полном одиночестве подтолкнул Пола покинуть дом по собственной воле.

В мой план входило создать видимость того, будто я *хотела*, чтобы он остался. Приготовила еду по «Всемирно известному рецепту приготовления Чили», как это было названо гуглом, избегала Пола весь день (на самом деле, это он меня избегал, но не суть) и тщательно подобрала наряд, предназначенный быть сексуальным, но не слишком.

Сами понимаете, девушка уезжает развлечься в город, но если так случится, что она повстречает милого парня, тогда, эй, почему бы и нет?

Но Пол не заглотил наживку. Наверное, стоило счесть прогрессом то, что он выбрался из своего логова в поисках еды, но если говорить начистоту, то я разочаровалась. Просто это неправильно, что парень двадцати с лишним лет годами прячется дома. Сколько времени пройдёт до того момента, как

изоляция превратит его в одного из тех жутких отшельников, которые не в состоянии функционировать в нормальном обществе, даже если бы захотели?

Я припаркована у «Френчи». Хочу повернуть назад и поехать домой, но лекция Линди, которую она прочитала мне днём, всё ещё гремит в моём мозгу. *«То, что он хочет изображать мёртвого, не означает, что и ты должна следовать его примеру. Может, мы и не в Нью-Йорке, но у нас здесь есть*

хорошие люди. Займись делом, сестрёнка».

Итак, разговор получился отчасти милым, отчасти неловким, но Линди сделала хороший вывод. Я не хочу закончить, как Пол: социально неразвитой, застрявшей на односторонней улице, ведущей к уродству.

Я выхожу из машины.

С улицы «Френчи» — подозреваю, такое название взято из-за его местоположения, на «Френчмэн Бей» — выглядит как

комбинация горнолыжной базы и придорожной забегаловки. Деревянные балки придают ему домашний, гостеприимный вид, который разбавляется неоновыми вывесками на окнах, изображающими пивные значки, и это добавляет нужное количество барной атмосферы. По правую сторону от строения расположена крытая терраса, которую я представляю переполненной ясным летним днём, но в конце сентября она безлюдна. Впрочем, едва

слышные удары музыки доказывают, что, по крайней мере, внутри какая-то активность есть.

Я глубоко вдыхаю и открываю дверь

Худшее развитие событий — все посетители затихают, повернувшись взглянуть на новоприбывшего. А лучшее — никто меня не замечает, я нахожу свободный стул у бара, где-нибудь в конце, где могу сесть и осмотреться.

Реальность преподносит несколько усреднённый вариант.

Играет старенький рок, когда я ступаю внутрь, и, хотя большинство посетителей слишком заняты своими виски и пивом, чтобы обратить внимание на моё появление, люди, сидящие за столиками неподалёку от двери, оборачиваются посмотреть на меня. А потом ещё раз посмотреть.

Линди заверила меня, что я смогу влиться в эту местную тусовку, но, кажется, она забыла о совсем не крошечной детали — я не местная. Я *не* впишусь. Вообще никак.

Даже если моя одежда не

кричит «городская девчонка» (а она кричит), я выделяюсь уже только потому, что являюсь девушкой. Здесь находится, наверное, пять женщин, но всё равно большинство посетителей — мужчины. Рыбаки, судя по обмундированию.

Тем не менее, это не та мучительная сцена, которой я так страшилась. Неуютно, конечно, но в основном взгляды любопытные, а не плотоядные или развратные. Я робко улыбаюсь парочке средних лет, и женщина одаривает меня

полуулыбкой в ответ, в то время как её компаньон, абсолютно незаинтересованный, возвращается к своему телефону и пиву.

Хотя вокруг немало свободных столиков, сидеть за одним из них без спутника ощущается как-то совсем уж одиноко, учитывая, что я ищу человеческого общения, поэтому пробираюсь к скоплению пустых барных стульев.

Почти сразу же передо мной появляется стакан воды, а за ним белый бумажный подстаканник с

нацарапанным посередине
«Френчи».

— Что я могу вам предложить?

— интересуется приветливый голос.

Бармен — симпатичная
веснушчатая брюнетка с тёплыми
медово-кариими глазами. Её волосы
стянуты в небрежный пучок,
придающий некоторым девушкам
очарование. И она именно такая.

— Эм, белого вина? —
спрашиваю, надеясь, что не
допускаю ужасного промаха.

— У меня есть Шардоне или

Пино гриджио. Шардоне, кстати, лучше.

— Тогда мне его, — произношу я, отвечая ей доброжелательной улыбкой.

Она ставит передо мной бокал, прежде чем отправиться к холодильнику за бутылкой белого вина.

— Не многие пьют вино? — задаю я вопрос, замечая, что бутылка неоткрыта.

Она пожимает плечами.

— Чаще всего заказывают пиво,

конечно, но многие стали брать вино, после того как я избавилась от сахарного пойла, к которому они здесь привыкли.

— Ого, — выдаю я, в то время как она наполняет мой бокал до краёв.

— Выглядишь так, будто тебе это нужно, — подмигивая, произносит она, прежде чем отправиться проверять других клиентов.

Она не ошибается в обоих случаях — Шардоне очень вкусное, и

мне это действительно *нужно*.

Я наблюдаю за ней краем глаза, пока она болтает с пожилым мужчиной в конце бара, долго и искренне смеясь над его рассказом о выходках внука.

Линди не описала мне загадочную Кали, сказав только, что она «хорошо выглядит», но возраст примерно тот же, вот мне и интересно, она ли подруга детства Пола?

Когда девушка вновь возвращается подлить мне воды, я

собираюсь с мужеством и спрашиваю.

— Да, Кали — это я, — отвечает она, выглядя слегка удивлённой моим вопросом. — Мы знакомы?

— Нет, я здесь новенькая.

— Да, я догадалась по шёлковой блузке, — говорит она доверительным шёпотом. — Могу поспорить, она дороже большинства наших автомобилей. Туристка?

— Типа того, — уклончиво отзываюсь я. — Я работаю в доме

Лэнгдона.

С её лица сползает улыбка.

— У Пола?

— Да.

Она выпрямляется, упираясь ладонями в стойку, пока изучает меня почти с осторожностью.

— Ты не выглядишь как сотрудница Лэнгдонов.

Её тон не злой, но она явно меня оценивает.

— А как я выгляжу?

Она пожимает плечами.

— Несколько лет назад я бы

расценила тебя как девушку Пола. Но сейчас...

Мы устанавливаем зрительный контакт, и между нами возникает странный момент женского взаимопонимания. Мы обе знаем, что он больше не заводит девушек.

— Я новая сиделка, — тихо произношу я. — Хотя это слово совершенно неподходящее.

— Да, Пол никогда не нуждался в уходе. По крайней мере, насколько я помню.

Я немного подаюсь вперёд,

отчаянно пытаюсь заставить её продолжить говорить, но не желая показаться назойливой.

— Вы с ним ни разу не виделись с тех пор, как он вернулся?

Она качает головой и без надобности наполняет мой бокал — хороший знак, она не пытается от меня избавиться.

— Не-а. Мои родные живут недалеко от него. Знаешь, Лэнгдоны раньше арендовали дом, в котором сейчас живут. Отец Пола купил его несколько лет назад, когда Полу

понадобилось больше времени, эм, для *уединения*. Сейчас я живу поближе к городу, но, когда мы были детьми, я *жила* ради дня, когда Пол приедет на несколько летних недель.

Я спешно подавляю всплеск ревности. Ради Бога, они были всего лишь детьми. *Друзьями*. По крайней мере, я думаю, что они были всего лишь друзьями. И это не моё дело, было ли между ними нечто большее.

— Он знает, что ты здесь? — интересуется она небрежным тоном. Слишком небрежным. Я понимаю,

что на самом деле она спрашивает:
«Почему он не пришёл увидеться со мной?»

— Он, эм... он не очень общительный, — говорю я.

— Да, — бормочет она. — Я поняла это, когда он целый месяц после своего переезда не открывал мне двери.

Сердце сжалось от печали в её голосе.

Какого чёрта, Пол? Теперь ясно, что он одинок и не имеет друзей, так как сам этого хочет. А не

потому, что все его остерегаются.

— Как он? — спрашивает она.

— В смысле, все мы слышали разное, но ты же знаешь о сплетнях в маленьких городках. Вытянуть из них правду непросто.

— Наверное, он такой, как о нём говорят, — отвечаю я, выдерживая её взгляд. — Грубый, злой и в целом малопрятный.

— Ну что ж, — раздаётся низкий голос за моей спиной. — От такого у любого парня сердце удар пропустит.

Я замираю, услышав знакомый голос. Запоздало осознаю, что, не считая играющей музыки, воцарилась тишина. Я оборачиваюсь, понимая, что дело, наконец, дошло до ожидаемых мной неловких взглядов.

Вот только они глазеют не на меня.

Они глазеют на Пола.

Его глаза задерживаются на несколько мгновений на моих, большой палец поглаживает головку трости, прежде чем он поднимает

взгляд поверх моего плеча, упирая его в девушку, стоящую за стойкой.

— Привет, Кали.

«Прошу, не отвергай его, — безмолвно взмолилась я. — Прошу, пойми, как важен для него этот момент».

Не знаю, услышала ли она мою невысказанную вслух мольбу, или Кали просто по-настоящему хороший человек, потому что она не швыряет ему в лицо пиво и не делает мерзких замечаний. Вместо этого, бросившись через бар, она

забрасывает руки ему на шею. Обнимая. Ошеломлённое удовольствие, отразившееся на его лице, почти разбивает мне сердце.

Когда Кали отпускает его, Пол дарит ей почти застенчивую улыбку и собирается уже было занять стул по правую сторону от меня, но вдруг почему-то переходит к стулу по другую сторону.

Давление в груди усиливается, когда до меня доходит, что он только что сделал. Осознанно сел искалеченной стороной лица ко мне,

повернувшись к остальным другой, целой частью.

Он доверяет мне.

Понимание этого порождает во мне дурацкое тепло.

— Что мне принести? — спрашивает Кали. — В последний раз, когда мы выпивали вместе, это была цитрусовая водка, тайком украденная из кабинета твоего отца.

Пол раздражается смехом.

— С этим я покончил. Как насчёт виски с колой?

Кали ставит перед ним

выпивку, а потом неохотно удаляется в бар, реагируя на оклик клиента.

Несколько человек перешёптывается, всё ещё пялясь в нашу сторону, но Пол, кажется, решает игнорировать их, и я следую его примеру.

— Значит, моё чили оказалось настолько плохим? — осведомляюсь я, отпивая глоток вина.

Он ударяет по льду палочкой для перемешивания.

— Я съел немного. Не так уж и ужасно.

— Оно получилось восхитительным, и ты это знаешь. Возьми назад свои слова о том, что я не умею готовить.

Уголок его рта слегка дёргается вверх.

— Я нашёл сэндвич в холодильнике. Так понимаю, ты сделала его на обед, но потом убрала из-за того, что я прятался, как маленькая сучка?

Я стучу себя по носу. *Бинго.*

Он расплывается в ухмылке.

— Ну, я откусил от него. На

вкус совсем пресный.

— Там была индейка с сыром чеддер на хлебе. А какого чёрта ты ждал на ланч? Какое-нибудь суфле азиаго и салат эскарриоль?

Пол фыркает:

— Нью-Йоркские замашки налицо.

В его словах есть смысл. Я давнишний завсегдатай дорогих винных баров и вычурных ресторанов. Суфле Азиаго — привычное составляющее обеда в среду. Пусть я в Мэне всего

несколько недель, такое ощущение, будто с тех времён прошла целая вечность. *Совершенно правильным* кажется сидеть, взгромоздившись на истёртый кожаный стул в отделанном деревом баре, который выглядит старше меня, рядом с парнем — отчасти прекрасной тайной, отчасти непредсказуемым зверем.

— Можешь расслабиться, — тихо говорю я.— Все вернулись к своим делам.

— Только потому, что с такого

ракурса они не видят шрамы. Если бы увидели, то тут же бросились бы к двери, либо их вывернуло бы луковыми кольцами.

— Я вижу их, но не мчусь к двери.

Его взгляд устремляется к моим глазам, и на мгновение между нами повисает этот *момент*.

А потом возвращается Кали, и всё исчезает. Я не злюсь на неё. Не сильно. Она олицетворяет собой нормальную сторону Пола, к которой у меня так и не появился доступ —

каким он был до Афганистана. И её реакция на его новый облик не могла быть более идеальной.

Но это не значит, что мне должен нравиться его смех над всем, что она говорит, или то, как они раскидываются именами общих друзей, о которых я никогда не слышала. Ещё пять минут назад Кали казалась мне милой и симпатичной — определённо образец лучшего друга на веки вечные. Но теперь я *ненавижу* её симпатичность и милость. Я почти презираю то, с

какой лёгкостью Пол улыбается рядом с ней. Он никогда не улыбается так со мной.

Соберись, Оливия. Именно этого я для него и хочу. Нормальной социальной жизни. Общения с людьми. Девушек, способных разглядеть его за шрамами.

И-и-и-и-и теперь ладонь Кали лежит на его руке. И он её не убирает. *Круто.* Я делаю огромный глоток вина, прежде чем наклоняюсь и прерываю их милую беседу.

— Эй, Кали, не подскажешь где

дамская комната? — спрашиваю у неё.

Она обращает ко мне приветливую улыбку и убирает свою ладонь с руки Пола — *умница*, — чтобы показать мне дорогу.

— Прямо, а потом налево. Дамская комната в конце коридора справа.

Принимая во внимание, что туалеты находятся в противоположной от входа стороне, я прохожу через целую вереницу новых столиков, где понимаю: может, всё-

таки я чуть-чуть поспешила с выводом о том, что умудрилась избежать наихудшего — людских взглядов, устремлённых на «новенькую». Пара мужчин в углу, то ли слишком тупые, то ли слишком пьяные, чтобы озаботиться тем, насколько это заметно, плотоядно оглядывают меня. Но мне пофиг. В Нью-Йорке у нас и не такое есть. Иду дальше.

За следующим столиком расположилась группа пожилых женщин, которые награждают меня

оценивающим, хотя скорее *«вот бы вновь стать молодой»* взглядом. Это достаточно универсальный женский язык, поэтому я одариваю их дружелюбной улыбкой.

Последний столик перед уборной самый шумный. За ним сидит компания парней примерно моего возраста. Все они одеты в именные свитшоты, предоставленные колледжем, с логотипом на рукавах, который я не сумела разобрать, даже преодолев их столик (и несколько вульгарных

свистков, могла бы я добавить).
Может, гребля? Увы, со спортом у
меня так и не получилось
подружиться, впрочем, об этом я
особо не задумывалась.

Однако парни забыли обо мне
не так быстро, как я о них. Мне едва
удаётся вернуться в главный зал,
справив нужду, как они припирают
меня к стене. Не сказать, что прям
угрожающе. Они выглядят скорее
подвыпившими и глупыми, нежели
опасными, но я *совсем* не в
настроении.

Начинаю проталкиваться мимо, когда привлекательный парень, надо признаться, с замечательной — для акулы — улыбкой, аккуратно берёт меня за плечо.

— Эй, можно мы угостим тебя?

Мои глаза перебегают на стол, на котором стоит несколько полупустых кувшинов из-под пива.

— Нет, спасибо, — я одариваю его своей лучшей незаинтересованной улыбкой и уже было снова собираюсь пройти мимо, но он смещается так, что остаётся

передо мной. Всё ещё не угрожающе, но уже раздражающе

Я озираюсь по сторонам, как будто удивляясь.

— Ох, прости. Неужели я воспроизвела какие-то вибрации, из-за которых, вернувшись, оказалась окружена группой *мальчишек*? — удар ниже пояса, учитывая, что они, по всей видимости, мои ровесники, хотя я и рассчитывала именно оскорбить.

Красавчик прищуривается.

— Необязательно строить из

себя стерву.

— Обязательно, раз ты не даёшь мне вернуться к моему парню.

— Парню? — он скрещивает руки на груди. — Что ещё за *парня* девушка вроде тебя могла найти в таком месте?

— Хуже которого не придумаешь, — раздаётся за спиной моего домогателя низкий голос. Пол.

Я тут же начинаю заверять его, что ничего страшного не происходит, что эти парни сейчас меня отпустят, но потом вижу его лицо. Это не тот

дружелюбный, непринуждённый Пол, который разговаривал с Кали у бара. Это *другой* Пол. Морской пехотинец, взбешённый на весь мир, искалеченный так жестоко, что даже малейшей искре по силам заставить его ступить на опасный путь.

И тогда становится хуже.

Глупый ребёнок оборачивается и заметно дрейфит при виде израненного лица Пола. Но потом его лицо приобретает выражение жестокости, когда он издаёт злобный смех.

— Это твой парень? — спрашивает он у меня, прохаживаясь вокруг Пола, как вокруг циркового представления. — Этот *урод*?

— Не надо, — шепчу я, не совсем понимая к кому обращаюсь: к придурку или к Полу. Но это и не важно, потому что никто из них не обращает на меня внимания.

— Ты что, персонаж из ужастика? — произносит паренёк, поддерживаемый своими тупыми пьяными дружками.

Я закрываю глаза. *Вот* почему

Пол не выходил из дома. А я его заставила.

Рискую бросить на него взгляд, но он не выглядит обиженным, задетым или хотя бы обеспокоенным. На самом деле, он кажется позабавленным. Смертельно позабавленным.

Вот только пьяные придурки зашли слишком далеко, чтобы обратить внимание на нюансы, и продолжают потешаться, не видя того, что «калека» перед ними вполне способен справиться с

каждым из них одним взмахом своей трости.

— Почему бы тебе не поехать домой с нами, милая? — говорит зачинщик, скользнув рукой вокруг моей талии. — Разве ты не хочешь быть с кем-то, от кого у тебя не пропадёт аппетит?

Уже было упираюсь руками ему в плечи, чтобы оттолкнуть его, но Пол оказывается быстрее. Распускающий руки кретин воем от боли и падает на землю даже раньше, чем понимает, что произошло.

Движимая инстинктом, я опускаюсь на колени рядом с корчащимся парнем, но замираю, когда замечаю выражение ледяной ярости на лице Пола.

Руки трясутся, когда я вновь выпрямляюсь, хотя и не знаю точной причины: из-за того, что оказалась загнанной в угол парнями из братства, или из-за этой жестокой, неконтролируемой стороны Пола.

Но и это не совсем правда. Жестокая, да. Но контролируемая. И, кажется, я бы предпочла, чтобы это

было так, потому что этот Пол — смертельная машина.

Парень, растянувшийся на полу, видимо, осознав, что не так уж и пострадал, как ему показалось сначала, нацеливается на покалеченную ногу Пола. Но Пол вновь оказывается быстрее. Он дёргает его одной рукой за ногу секундой раньше, чем другая его рука, зажатая в кулак, сталкивается с носом мальчишки из братства.

Забытая трость со стуком падает на пол, а кураж неторопливо

исчезает с лиц остальных
напившихся парней.

— Пол, — шепчу я.

Но он не закончил.

— Извинись, — он склоняется
к вытирающему с носа кровь
заводиле.

— Иди на хрен, чувак. Ты урод.

Пол придвигается ближе.

— Извинись перед *ней*.

— Зачем? — произносит идиот.

— Я не делал ничего, чего бы она не
хотела.

Я прищуриваюсь, но прежде

чем успеваю посоветовать ему научиться хорошим манерам и к чёрту свалить из бара Кали, один из его приятелей, наконец, находит яйца и встаёт на защиту дружка, ударяя Пола в живот.

Ошибка.

В следующее мгновение всё размывается, и прежде чем у меня появляется возможность попросить их взять под контроль тестостерон, в воздух взлетают кулаки. Парочка попадает в Пола, но основная масса, кажется, исходит от него. Даже

превосходящему числу налакавшихся пивом деток опытный солдат не по зубам.

В конце концов, один за другим, они отступают. Главарь-идиот выглядит так, будто хочет схлопотать ещё удар напоследок, несмотря на окровавленный и подбитый глаз, под которым скоро покажется синяк, но он умудряется только расплыться в презрительной усмешке и пробормотать «Урод!», перед тем как повести свою банду пьяных дебилов на выход из бара.

Проходя мимо Пола, некоторые из них ударяют его плечом, как это обычно делают парни, но Пол, кажется, этого не замечает. Или остаётся равнодушен.

Я запоздало понимаю, что весь бар погрузился в тишину. Все пьются. Но Пол и этого не замечает.

Я начинаю двигаться в сторону Пола, но он останавливает меня своим ледяным взглядом, прежде чем медленно наклониться за тростью.

Он не пользуется ею, пока идёт к выходу, но хромает. И пусть я и

умираю от желания помочь ему, после того, во что только что его втянула, меньшее, что я могу сделать, — позволить ему уйти самому. Неохотно я отпускаю его.

Я закрываю глаза. *Чёрт.*

До меня запоздало доходит, что нам нужно расплатиться с Кали, но когда я смотрю в её сторону, она едва заметно качает головой, а потом отмахивается от меня. Я её должница. Ей стоило бы вышвырнуть нас, а не оплачивать наш счёт. Однако быстрый осмотр по сторонам

показывает мне, что на нашей стороне не только Кали. Несколько других людей ловят мой взгляд и награждают меня кратким кивком.

Тогда я понимаю то, что и так должна была знать: это маленький городок. Пол, может, и не позволяет себе подружиться с этими людьми, но он один из них. Поэтому они дарят ему этот момент.

Я выдаю им слабую признательную улыбку, когда ухожу в ночь вслед за ним.

— Пол? — зову, оглядывая

полупустую парковку.

Слышу сигнал автомобиля, когда он отключает сигнализацию, но не поднимает головы.

— Пол!

Я иду к нему, но взгляд, который он бросает на меня, убийственно хладнокровен. Я останавливаюсь в полушаге, а сердце сжимается от вида крови на его лице.

— Я поеду с тобой, — говорю я сбивчиво.

Вместо ответа он опускается на водительское сиденье и захлопывает

дверь.

Тридцатью секундами позже я остаюсь в полнейшем одиночестве посреди пустынной парковки, спрашивая себя, как много вреда только что нанесла и без того израненной душе.

Глава восемнадцатая

Пол

К тому времени как я въезжаю в гараж и врываюсь в дом, моя ненависть к себе грозит мне удушьем. Я хватаюсь за гнев, как за спасательный круг, потому что альтернатива ему — отчаяние. А отчаяние может меня убить.

С бешеным рёвом я швыряю чёртову трость, войдя в библиотеку. Пусть у меня и болит нога, я этого не замечаю, потому что эту боль

перекрывает ощущение, будто кто-то разворотил мне всё лицо. Удар одного из тех мелких панков пришёлся в цель. Не основательно, но достаточно больно.

Я должен был протереть ими полы. Несколько лет назад я так бы и поступил. Да, какой-то урон нанёс, но я явно не владел всей ситуацией.

Чёрт, да меня там вообще не должно было быть — ни в баре, ни в драке. Но я ввязался в это. Из-за *неё*. Какая-то шизанутая смесь рыцарства и ревности побудила меня

прикинуться *парнем* Оливии, когда те детки припёрли её к стене в баре. Она не моя, я не должен был её защищать, но, слыша их смех и видя напряжение на её лице, я определённо не думал о ней как о своей сиделке или сотруднице.

Я думал о ней так, будто *она принадлежит мне*.

Я щедро наливаю скотча и уже собираюсь опрокинуть его целиком, но вовремя останавливаю себя. Сегодня я не хочу впасть в оцепенение. Мне нужно держаться за

свой гнев. Нужно запомнить этот момент, чтобы больше не повторять эту идиотскую ошибку. Мне нужно запомнить, что я не нормальный. Я не тот парень, который ходит по барам, выпивает с красивыми девушками и зависает со старыми друзьями.

Слова того паренька кружат в голове. *«Ты что, персонаж из ужастиков?»*

Я даже не злюсь. Не на пацана. Тот мелкий засранец понимает, как устроен мир. Оливия — нет. Она

думает, что для нас нет ничего такого в том, чтобы выпивать в публичном месте. Но самое худшее не то, что она в это верит. А то, что она ненадолго заманила меня в эту мечту.

Мне следовало довериться чутью. Следовало послушать ту часть меня, которая знает, что люди не добрые и не хорошие.

Делаю ещё один глоток. К нему примешивается металлический привкус крови из рассечённой губы, но я не утруждаюсь пойти в ванную, чтобы убрать её. Как и боль, кровь

является хорошим напоминанием об уроке, который я только что выучил.

Больше никогда. Даже в баре неподалёку, на собственном чёртовом заднем дворе — чужаки повсюду. Они будут смотреть, будут пялиться, и они будут напоминать мне о том, что такие люди, как я, и такие люди, как Оливия, не принадлежат друг другу.

Я подкидываю в камин дрова, неспешно разжигая пламя, когда слышу, как входит она. Было бы легко спустить на неё весь гнев, но я

выучил, что *любая* эмоция, направленная на Оливию, разрушительна. Лучше игнорировать её.

Легче сказать, чем сделать.

Я готовлюсь к «*О Господи, ты в порядке?*». Но она ничего не говорит.

Я продолжаю сидеть на корточках перед огнём, игнорируя тот факт, что эта поза усугубляет состояние моей ноги. Как могу, не обращаю внимания на боль в лице. Как могу, не замечаю *её*. Хотя с

последним проваливаюсь, потому что, чёрт возьми, я хочу, чтобы она коснулась меня.

Слышу знакомый звук вытаскиваемой пробки и плеск жидкости о стекло. На мгновение мне кажется, что она наполняет стакан для меня, не осознавая, что я уже держу один в руке, но вместо этого Оливия выходит за дверь.

Слава Богу. Она всего лишь хотела угоститься выпивкой и оставить монстра в его уродливой угрюмости.

Я убеждаю себя, что чувствую облегчение, но правда в том, что единственное облегчение, которое я испытываю, появляется с её возвращением. Мой взгляд задерживается на пламени, но по комнате распространяются знакомые звуки того, как она сворачивается, насколько я понимаю, на своём кресле.

Сидит там, молчит, но я знаю, что она делает. Ждёт, когда я подпущу её.

Огромный, жирный чёртов

шанс.

Но я всё равно мельком, всего на мгновение, оглядываюсь через плечо, и от её вида захватывает дыхание. В свете огня её волосы сверкают золотом, глаза, изучающие меня, тёмные и спокойные. Ноги поджаты под себя, как во время чтения, а плечи обёрнуты моим любимым пледом из искусственного меха, будто он принадлежит ей.

Но меня не это беспокоит. А то, что я хочу, чтобы *она* принадлежала *мне*. И когда она смотрит на меня вот

так, я почти готов поверить, что это правда. Почти готов поверить, что мне нужно лишь привлечь её к себе, поглотить целиком... и тогда она с готовностью ответит.

Оливия продолжает удерживать мой взгляд, лениво поднимая хрусталь к губам и делая крохотный глоток скотча. Я рассеянно отмечаю звон кубиков льда в стакане. Значит, за этим она выходила — взять льда. Что вроде как преступление, учитывая сколько стоит этот алкоголь, но мне плевать, потому что

она *здесь*. Смотрит на меня, как на равного, и остаётся здесь.

Я осторожно выпрямляюсь, прежде чем занять место напротив неё, а потом, зная, что могу сделать это рядом с ней, закрываю глаза.

Я забываю, как долго мы сидим в тишине, нарушаемой лишь треском огня и резким скрежетом кубиков льда. Мы оба без разговоров понимаем, что она здесь не в качестве сиделки. А как... кто? Друг? Кто-то большой?

Нет, не большой. Когда я

пришёл в бар, она была счастлива видеть меня. Но не как женщина, распалившаяся для мужчины. Да ради Бога, она выглядела так, будто, чёрт возьми, гордится мной. И, что хуже всего, выражение её лица, когда я пришёл к ней на подмогу, не выражало облегчения. На нём читалось беспокойство.

Оливия Миддлтон заботится обо мне, в этом я уверен. Она не хочет, чтобы я пострадал, и даже больше — она хочет, чтобы я *выздоровел*. Но ей не всё равно не из-

за меня, не из-за того, кем я являюсь на самом деле. И по причинам, неподдающимся объяснению, это больнее, чем нога и окровавленный нос вместе взятые.

Я слышу шорох, когда она встаёт, но не открываю глаза, даже когда за её спиной тихо закрывается дверь. Видимо, терпение, чтобы сидеть с жалким инвалидом, имеет границы.

Я делаю огромный глоток скотча, убеждая себя, что мне насрать. Убеждая себя, что хочу

побыть один, что мне нужно привыкнуть к одиночеству. Хотя отчасти я в ужасе от мысли, что, если она уедет — когда она уедет, — уединение перестанет быть передышкой. Оно станет обычным *одиночеством*.

Пятью минутами позже дверь снова открывается. Я не смотрю на неё, пока она приближается. Не хочу, чтобы она прочла в моём взгляде облегчение.

Оливия не возвращается на своё место. На этот раз она садится на

ручку моего кресла, её крохотная, идеальная попка оказывается всего в нескольких сантиметрах от моей руки. Я напрягаюсь. *Какого чёрта она задумала?*

В конце концов, выясняется, что она вернулась не с пустыми руками. Оливия забирает из моей руки выпивку и ставит её на стол. Я позволяю.

Я слежу за её руками, обмакивающими белое полотенце в миску с горячей водой. Слежу за длинными пальцами, выжимающими

его. Я подготавливаю себя к тому, что должно произойти, несмотря на то, как отчаянно этого жажду.

Мы не встречаемся взглядами, когда она медленно протягивает ко мне руку.

Колеблется в сантиметре от лица, прежде чем аккуратно приложить тёплую ткань к коже. Я снова даю глазам закрыться.

Она нежно промывает ранку и возвращает полотенце в миску. Процесс повторяется. *Обмакнуть. Выжать. Запнуться. Коснуться.*

Она явно осторожничает, боясь задеть мои шрамы. Я не виню её.

Она, наконец, убирает полотенце в миску, но не делает попыток сдвинуться с кресла.

— Кажется, твой нос не сломан, — произносит она, в конечном счёте нарушая тишину. — Но я принесу тебе лёд.

Оливия смещается, будто собираясь подняться, и я шокирую самого себя тем, что вытягиваю руку, дотрагиваясь до её ноги с отчаянной поспешностью. *Останься.* И она

остаётся.

Облегчение от того, что она не уходит, не подготавливает меня к тому, что происходит дальше.

Она касается меня. Не тканью, а тёплыми, нежными пальцами. Сначала безопасно. Аккуратными поглаживаниями вдоль линии роста волос. Прослеживая бровь. Скулу. Она накрывает ладошкой мою челюсть, и я разрешаю своей щеке повернуться к теплу её руки. С тех пор как кто-то касался меня прошло так много времени. Так много, что,

пока она остаётся на левой стороне моего лица — на целой стороне, — я могу дать ей волю касаться меня целую вечность.

Но она не останавливается на ней. Сердце запинается, когда я чувствую, как другая её рука задевает мой правый висок.

Я пытаюсь увернуться, но она обхватывает моё лицо ладонями. «*Не надо*», — безмолвно молю.

Но она не слышит.

Я втягиваю воздух, когда она бережно, с благоговением, проводит

ласковым пальцем поверх моей правой скулы. А потом ниже.

Она трогает мои шрамы. И я разрешаю ей.

Три линии, сбегаящие вниз по лицу, неизменно напоминали мне порез росوماхи. Будто это когти животного ударили меня по лицу, а не умышленно занесённое лезвие беспощадного афганца. Все три линии она прослеживает мягко, задумчиво, словно думая, что может исцелить своим прикосновением.

Прикосновения, в конце

концов, прекращаются, и я остро ощущаю потерю, когда её руки исчезают с моего лица. И это чувство усугубляется, когда она встаёт, подбирая чашу с кровавой водой.

— Я принесу тебе лёд.

Я вновь дотрагиваюсь до неё, на сей раз до запястья, как и прежде, без слов, умоляя остаться, но сейчас она аккуратно отстраняется, и я её отпускаю.

Поднимаюсь на ноги и иду к огню, впиваясь спокойным взглядом в пламя, теряясь в мыслях об Оливии

и опасности, которую она собой представляет.

В этот раз, когда она возвращается, я готов к ней.

Она встаёт передо мной, предлагая пакет со льдом. Когда я не обращаю на него внимания, она слегка хмурится, как будто посчитав, что я капризный ребёнок, неподчиняющийся указаниям няни.

К чёрту. Я выбиваю пакет из её руки, и прежде, чем он ударяется о пол, обнаруживаю, что обнимаю одной рукой её за талию, притягивая

к себе нежно, но твёрдо. Другой рукой бережно скольжу под волосы, останавливаясь на гладкой коже задней части её шеи.

Из раза в раз я говорил себе, что больше не буду её целовать. Что это она *меня* поцелует.

Но я не соблазняю. Я хочу её. Так ужасно хочу, что от этого больно.

Я встречаюсь с ней глазами, наблюдая за тем, как шок уступает место желанию. *Она тоже меня хочет.*

Намеренно перевожу взгляд на

её рот. «*Поцелуй меня*», — безмолвно прошу я. А потом повторяю вслух:

— Поцелуй меня, Оливия.

Она качает головой.

— Пожалуйста, — шепчу я.

Мне всё равно, даже если придётся умолять. Мне всё равно, даже если она поцелует меня из жалости. Она *нужна* мне.

Её глаза темнеют, и я готовлю себя к тому, что она отпрянет.

Но вместо этого она придвигается ближе, пока мы не сталкиваемся грудью, а её глаза не

оказываются на уровне моего подбородка. Одна моя рука крепче обнимает её спину, в то время как другая — играет с мягкими волосками у основания шеи.

Её руки опускаются к моим бёдрам, и моё сердце начинает биться сильнее.

Медленно, *неторопливо*, она вскидывает голову, устремляя взгляд от подбородка к губам.

Не могу больше ждать. Я опускаю голову, едва заметно наклонившись вправо, когда

ненадолго прижимаюсь к ней губами. И снова, на этот раз дольше.

На третий раз её рот сталкивается с моим.

Поцелуй горячий, голодный, каким-то образом медленный и неистовый одновременно.

Оторвавшись от моих бёдер, её руки тянутся за тканью футболки, привлекая меня ещё ближе, тогда как одна моя рука движется по всему её телу, а другая нажимает на заднюю часть шеи, удерживая её губы слившимися со мной.

Я слегка сгибаю колени, подстраиваясь под её рот в жажде оказаться ближе, но этого недостаточно. Мой язык ищет и находит её, поначалу застенчивый, но куда более осмелевший, когда поцелуй становится взрывоопасным.

Ладони зудят от желания двигаться. Мне хочется касаться её всюду. Хочется, чтобы она оказалась обнажена у камина. Но сейчас я решаю, что этого достаточно. Должно быть достаточно.

Наконец, она отстраняется, и я

отпускаю. Её дыхание затруднённое, хриплое, а грудь поднимается и опадает, будто не в состоянии отдышаться.

Сам-то я точно не могу. Из-за *неё* я забываю дышать. Из-за *неё* я забываю обо всём.

— Это было... — она замолкает.

Про себя заполняю пробелы за *неё*. *Глупо. Безответственно. Безумно.*

Восхитительно.

Ничего такого она не

произносит, вместо этого просто качает головой, будто прочищая её.

— Мне нужно идти, — говорит она, резко убирая от меня руки, будто не может вытерпеть прикосновения ко мне.

Я моментально отпускаю её, пусть и изнываю от желания притянуть обратно, просто держать её.

Она уже почти отворачивается, но прежде наклоняется за пакетом со льдом. Рука с зажатым в ней льдом движется к моему лицу. Она

замирает на мгновение и почти отодвигается, затем хмурится и решительно, но осторожно прижимает лёд к моему носу.

— Подержи его минут тридцать, — произносит она мягко и властно одновременно.

— Хорошо, — грубовато отвечаю я. — Не хотелось бы, чтобы опухший нос испортил другие совершенные черты моего лица.

— Нет, — соглашается она, награждая меня слабой улыбкой. — Нам бы этого не хотелось.

целесообразным. Этот поцелуй должен оставаться счастливой случайностью. Ради нас обоих.

— Да? — спрашивает она слегка нетерпеливо, пока я стою там, глаза на неё.

«Разряди обстановку, придурок. Дай ей понять, что это ничего не значило».

— Увидимся завтра утром? — спрашиваю я.

Идиот.

Она закатывает глаза.

— Ага.

— В пять? У тропинки?

— Как и обычно, за исключением случаев, когда у тебя истерика.

— Очаровательно, — бормочу я. — И, кстати...

— Да, Пол? — отвечает она раздражённым голосом школьного учителя.

— Как тебе Кали?

Бам. Ни следа от улыбки. И уверенности. Ненавижу себя за то, что наслаждаюсь её дискомфортом.

— Она замечательная, —

щебечет Оливия. — Безумно симпатичная. И очень милая.

— Очень, — повторяю задумчиво. — Что ж, доброй ночи.

Я отворачиваюсь обратно к огню, скрывая улыбку, вызванную её недовольным пыхтением.

Глава девятнадцатая

Оливия

Я поцеловала Пола. Я поцеловала Пола, я поцеловала Пола, я поцеловала Пола.

Конечно, не впервые. Но на сей раз всё было иначе. В первых двух случаях он намеревался меня выгнать.

Но на этот раз поцелуй был мягче. Горячее. И бесконечно опаснее для нас обоих.

Видите ли, худшая часть не в

том, что я поцеловала парня, за которым вроде как должна присматривать. А в том, что хотела поцеловать его снова. И снова...

Я лежу в постели, силясь убедить себя, что позволила этому случиться, чтобы восполнить ущерб, нанесённый тем придурком из бара. Мне хотелось показать ему, что он не монстр. Что он не *повод* для смеха. Я хотела, чтобы он знал, что желанен даже со шрамами.

Но я лгу самой себе.

Ни о чём таком я не думала,

когда мы стояли перед камином. Я думала не о его проблемах, не о своих и не о чьих-то других, а о том, как хотела его.

И всё ещё хочу.

Я накрываю глаза рукой и исторгаю стон, когда это дьявольское преуменьшение проскакивает в моей голове. *Не очень точное определение.*

Не знаю, каким образом я в конце концов уснула, но звон будильника в пять утра сделал ранний подъём ещё беспощадней, чем обычно. Я обрушиваю удар на

будильник, заставляя себя скинуть ноги с края кровати, прежде чем успеваю вновь уснуть. В глаза будто песка насыпали из-за недосыпания, но я едва это замечаю, потому что всё никак не могу перестать думать о том, что чуть дальше по коридору спит Пол, одетый в одни только боксёры. Эта мысль убедительно *мешает* мне спать.

Включив лампу, я семеню к шкафу, в котором хранятся вещи для тренировки. Как вдруг мне в глаза бросается коробка, стоящая у двери.

Обувная коробка.

В доме нас только двое, и это значит, что затолкнуть коробку за дверь мог лишь один человек. Я представляю Пола, крадущегося в мою спальню: в совершенстве накаченный пресс, сильные руки...

Соберись

Я подбираю коробку. Быстро встряхнув, подтверждаю: это явно обувь. Но не ох-какие-сексуальные лабутены. А обувь для бега. Незатейливые, уродливо белые кроссовки.

Поверх них прикреплена записка. На ней небрежными мальчишескими каракулями выведено: *«Раз ты отказываешься нормально проконсультроваться со специалистами, я очень постарался откопать для тебя обувь подходящего размера. Прости, что не нашёл розовые».*

Очень глупо, что всё внутри меня томится от нежности из-за того, что парень купил мне самую уродливую обувь на свете? Да. Знаю, что да.

Но от этого бестолковая ухмылка на моём лице никуда не девается.

Взгляд на часы подсказывает мне, что я опаздываю на нашу пробежку. Он не будет удивлён — я *всегда* опаздываю. Но всё равно одеваюсь в спешке. Не *вся* моя экипировка розовая, но я выкладываюсь по полной, чтобы каждая деталь моей одежды сегодня была именно такого цвета, начиная со спортивного бюстгальтера и заканчивая трусиками и носками.

Затем надеваю кроссовки, размер которых идеально мне подошёл. Мурашки по коже от этого парня.

В новой обуви мне вроде ощущается так же хорошо, как и в моих милых розовых кроссовках, но, может, я почувствую разницу после нескольких миль. Пол постоянно кудахчет о важности предотвращения травм, а правильная обувь якобы уберёжёт от меня судорог, растяжений и «всякой такой хрени».

Как и ожидалось, Пол уже на

месте: стоит спиной ко мне, вглядываясь в предутреннюю мглу над водой. Нам нѐм синяя кофта с длинными рукавами и такого же цвета тренировочные штаны. Выглядит точь-в-точь как бывший двадцатилетний (с хвостиком) морпех, готовый вот-вот взлететь на воздух в любую секунду.

И трость тут. Трость, которая на мой взгляд ему совершенно не нужна. И ещё кое-что, не вызывающее сомнений: этот парень не собирается начинать бегать.

— Эй, — тихо зову я.

Подбадриваю себя, думая, что он в наилучшем расположении духа. После его глупого, клишированного «Как тебе Кали?», произнесённого прошлой ночью, я готова ко всему, что он выкинет с целью оттолкнуть меня.

Он поворачивается. Не улыбается — *ну, ничего себе*, — хотя глаза излучают тепло. Оно нарастает ещё больше, когда он спускается взглядом вниз по моему телу, задерживаясь на определённых

местах, пока не останавливается на ногах.

— Как тебе? — осведомляется он, дёргая подбородком в сторону обновки.

Ну, ладненько — видимо, о поцелуе мы говорить не будем. Но он, по крайней мере, не ведёт себя, как сволочь, а это уже больше, чем я ожидала, учитывая, какой *толстенной* бронёй прикрыты его эмоции.

— Безобразные, всё как ты и планировал.

— Они не дадут подвернуться твоей ноге. Ты ещё поблагодаришь меня, когда постареешь.

Я издаю приглушённый смешок.

— Господи, так романтично.

Его лицо становится пустым, и до меня тут же доходит собственная ошибка. Он может упражняться со своей сиделкой, читать с ней, даже флиртовать и целовать её... но тут нет места для романтики. Не в нашем случае.

И пусть я ничего подобного и

не подразумевала, такое слово как «романтика» губительно для парней вроде Пола.

Как и для девушек вроде меня. С Итаном у меня была когда-то эта романтика, и я умудрилась всё испортить. Возможно, некоторые люди просто не созданы для отношений.

Опасливое выражение на лице Пола сменяется смущением.

— Ну, ладно.

— Что?

Он награждает меня слабой

улыбкой, и моё сердце переворачивается, когда я различаю за ней вспышку печали.

— Я собирался испускать всякие сигналы, предупреждающие о том, что я не ищу девушку, — с сожалением произносит он. — Но судя по отворачиванию, написанному на твоём лице, это и не потребуется.

— Нет! — выпаливаю я. Господи, он принял моё отворачивание на *свой* счёт? Я с ума схожу от желания сказать ему, что, какие бы у него ни были проблемы, внутри он не

такой отравляющий, как я. Но у меня не хватает мужества. — Я просто... ты *действительно* хочешь об этом поговорить? — спрашиваю я, всплеснув в воздухе руками.

Он на секунду вглядывается в меня, прежде чем опустить взгляд на свою руку, лежащую на трости.

— Нет.

Я вымучиваю улыбку.

— Так... у этой обуви есть какой-то подвох, о котором мне следует знать? Мне понадобится секретный код, или они сами по себе

вырабатывают магию?

Пол закатывает глаза, указывая тростью в сторону того места, откуда мы обычно начинаем нашу пробежку.

— Пройди вперёд и начни бежать трусцой. Постарайся не споткнуться и не упасть, иначе моей опеке добавится хлопот.

— Опеке? Вот как ты это называешь? — интересуюсь я. — Потому что больше похоже на ханжеские лекции, — остановившись, начинаю растяжку.

Кончик трости тихонько

ударяется о моё колено.

— По последним суждениям бегунов — предварительная растяжка не поможет предотвратить травму.

Я опускаю ногу обратно на землю.

— А волшебные кроссовки помогут?

Его губы почти изгибаются в улыбку.

— Они — да.

— Надеюсь, меня никто не увидит, — ворчу я добродушно. —

Хотя, с другой стороны, хочется верить, что эти кроссовки проживут долго, потому что они *отлично* впишутся в интерьер дома престарелых.

— Спорим, у старикашек от тебя поедет крыша?

«А у тебя от меня *едет крыша?*» — хочется спросить мне. Но на самом деле говорю:

— Ладно, давай сделаем это, — точно не знаю, о беге я говорю или о другом бесконечно более предательском.

Он кратко кивает.

Я делаю шагов пять, прежде чем запретная мысль проскакивает в моей голове. Обернувшись, обнаруживаю, что он смотрит на меня, тоскующее выражение его лица подталкивает меня задать смелый вопрос.

— Ты пробовал бегать? Хотя бы несколько шагов. Ну, знаешь... *с тех пор?*

На его лице проскальзывает боль, прежде чем оно полностью закрывается.

— *Бегать*, Оливия? Я даже ходить не могу без посторонней помощи.

Склоняю голову чуть в бок.

— Разве?

На этой ноте я разворачиваюсь на пятках своих новеньких уродливых кроссовок и срываюсь с места. Стараюсь сосредоточиться на технике дыхания, о которой без умолка твердит Пол, но в этот момент о глубоких вдохах я волнуюсь в последнюю очередь. Слишком глубоко повязла в мыслях о

восхитительной катастрофе — Поле.

Я не слежу, как долго бегу, но замедляюсь, когда в поле моего зрения оказываются незнакомые виды. Я забежала дальше обычного. Как и следовало ожидать, Пола нигде не видно, когда я оборачиваюсь, но в отличие от других дней, он не попадает мне даже на обратном пути. Слишком далеко оттолкнула его своим вопросом о беге, вот он и ушёл.

Я направляюсь в дом, решив не впадать в уныние. И чего я ждала?

Неужели думала, что ему потребуется всего-то поцелуй на ночь и простой *намёк* на хотя бы попытку бежать, и он вдруг присоединится ко мне во всём своём довоенном величии?

Чувство вины явно не притупляется запоздалым осознанием того, что Линди до сих пор в Портленде, а мне следует исполнять обязанности по кухне. Я не только напоминаю Полу обо всём на что он не способен, так ещё и морю голодом. Конечно, он и сам может выложить на рогалик

сливочный сыр, но мне за это платят — пора бы мне об этом вспомнить.

Поспешно приняв душ, я натягиваю штаны для йоги и пушистый голубой свитер, после чего собираю влажные волосы в небрежный пучок на макушке и направляюсь на кухню.

Я никогда особо не мудрила с завтраком, обычно делая себе английские маффины или хлопья, но этим утром мой желудок урчит в жажде получить что-нибудь

посущественней. Наверное, потому что мой вчерашний «ужин» состоял из гигантского бокала вина, подкреплённого несколькими глотками виски.

Я перемешиваю достаточное для двоих количество яиц, добавляю немного сыра с грибами и ставлю на поднос два стакана с апельсиновым соком. У Пола в библиотеке есть кофеварка, но держу пари, что он припрятал там всего лишь одну кружку, поэтому опускаю на поднос ещё и кружку для себя. Озарённая

запоздалой мыслью, я нарезаю ягоды и убираю их в красивую хрустальную миску.

Чаще всего мы с Полом ужинаем вместе — скорее потому, что не оставляю ему выбора, — но завтракаю я на кухне с Линди за обсуждениями шоу «*Today*» или чем-то таким. Если подумать, я пробыла здесь около месяца, и это первый раз, когда мы с Полом разделим завтрак.

Есть что-то необычайно интимное в том, чтобы завтракать

вместе с парнем. Возможно, это как-то связано с «утро-после-того-как». Или, возможно, дело просто в том, что это *Пол*. Мои воспоминания о вчерашнем поцелуе становятся понемногу ярче, пока я несусь поднос в сторону кабинета.

Услышав непонятный звук, замедляю шаг. *Голоса*, во множественном числе.

Один из них явно принадлежит Полу, другой мне не знаком. Я остаиваюсь у двери. Второй голос определённо мужской, что

хорошо. Пусть я и не думаю, что между Кали и Полом есть хоть что-то отдалённо игривое, всё равно мне на мгновение представляется Кали во всём её веснушчатом великолепии, сидящая в *моём* кресле напротив камина.

Но нет, это совершенно точно мужской голос.

Мои руки заняты, поэтому постучаться не получается. Вместо этого я нарочито громко прочищаю горло, бедром открывая дверь. Мой взгляд моментально приземляется на

две фигуры, напряжённно замершие перед столом.

Дерьмо. Ох, *дерьмо*. Мужчина с исказившимся от гнева лицом, стоящий напротив Пола, оказался никем иным, как Гарри Лэнгдоном.

Блудный отец вернулся.

Глава двадцатая

Пол

— Я по-прежнему не понимаю, какого чёрта ты думал, когда выкидывал этот трюк, — мой отец пребывал в бешенстве.

— Это был не трюк, а желание пойти выпить в бар. Повторюсь — *выпить*.

Папа проводит рукой по лицу, буравя меня взглядом.

— Меня беспокоит часть не про выпивку, а про *бар*. С каких это

пор после возвращения из Афганистана ты стал добровольно показываться перед людьми?

С появления Оливии.

Разумеется, я этого не произношу. Мои чувства к этой девчонке и без того запутаны. И мне совершенно не нужно, чтобы до отца дошло, почему она задержалась здесь дольше, чем любая другая сиделка, ведь это не имеет ничего общего с его идиотским ультиматумом или, тем более, с моим нежеланием её отпускать.

Пока что.

— Что не так? — скрестив руки на груди осведомляюсь я, ненавидя его способность пробуждать во мне желание защититься. — Ты уже давно донимаешь меня своими просьбами, чтобы я стал нормальным. А теперь, когда я на самом деле стараюсь исправиться, ты ведёшь себя так, будто я запятнал честь семьи.

«Возрази, — безмолвно молю я.

— Скажи, что ты здесь вовсе не потому, что один из твоих друзей

увидел моё безобразие в баре и позвонил тебе с жалобой».

— Рик позвонил мне вчера вечером, — произносит папа, подтверждая мои худшие подозрения. — Сказал, что ты ввязался в драку.

— Он ошибается.

— Точно, — фыркает отец. — Так значит, твой нос всегда так выглядел?

— Какие-то парни из братства пристали к Оливии. Они были пьяными. Я вмешался, и мне прилетело кулаком от одного из них.

— Ну конечно, прилетело! —
взрывается он. — Ты же не в
состоянии драться, Пол!

Я делаю полшага, подбираясь
ближе к его лицу.

— Ты в этом уверен?

Выражение его лица меняется в
смущении наперевес с удивлением, и
я понимаю, что это первый раз, когда
я попытался показать себя не
жертвой, а кем-то другим. Мой отец
отступает, и я одновременно
пристыжен и обрадован —
пристыжен из-за того, что он и в

самом деле решил, будто я наброшусь на него, и обрадован его пониманием того, что я не какой-то немощный инвалид.

— С девушкой всё нормально?

— его голос тих. Спокоен.

— Да, она в порядке, — запустив руку в волосы бормочу я, отворачиваясь к столу. — Наверное, ей даже помощь моя была не так уж нужна.

— Неправда.

Мы с отцом поворачиваемся к Оливии, наблюдающей за нами у

дверей. Мы оба опускаем взгляд на поднос в её руках, и я мысленно издаю стон. Её волосы мокрые, а одежда подобрана небрежно. На подносе две тарелки, два стакана с соком, и, Господи... это что, чаша с фруктами? Ненавижу фрукты. Сбалансированная пища, принесённая профессиональным персоналом, выглядит вовсе не так. Это же походит на уютный завтрак для двоих.

Чёрт.

— Мисс Миддлтон, — говорит

отец, награждая её своей самой лучшей рабочей улыбкой. — Рад, наконец, встретиться с вами лично.

— Мистер Лэнгдон, — спокойно отвечает она.

Папа движется к ней, уже протянув к подносу руки.

— Линди сказала мне, что на эти выходные обязанности по кухне ты взяла на себя. Спасибо, мы очень это ценим.

— Никаких проблем.

— Что ж, — произносит папа, опуская взгляд на поднос, — мне

ужасно не хочется взваливать это на тебя, но мой врач в последнее время озабочен уровнем моего холестерина. Есть шанс, что у меня получится уговорить тебя приготовить мне такую же тарелку, но только с белками?

Грёбаное дерьмо. Он хочет, чтобы Оливия готовила для него?

Я замечаю разразившуюся на её лице войну смущения и облегчения из-за сложившегося недоразумения.

— Ой! Простите. Да, разумеется, — отвечает она. — Сыр

вас устроит?

— Чересчур, — подмигивая, отзывается папа.

Подмигивая? Чёрт возьми, *подмигивая?* Я надавливаю пальцами на веки. *Господи.* Мой отец флиртует с моей...

«Она твоя сиделка, — ВОПИТ МНЕ МОЗГ. — Твой отец нанял её, чтобы она подружилась с тобой, потому что считал, будто ты собираешься или перерезать себе вены, или отмолотить ребёнка, или утопиться».

Оливия ретируется из комнаты, не глядя на меня.

Чёрт тебя дери. Я довольно давно не общался с девушками, но этот взгляд узнаю всегда. Она проделывает ту странную девчачью штуку: переходит в «режим выключения», чтобы переосмыслить всю ситуацию.

— Она даже красивее, чем на фотографии, — произносит папа, обращаясь скорее к самому себе.

— Значит, ты знал, как она выглядит, когда нанимал её? —

спрашиваю я, подведённый собственным любопытством.

— А как она выглядит? — невинно отзывается он.

Я бросаю на него мрачный взгляд, и, клянусь, он сдерживает улыбку. По крайней мере, теперь я знаю, что непохожесть Оливии на прошлых серых и непривлекательных сиделок не совпадение. Отец хотел напомнить мне, что я мужчина, у которого есть потребности.

«Хорошо сыграно, дорогой папочка».

— Чего ты хочешь? —
требовательно спрашиваю я. — Мне
следует остаться здесь затворником,
чтобы не позорить тебя, или
вернуться в мир, притворившись,
будто не похож на уроды? Ты должен
простить моё неумение распознавать
твои смешанные сигналы.

Он тяжело вздыхает и отходит к
окну.

— Я не стесняюсь тебя, Пол.
Просто не хочу, чтобы *ты* оказался в
щекотливой ситуации. Драка с
кучкой здоровых, крепких ребят не

пойдёт на пользу твоему
выздоровлению.

Крепких. Ко мне это не
относится.

Внезапно в голове всплывает
насмешка, деликатно брошенная
Оливией. *«Ты пробовал бегать?
Хотя бы несколько шагов?»* У неё
были ожидания. Лучше, чем у моего
отца. Или даже у Линди с Миком.
Оливия, хоть и требует от меня
большего, чем я сам от себя требую.
Не знаю, может, то, что она знает
меня всего месяц, служит причиной

её полной невежественности по части моих возможностей, а может, всё дело в свежей точке зрения — она заметила потенциал, который не видит никто другой. И если тут всё-таки последнее: что случится, когда я разочарую её?

— Так ты для этого приехал? — спрашиваю у отца. — Чтобы посоветовать мне не позориться со своим уродливым лицом перед какими-то отмороженными юнцами?

— Я приехал проверить, в порядке ли ты.

Я вытаскиваю сотовый из кармана и машу им.

— Телефоны для того и созданы. И ещё, разве не для этого ты нанял Оливию? Присматривать за малышом, кормить его супчиком и подтирать зад?

— Я нанял Оливию, чтобы она вернула тебя обратно в мир, — рывкает он. — Но, насколько я вижу, она никак не смягчила твой нрав.

— Для этого потребуется нечто большее, чем красивые сиськи и отличная задница.

— Не будь таким грубым.

— Окей. Я знаю, как стрелять из любой пушки, существующей на планете, я видел, как прямо передо мной подрываются люди, а ты говоришь мне, что нанял девчонку, чтобы посмотреть, стоит ли ещё у твоего сына? Конечно, давай не будем грубыми. Мне принести нам, вашу мать, чая?

— Я никогда не говорил, что нанял Оливию по этой причине, — но вид у него виноватый.

— Ну, явно не из-за её

способностей. С тем же успехом ты мог купить мне щенка или проститутку.

Повисает тишина, и до меня доходит, что глаза отца направлены не на меня.

Сердце обрывается в груди за мгновение до того, как его губы сочувственно поджимаются. Это как одна из тех убогих сцен из фильмов. Ну знаете, когда какой-нибудь мудака говорит что-нибудь ужасное о девушке, стоящей за его спиной?

Мой подбородок опускается,

побеждённо упираясь в грудь. Я не могу повернуться. Не могу заставить себя взглянуть на неё. Но тихий возглас боли, изданный ею, всё равно раздирает меня на части.

— Я приготовила ваш омлет, Мистер Лэнгдон, — её голос чуть слышно дрожит. — Оставлю его на столе.

Она приближается к нам и равняется со мной плечами, опуская поднос, но никто из нас не смотрит друг на друга. Я удерживаю взгляд прикованным к трости, а она

смотрит исключительно на моего отца.

— Что-нибудь ещё? — спрашивает она уже твёрже.

— Нет, всё хорошо, — спокойно отвечает папа. — Почему бы тебе не взять отгул, Оливия? О Поле я и сам позабочусь.

На кончике языка так и вертятся слова о том, что я не нуждаюсь ни в чьей помощи. Но мне хочется, чтобы об этом ему сказала Оливия. Мне хочется, чтобы она сказала ему, что находится рядом со

мной, потому что хочет, а не из-за денег. Мне хочется, чтобы она рассказала ему правду о завтраке и о прошлой ночи.

Разумеется, она ничего не говорит. И могу ли я вообще удивляться, после всех этих слов, что она услышала? *«Ты с тем же успехом мог купить мне щенка или проститутку».*

И как-бы по-мудацки это не было, всё-таки... я был не так уж и далёк от истины. Вся эта её доброта, то, как она изображала из себя

товарища по тренировкам, уютное время за книгами у камина, даже поцелуи — разве все эти моменты не ради *меня*? Всем в этой комнате ясно, что я в ней нуждаюсь гораздо больше, чем она во мне.

Рискованно бросаю на неё косой взгляд. Облегчение, отразившееся на её лице от предложения взять отгул, ни с чем не спутать.

— Спасибо. Я была бы рада.

И вдруг, всего на секунду, я проникаюсь ненавистью к ней. К

ним обоим.

— Насладись своим выходным,
— говорю я, бесцельно постукивая
себя тростью по ноге. Она переводит
на меня взгляд, и я решаюсь на
убийство. — Знаешь, раз уж у тебя
есть немного времени на себя, может,
стоит наверстать упущенное в
светской жизни, которую ты
оставила в Нью-Йорке? Позвонить
старым друзьям. Чем там занимается
Итан? Могу поспорить, ему не
помешала бы небольшая доза твоей
ласки и заботы.

Я жалею о сказанном, едва слова вылетают из моего рта. Пусть я и не знаю, что за чертовщина случилась между ней и Итаном, мне всё равно известно, что эта тема болезненна, и я очень даже сознательно посыпал солью ту рану.

За последние несколько лет я привык быть подлым, но сейчас явно пересёк границу жестокости. Я заслуживаю пощёчины, однако вспышка яростной боли в её глазах намного хуже. Она выскакивает за дверь, прежде чем я успеваю

извиниться.

Всё вдруг взрывается болью.
Нога, нос, голова. Сердце.

— Что это было? —
спрашивает отец, похоже, нервничая.
Интересно, начинает ли он
понимать, что его коварный план по
«исправлению» меня с помощью
светловолосой принцессы способен
принести больше вреда, чем пользы?

— Ничего, — бормочу я. *Всего
лишь я, ведущий себя как чудовище —
ничего необычного.*

После обеда отец уезжает. Не

понимаю, зачем он вообще потрудился приехать. Перелёт из Бостона в Портленд занимает больше времени, чем отправка его унылого ханжеского сообщения, которое, по его мнению, мне в данный момент необходимо.

Я как-то бестолково соглашаюсь с тем, что «подумаю дважды» перед тем как отправляться во Френчи в моём «состоянии». Не утруждаю себя объяснениями ему, что этот поход в бар после стольких лет одиночества — мой самый

человечный поступок за очень долгое время. И, конечно, не говорю ему о своей озабоченности тем, что это никак не связано с самим баром и девушкой, ждущей в нём.

Я не сталкиваюсь с Оливией до конца дня. Оставляю дверь приоткрытой, чтобы знать, когда она выйдет, но, насколько я понимаю, она так и не покидает своей комнаты.

Отец присылает сообщение из аэропорта. *«Не забудь, что я дал Оливии выходной. На ужин ты*

предоставлен самому себе».

Я недоволюно фыркаю. Почему всем вокруг кажется, что я, некогда пригодный для защиты страны, не в состоянии сейчас даже сварганить сэндвич?

Задумываюсь о том, чтобы рассказать Оливии об Аманде и Лили. Подумываю рассказать ей обо всём: о войне, о том, как Алекс умер из-за меня, как его жена и дочь остались совсем одни... Но, если я расскажу ей сейчас, это будет походить на оправдание. На просьбу

пожалеть.

Никто не знает о ежемесячных чеках, отправляемым Скиннерам. Мне не хочется никого вводить в заблуждение. Не хочу, чтобы Оливия считала меня героем. Её настигнет разочарование.

Я не силён в готовке, однако делаю сэндвич и открываю банку с супом. Впервые с тех пор как Оливия приехала в Мэн, я ужинаю в уединении — унылое, одинокое занятие за кухонной стойкой.

После, помыв посуду, я

наливаю в тарелку оставшийся суп и делаю ещё один сэндвич. Индейка, никакого майонеза, много сыра — всё как любит Оливия, — и бутылка воды.

Жалкое предложение мира. Но я всё равно отношу сэндвич наверх. Закрытая дверь не беспокоит меня.

Но звук тихих всхлипываний почти убивает.

Глава двадцать первая

Оливия

Мы с Полом не говорим о том, что случилось.

С визита его отца прошло почти две недели. Две недели с тех пор как он потерял контроль над своим внутренним тираном, а моя убогость, скрывающаяся глубоко в недрах моей личности, пала его жертвой.

Всё стало странным. Знаю, ему кажется, что я злюсь на него. После стольких лет отношений с Итаном я

научилась распознавать знаки. Он говорит с осторожностью, будто ждёт, что я взорвусь и вызову его на разговор о давнопрошедшем.

Но, несмотря на то, что сигналы, выдаваемые Полом, присущи всем парням, наша ситуация отличается от моих размолвок с Итаном — например, когда он разговаривал с какой-нибудь суперкокетливой сисястой девушкой на двадцать минут дольше положенного или когда опаздывал забирать меня, потому что они с

Майклом заигрывались в «Call of Duty» (не один раз). Итан всегда был готов к бою. Мы оба знали, что грядёт мини-взрыв, и заручались боксёрскими перчатками.

А Пол... его настороженность отдаёт затравленностью. Словно он не просто ждёт, что я взбешусь и швырну свои щипцы для завивки ресниц в порыве праведного женского гнева. Нет, он готовился к чему-то другому.

Будто ждёт, что я *уюду*.

Мы оба как можем

притворяемся, что того дня никогда не было. Делаем вид, что он не умалял моего присутствия перед своим отцом, будто он не отпускал недвусмысленных слов о том, что я всего лишь симпатичная задница, не значащая для него ровным счётом ничего. Я притворяюсь, что мне всё равно. Он притворяется, что ему всё равно.

Как я уже сказала, всё странно. Напряжённо. *Кошмарно.*

Задумавшись, я споласкиваю обеденные тарелки и убираю их в

посудомоечную машину.

— Хочешь поговорить?

Испугавшись, я чуть не роняю стакан с водой.

— Линди! Прости, не знала, что здесь кто-то есть.

Пожилая женщина фыркает.

— Наверное, потому что ты избегаешь меня. И Мика.

Я не отрицаю.

— Это значит «нет» на предложение поговорить? — интересуется она.

Я пожимаю плечами. Мы

МОЛЧИМ, ПОКА ОНА ПО ДАВНО
УСТОЯВШЕМУСЯ АЛГОРИТМУ НАСТРАИВАЕТ
МИКСЕР ОТ «KitchenAid» И
ВЫТАСКИВАЕТ САХАР И МУКУ.

— Я в настроении заняться
выпечкой, — произносит она. —
Выбирай.

Дважды меня спрашивать не
приходится.

— Шоколадную стружку?

Линди закатывает глаза, но
улыбается.

— Скучно и просто. Раньше,
когда я давала выбирать Мистеру

Полу, это всегда был какой-нибудь сложный пирог или торт с тремя разными начинками.

— Правда? — удивляюсь я, пытаюсь представить парня, который, кажется, живёт на сэндвичах и виски, предпочитающим замысловатые сладости.

— Да, но так было до того, как он уехал, — говорит она, а её улыбка постепенно угасает. — Вряд ли сейчас он вообще заметит, что я испекла для него торт.

Она выглядит такой

расстроенной. Так хочется приободрить её, но мне нечего сказать ей, кроме как «*он паршивец*».

Я занимаю привычное место у стойки, и мы остаёмся сидеть в молчании ещё несколько минут. Линди не сверяется с рецептом во время готовки. Процесс измерения муки, сахара и соли для неё кажется таким же естественным, как для нас чистка зубов.

— Эй, я же так и не спросила,
— говорю я, вырисовывая пальцем дорожку по рассыпанной муке. —

Как прошёл ваш с Миком отдых?

Она вскидывает брови.

— Решила спросить спустя две недели?

Попалась.

— Прости. Кажется, я была немного зациклена на своих проблемах.

— Бывает, — отвечает она, спуская меня с крючка. — Отдых получился хорошим. Очень хорошим.

На этот раз брови вскидываю я, но уже из-за интонаций в её голосе. Я слегка наклоняюсь — теперь моя

очередь спросить:

— Хочешь поговорить? —

после чего прыскаю от смеха, потому что Линди заливается румянцем.

— Вот, значит, как, — говорю я.

— Как?

— Никаких отдельных комнат, я правильно понимаю?

— Мне тоже можно спросить тебя про личную жизнь? — чопорно парирует она. Мило. Вот и обмен ролями.

— У меня нет личной жизни, — здоровой, во всяком случае.

— Нет?

Я прищуриваю глаза.

— Нисколечко.

У меня воображение
разыгралось, или она выглядит
разочарованной?

Любопытство берёт надо мной
верх.

— Линди, ты ещё до моего
приезда узнала, что я моложе других
сиделок?

— Хочешь спросить, знала ли я,
что ты моложе и красивее? — она
качает головой. — Нет. Мистер

Лэнгдон хороший, честный босс, но не особо разговорчивый, и его нельзя отнести к доверчивым людям. Мы с Миком не получаем информации больше требуемого. Только имя, дату прибытия и так далее.

Киваю. Это я уже поняла. Мы замолкаем, когда Линди добавляет в тесто яйца, но затем, оставив миксер заниматься своим делом, она перемещает свой изучающий взгляд на меня.

— Что произошло во время нашего отъезда? Мика потрясло, что

Мистер Лэнгдон добрался из аэропорта самостоятельно, тем более тот никогда не приезжал без предупреждения...

Она недоговаривает, оставляя мне заполнить пробелы. Я принимаюсь теревить серёжку.

— Вряд ли я имею право рассказывать эту историю.

— Ах, — отзывается она. — Значит, история *есть*.

А разве так не всегда?

Линди открывает пакетик с шоколадной стружкой и удивляет

меня тем, что засыпает в рот несколько пригоршней, задумчиво пережёвывая, прежде чем предложить пачку мне. Я беру несколько, съедая одну за другой, пока мы пристально изучаем друг друга.

— Я расскажу, если и ты расскажешь, — выговариваю в спешке.

Скорость её пережёвывания замедляется.

— Что, по-твоему, я знаю?

— Что случилось с Полом. То

есть, что *на самом деле* происходило с ним, пока он был там. Я не идиотка. Его нога не в *таком* уж бедственном состоянии, а шрамы не губительны. Всех сиделок, включая меня, привезли сюда не для того, чтобы ему оказывали физический уход. Ущерб нанесён здесь, — я касаюсь виска.

— Знаю. И в обмен на что я дам тебе эту информацию?

— На то, зачем Гарри Лэнгдон заявился сюда на огонёк в ту субботу. И почему мы с Полом с тех пор в

натянутых отношениях.

Линди бросает на меня взгляд.

— Признаюсь, мне любопытно, почему вы с Мистером Полом растеряли ту слабую дружбу, что только-только начали выстраивать, но это с трудом можно назвать честной сделкой.

Тут она права. Барная драка Пола едва ли дотягивает до произошедшего с ним в Афганистане.

— Попытка не пытка, — наградив застенчивой улыбкой, отзываюсь я, выхватывая пальцем

готовящееся тесто. Но затем всё равно приступаю к рассказу.

Я говорю ей о том, как наивно полагала, будто для Пола будет хорошо выбраться из дома и встретиться с другими реальными людьми, в особенности с Кали. Рассказываю о придурках из бара, о драке и оскорблениях. Понятное дело, опускаю часть с поцелуем. Потом делюсь тем, как вошла и услышала ругань Гарри на сына за его появление на публике и за то, что он выставил себя на посмешище.

На этом месте намереваюсь закончить, но вдруг слышу собственный голос, повторяющий слова Пола: *«Ты с тем же успехом мог купить мне щенка или проститутку»*.

А после, потому что я вообще не знаю, когда вовремя заткнуться, припоминаю и то, что он бросил мне в лицо об Итане.

Её лоб морщится в замешательстве.

— Кто такой Итан?

— Мой бывший парень.

— Ох, — выдаёт она непонятым для меня тоном.

— Видимо, эти три слова тебе дали много информации, — говорю я.

— Я была замужем — дважды, и развелась — тоже дважды. Тема бывших мне хорошо знакома. Я так понимаю, конец был не слишком хорошим?

— Ну, скажу просто: я его ещё не пережила.

Линди удивляет меня смехом.

— Что? — мой тон немного

уязвлённый.

— Именно это его и беспокоит.

— Что и кого беспокоит?

Линди перестаёт опускать шарики теста на противень.

— Пола беспокоит то, что ты ещё не пришла в норму после разрыва. Его тревожит, что ты всё ещё зациклена на этом Итане.

— Я не говорила, что зациклена на нём. Но даже будь всё так, это не может беспокоить Пола.

— Угу, — отвечает она, слизывая тесто с пальца. — Даже не

вздумай изображать из себя дуру. Ты понимаешь, о чём я.

О Боже. Она *знает*.

— Так ты, эм, знаешь, что всё было не совсем профессионально?

— Имеешь в виду, достаточно ли долго я прожила, чтобы понимать, когда двое молодых привлекательных людей источают искр столько, что можно спалить весь дом? Да, достаточно.

— Круто, — мямлю я. — Думаешь, Мик в курсе?

— Конечно.

Дерьмо.

— А Мистер Лэнгдон?

— Скорее всего.

Дерьмо вдвойне.

— Что ж, — произношу я, отталкиваясь от тумбы, — хорошо поговорили. Пойду утоплюсь.

Донельзя довольная собой, она шевелит пальцами, нахально махая мне рукой на прощание.

— Печенье будет готово к трём.

Ах, и Оливия?

— Да?

— Я рассказала бы тебе. О

Поле. Если бы сама знала.

Через секунду до моего мозга доходит.

— Ты про Афганистан?

Она кивает.

— Мне, естественно, известно о последствиях. Нога. Шрамы. Кошмары по ночам. Но о том, что случилось на самом деле, я не знаю. И не знаю того, кто в курсе.

М-да.

— Что он отвечает, когда люди спрашивают?

Она кидает на меня

позабавленный взгляд.

— Они не спрашивают.

Я замираю в дверях, когда до меня доходит смысл.

— Никто? Никто не спрашивал?

— Ну, уверена, многие люди спрашивали сразу после случившегося, но он был слишком не в себе, чтобы об этом говорить. Последний год (или около того), кажется, мы только и делали, что давали ему пространство.

Я прикусываю щёку с

внутренней стороны, раздумывая. Что если всё дело в излишнем пространстве? Может, для исцеления изнутри ему как раз и нужно окружить себя людьми?

В последнее время я избегала его, потому что нуждалась в дистанции. Но сейчас самое время вспомнить о том, зачем я здесь. А здесь я в первую очередь для того, чтобы исправить Пола.

И что бы он ни думал, необходимо ему не расстояние.

От разворачивающихся

перспектив у меня почти кружится
голова. *Готовься, Пол Лэнгдон.*
Скоро для тебя всё станет по-
настоящему сложным.

Глава двадцать вторая

Пол

Официально: я не понимаю женщин.

Оливия должна злиться на меня. И несколько часов назад, клянусь, так и было. Но сейчас она ведёт себя иначе, и мне это совсем не нравится. Я не доверяю прощению, которого не заслужил.

Самое забавное — я никогда раньше не вёл себя с девушками так беспардонно. Не стану корчить из

себя телепата или типа того, но я знаю, что «отлично» совершенно не подразумевает этого под собой, а если ты спросишь девушку о том, можно ли тебе вместо вашего свидания сходить с друзьями на игру «Ред Сокс», она, скорее всего, ответит «иди», что значит «ТЫ ПОКОЙНИК».

У меня было несколько отношений. И только одни серьёзные. Достаточно серьёзные, чтобы они продолжились на расстоянии, когда я отправился в

Афганистан. После моего возвращения медсестра сказала мне, что Эшли приходила повидаться.

Как-то раз.

Честно говоря, я не виню её за то, что она не стала торчать рядом после того, как увидела моё изуродованное лицо. Мои шрамы уродливы и сейчас, но тогда, когда они ещё были свежи, я выглядел просто чудовищно.

Отец как-то обмолвился, что Эшли вышла замуж за сына одного из его вице-президентов и родила

близнецов. Не знаю, пытался ли он побудить меня таким образом действовать или ещё что, но правда в том, что я ничего не почувствовал, когда он рассказал мне об этом.

Суть: я и раньше знал девушек. Но штука в том, что с Оливией совсем другая история.

Она обращалась со мной как с тикающей бомбой, но в какой-то момент её поведение ушло в сторону большего, кхм, дружелюбия. Не то чтобы раньше оно сочилось враждебностью. Две недели назад я

практически обозвал Оливию бесполезной шлюхой, а потом бросил ей в лицо её же бывшего парня и оставил рыдать в одиночестве на всю ночь (за мудачество выдают медали? Я заслужил одну), тем не менее, она не попыталась устроить игру в молчанку, и за это я начал уважать её ещё больше.

Но пусть она и вела себя совершенно цивильно, всё изменилось. Беседы стали короткими. Она больше не касалась

меня, даже случайно. Чаще всего избегала продолжительного зрительного контакта и предпочитала «читать в одиночестве» во второй половине дня, потому что так могла сконцентрироваться.

Я должен быть в восторге. Дистанция между нами увеличилась без какого-либо труда. И это, по идее, должно быть наградой, однако больше походит на наказание.

Я скучаю по ней.

Но нельзя сказать, что в моей

голове не звенят тревожные
звоночки. Ведь без всякого
предупреждения вернулась старая
Оливия. И я чувствую себя до жути
некомфортно.

Её длинные тонкие пальцы
взмывают перед моим лицом и
трижды щёлкают, поторапливая
меня.

— Эй. Лэнгдон. Даже *младенец*
может сделать больше приседаний.
Сосредоточься.

Понимаете, о чём я? Старая
Оливия. Её нахальная версия,

которая не обращается со мной как с инвалидом. Мы в тренажёрном зале, она поглощена своей неистово любимой ролью персонального тренера — до чёртиков милой и бесящей одновременно.

Её волосы стянуты в высокий, задорный хвост, немного наводящий мои мысли на чирлидинг, и одета она в фиолетовый, а не привычно розовый. За исключением обуви. Кроссовки всё-таки розовые. Она настаивает на том, чтобы носить старые розовые, когда не бегают,

потому что у неё есть лимит на то, сколько дней в неделю она готова выглядеть как, цитирую, «хренов бомж».

Впрочем, её манера одеваться на самом деле не важна. Потому что я делаю всё, что она пожелает.

Я приседаю.

С *весом*. Не особо тяжёлым, и даже близко не таким, какой я умудрялся поднимать до засады. Но я никогда и представить себе не мог, что буду способен на твёрдые повторяющиеся движения вверх-

вниз, ни в каком виде. Нога даже не болит. Почти.

Я прикладываю последние силы и заканчиваю подход, как раз когда Оливия поднимает взгляд.

Она усмехается, доказывая, что усилия были не напрасны.

— Как ты?

— Дерьмово, — отвечаю я, всеми силами противясь её хорошему настроению.

Она подступает ближе. Я делаю шаг назад, но тренажёр не даёт мне пространства для манёвра.

Маленькая проказница загнала меня в угол. Прижала близко и основательно. Другими словами — мука.

— Врунишка, — говорит она. — Тебе хорошо, и ты это знаешь.

Господи. Она говорит об упражнениях или своей близости? Потому что если одно ощущается отлично, то другое похоже на сладостно-горькую агонию.

Её глаза на мгновение скользят к моим губам, прежде чем она отступает назад.

Я прищуриваюсь. Она что-то задумала.

— Значит, мне и думать не стоит о том, чтобы уговорить тебя позаниматься со мной йогой? — интересуется она, поведя плечами, будто желая сбросить с них вес.

— Нет, чёрт возьми, — бормочу я. — Не имею ничего против йоги, вот только *наблюдать*, как ты занимаешься ею, гораздо лучше, чем практиковаться самому.

Её глаза темнеют, а я расплываюсь в довольной улыбке. В

эту игру могут играть двое.

Но к тому времени, как она разворачивает коврик для йоги — розовый — и начинает с теперь уже хорошо знакомых поз, становится очевидно, что победа за ней. Наблюдать, как Оливия, занимается йогой, конечно, занимательно, но ещё и адски мучительно. Всё дело в моём воображении, или она действительно задерживается в этой позиции собаки мордой вниз чуточку дольше необходимого? И я практически уверен, что не помню

из прошлых тренировок позицию, где её спина выгибалась бы *именно* так.

Эти чёртовы узкие штаны для йоги, которые девчонки любят носить, и так довольно соблазнительные, даже вне занятий. Но когда её попка, вся такая упругая и аппетитная, висит в воздухе?

Дерьмо. К тому моменту, как она складывается в нечто, держащееся на хватке за лодыжки, я успеваю вспотеть до чёртиков.

Есть ли в йоге позиция, которая предусматривает отсутствие одежды

и Оливию подо мной с убранными за голову руками? Потому что в таком случае я бы мог пересмотреть её предложение. Несмотря на все мои попытки притвориться, будто регулирую утяжелители у одного из тренажёров, к концу её тренировки я становлюсь гордым обладателем стояка. Она старательно игнорирует меня. Как и я её, когда ухожу вновь заполнить бутылку водой.

Она убирает коврик под мышку, и мы идём к двери вместе.

— Итак... — начинает она

легко и мило. Чересчур мило. Я тут же настораживаюсь, придерживая для неё дверь. Вот оно, на подходе. То, что она припасла, наконец-то откроется.

— Тебя в последнее время мучают кошмары? — осведомляется она.

Я напрягаюсь ещё сильнее.

— Нет.

Ложь, и она это знает. Её губы слегка поджимаются от разочарования, которому я не особо доверяю, но, чёрт возьми, чего она

ждала? Думала, что стоит ей покрутить рядом задом и заставить меня заняться спортом, как я тут же изолью ей весь «Дорогой дневник»?

Она незамедлительно принимает прежний вид.

— Ладно. Следующий вопрос. Почему ты упомянул Итана, когда твой отец был здесь?

Я почти давлюсь водой. Кстати, о смене темы...

— Потому что я засранец, — говорю ей, мельком глянув на её профиль.

— Ну, наконец, честное признание, — замечает она, пока мы движемся к дому.

Она, наверное, ждёт извинений, но я не в настроении.

Оливия больше ни о чём не спрашивает, но я по-прежнему напряжён, уверенный, что упускаю что-то. Два никак не связанных между собой вопроса, заданных в лоб, и никакого подталкивания к настоящему правдивому ответу? Это всё совершенно не в духе женщин — не в духе *Оливии*. Какого чёрта она

задумала на этот раз?

Оказавшись в главном доме, она без промедления начинает подниматься по лестнице. Всё ещё погруженный в мысли, я следую за ней, по-прежнему оценивая глазами её задницу, потому что, ну, сами понимаете, всему виной штаны для йоги. Мой отец точно знал, что делает, отправляя сюда для моего «выздоровления» молодую девушку.

Оливия резко разворачивается, ловя меня с поличным, но мне, честно говоря, наплевать. Она делает

шаг навстречу мне, поэтому я поднимаю взгляд к ней и, готовясь, вопросительно вскидываю брови.

Вот он. Её козырь.

— Эй, я кое-что сейчас поняла,
— говорит она.

Я закатываю глаза. *Уверен, так и есть.*

— Ну?

Её глаза сияют триумфом.

— Твоя трость. Ты оставил её в тренажёрном зале.

Её небрежное наблюдение вынуждает меня сделать целый шаг

назад. Она права. Что. За.
Чертовщина.

Я ещё долго стою на месте после того, как она взлетает вверх по ступеням. Неспособный двигаться. Почти не в силах дышать.

Она права. Я прошёл весь путь не просто без трости, даже не *осознавая*, что у меня её нет.

Эта мысль должна поднять мне настроение, но я не могу избавиться от дурного предчувствия. Куда ни посмотри, мои стены рушатся, а эта чёртова девушка продолжает

привносить в мою жизнь то, опаснее
чего на свете нет.

Надежду.

Глава двадцать третья

Оливия

На каком-то подсознательном уровне я, наверное, готовлюсь к его кошмарам. Моя спальня находится на одном этаже с комнатой Пола, но не совсем по соседству, поэтому вряд ли я услышу крики, не прислушиваясь.

Но я слышу их.

Как и прошлые две ночи, но между нами всё было так странно, что мне казалось, будто моё присутствие — последнее, что

принесёт ему комфорт.

Но сегодня инстинкт ведёт меня в другом направлении. Он ведёт меня *навстречу* Полу.

Мои ноги оказываются на полу с первым же его криком. Зная, что он спит практически обнажённым, на этот раз я хватаю халат и накидываю его поверх боксёров и топа, завязывая пояс на узел, выйдя в коридор.

Я колеблюсь у его дверей, разрываясь между желанием дать ему личное пространство и подарить успокоение. Видит Бог, последний

раз, когда я ворвалась туда посреди ночи, ничем хорошим для моей гордости это не закончилось.

До меня доносится низкий стон.

Затем:

— Алекс. Алекс, нет...

К чёрту. Я нужна ему.

Простыни сбились вокруг его торса, и света достаточно, чтобы заметить отсутствие футболки. Ой-ой-ой.

Глубоко вдыхаю и иду к кровати. Одна его рука лежит над

головой, другая прижимается к боку, скребя пальцами кровать.

Замедлившись, я тянусь к его ладони и беру её в руку, присаживаясь на кровать. Чувствую себя немного глупо. Всё это очень в духе Флоренс Найтингейл, но потребность утешить почти непреодолима.

Он издаёт ещё один стон.

Может, мне его разбудить? В прошлый раз я так и сделала, а ему снесло крышу. Но оставить его в аду сна, в котором его держит

собственный разум, кажется жестоким.

— Пол.

Он дёргается.

— Пол, — на этот раз громче.

Он не двигается, однако его тело по-прежнему напряжено.

Аккуратно опускаю ладонь на его плечо, силясь утихомирить волны тока, проходящие сквозь меня при контакте кожа к коже. *Это всего лишь плечо, Оливия.*

— Проснись, — тихо прошу я.

Он перестаёт кричать, хотя

дыхание его прерывистое и хриплое.

— Пол! — теперь трясу.

Его глаза распахиваются, но лежит он совершенно неподвижно.

Я тоже не шевелюсь, давая ему сориентироваться. Жду пока напряжение ослабнет и его дыхание успокоится, но вдруг воздух наэлектризовывается, когда он осознаёт моё присутствие.

Его глаза встречаются с моими, и атмосфера перетекает из напряжённой в опьяняющую.

— Лучше бы это было частью

моего сна, — говорит он хрипло.

Я качаю головой, боясь, что если заговорю, то разрушу момент. Что он потеряет контроль, как в тот раз, приложившись к алкоголю, будто сумасшедший, и раздавая поцелуи с таким натиском, словно они несут собой наказание.

Если он поцелует меня сегодня, я не хочу, чтобы целью этого было оттолкнуть меня. Мне хочется, чтобы его поцелуй означал желание сблизиться.

Не знаю, кто начинает

двигаться первым. В один момент я прикладываю все усилия, чтобы не пялиться на его рот, набираясь смелости спросить про сон, а в следующий оказываюсь под ним.

Стоило бы поразиться, но нет. Думаю, я знала, покидая безопасность собственной спальни, что в конце концов, каким бы то ни было образом, попаду сюда — на смятую постель Пола Лэнгдона, когда он сам нависает надо мной.

Он смещает вес на левую руку, используя правую, чтобы прочертить

линию от моего виска вниз к уху. Его палец продолжает своё неспешное движение вниз, скользя по ключице. И замирает, когда добирается до края халата.

— Тебе не следовало приходить, — шепчет он, прослеживая глазами медленные круги, которые вырисовывают его пальцы.

Я с трудом сглатываю.

— Я слышала тебя. Мне показалось... — *будто ты нуждаешься во мне.*

Он качает головой, будто бы отвечая нам обоим, что *ни в ком* не нуждается, но мы-то лучше знаем.

Я лежу, ничего не произнося, думая, осмелюсь ли задать вопрос прямо. После разговора с Линди о том, что никто никогда нормально не спрашивал его в упор о случившемся за рубежом, я понимала, что настанет время, когда мне придётся спросить. Ему *нужно* об этом поговорить — просто он ни разу не получал шанса. Совсем.

Но мне следует двигаться

неторопливо. Всё это так давно зарыто в нём, что излишняя пытливость приведёт лишь к тому, что он оттолкнёт меня. Как в случае с его отцом и всеми остальными, кому он был дорог.

Может быть, сейчас не время.

Потому что сегодня ночью... сегодня ночью по нему не скажешь, что он жаждет этого разговора. И когда он впивается в мои глаза горячим, обжигающим взглядом, я тоже, если честно, не особо к нему рвусь.

Голубые глаза вопрошают о том, чего он не произносит вслух. *Ты хочешь меня?*

Мой ответ также лишён слов.

Но я убеждаюсь, чтобы мои желания были отчётливыми.

Скольжу рукой вокруг его шеи, смакуя ладонью колючесть безжалостно коротко стриженных волос.

Я тяну его голову вниз. Он тут же приходит в движение.

На сей раз поддразниваниям нет места, когда он своими губами

торопливо побуждает меня открыться, проскальзывая внутрь, чтобы заявить права на мой язык. Я издаю слабый стон, закидываю обе руки ему на шею, когда он уже увереннее перекатывается на меня, придавливая к мягкости матраса.

Наши рты движутся лихорадочно, беспокойно — как и мы в стремлении оказаться ближе друг к другу. То ли один из нас, то ли оба, мы сбрасываем перекрученную простынь с пути и одновременно стонем, когда его бёдра внедряются

между моих ног.

Теперь мой халат бесполезен. Он едва прикрывает плечи, а наобум завязанный узел не в силах тягаться с нашими телами, похоже, настроенными оказаться так близко друг к другу, насколько это вообще возможно. Халатик, распахнувшись, падает. Его рука находит мою талию, неспешно лаская через тонкую ткань топа, и от этого становится трудно дышать. Пол проявляет сдержанность, которой я не ожидала, не касаясь в тех местах, где мне это

нужно, только мучая меня томительными поглаживаниями бёдер и поясницы.

Мои же руки неумоимо бродят по его плечам и линиям спины, преклоняясь перед тем, как напрягаются и расслабляются его мышцы в тот момент, как он смещается надо мной.

Когда его палец, наконец, пролезает под футболку на пояснице, я в вожделении выгибаю спину, и его рука сдвигается так, что ладонь придерживает мою небольшую

спину. Его пальцы тёплые, а их простое прикосновение делает что угодно, но только не успокаивает.

— Господи, — бормочет он, скользя ртом вниз по моей шее. — Почему с тобой так хорошо?

Я пытаюсь сказать ему, что мне тоже хорошо с ним — даже *больше*, чем хорошо — но его рот вновь оказывается прижатым к моим губам, и он целует меня долгим дурманящим поцелуем, пока я едва не лишаюсь *мыслей*.

Он сдвигает нижнюю частью

своего тела, и мои глаза
распахиваются, когда до меня
окончательно доходит то, о чём
раньше я могла только смутно
догадываться. Пол Лэнгдон твёрд и
готов, и мы ровно в двух очень
тонких слоях одежды от того, чтобы
пересечь чрезвычайно важную черту.

И мне хочется её пересечь. Мне
действительно очень хочется
переспать с Полом, пусть это всё и
неправильно, учитывая тот факт, что
его отец платит мне за пребывание в
этом доме. И я почти уверена,

несмотря на грубые слова Пола, обращённые к отцу тем днём, Гарри Лэнгдон на самом деле не хочет, чтобы я занималась сексом с его сыном.

Но не поэтому мои руки нащупывают его плечи и толкают. Я отталкиваю Пола для его же блага. А не для моего.

— Пол.

— Оливия, — отзывается он благоговеющим шёпотом, скользя губами вдоль скулы. Моё сердце сжимается. Господи, почему я

должна быть такой обломщицей?

— Пол, — мой голос твёрд, когда я упираюсь руками ему в плечи. — Мы должны остановиться.

— Почему? — его язык проходит по моей ключице, и я почти лишаюсь своей решимости.

— Ты знаешь почему, — говорю я.

Он слегка вращает бёдрами, и мы оба стонем.

— Если честно, хоть убей, но у меня не получается придумать, с чего вдруг я захотел бы оказаться где-

нибудь ещё.

*Потому что мне не суждено
быть с кем-то. Не так.* У меня нет
совершенно никакого желания
навредить этой хрупкой душе так же,
как Итану. И в отличие от
последнего, не появится никакая
Стефани, способная излечить сердце
Пола.

Пол слегка приподнимает
голову, и выражение его лица
настолько близко к нежности, что я
вынуждена закрыть глаза, чтобы от
него отгородиться.

Но закрыть глаза тоже было ошибкой, потому что теперь я не могу видеть ничего, кроме лица Итана, когда он входит в мою комнату, как делал это миллион раз до этого. Но в этом своём видении я не одна. На этот раз со мной Майкл. И на этот раз Итан видит не свою идеальную девушку. Он видит предательницу.

О Боже.

— Прекрати! — теперь я вонзаю в Пола ногти. — Остановись!

Он моментально отодвигается.

Тревога мелькает на его лице, и я замечаю, как он тянется за мной.

Я резко принимаю сидячее положение и отскакиваю от него. Сердце ухает, когда я понимаю, как неправильно он истолковал моё поведение.

Его улыбка улетучивается, и её место занимает циничная усмешка. Он думает, я отвергаю его.

— Нет, — произношу я, выбросив руку. На сей раз отодвигается Пол, и на какую-то безумную секунду меня почти

одолевает желание рассмеяться над тем, какую заварушку мы учинили. Две совершенно растоптанные души, кружащие друг подле друга в странном танце под названием «приблизься и отстранись».

— Пол, — говорю я, хватая его за руку, чтобы он встретился со мной глазами. — Что бы ты ни думал, ты ошибаешься.

— Ну, разумеется, — он продолжает держать лицо отвёрнутым, как будто скрывая от меня шрамы.

Чёрт. Вот почему мне нельзя позволять гормонам брать над собой верх. Каждый раз, давая слабину, я причиняю больше вреда, чем пользы.

— Это из-за меня, ясно? — выговариваю я, отпуская его руку и разглаживая собственные спутавшиеся волосы. — Я недоразумение, а не ты.

Он молчит несколько мгновений, исследуя взглядом моё лицо. Я замечаю именно тот момент, когда он понимает, что я говорю правду. В ту же секунду до него

доходит, что не у него одного есть проблемы. Что не ему одному необходимо исцеление.

— Что ж, — начинает он мягким, почти подразнивающим голосом, — это правда. *Ты* то ещё недоразумение. Волосы будто гнездо, а майка, по-моему, надета наизнанку.

Я награждаю его недоверчивым взглядом, а потом оглядываю свою майку. Мне кажется, что всё нормально, но в комнате темно, и я не щупала её руками, как щупал он.

— И тебе не идёт красный, —

поддерживает он, указывая на мой халат. — Придерживайся розового.

Я шокировано смеюсь.

— Серьёзно?

Он пожимает плечами, хотя мне кажется, что я замечаю намёк на улыбку.

Вскидываю брови.

— В следующий раз, когда решу спасти тебя из Кошмарлэнда, обязательно наряжусь в коктейльное платье и сделаю причёску.

Он никак не реагирует на мои слова.

— А знаешь, что не подходит мне?

Мои глаза проходятся по его обнажённому торсу. *Одежда?*

Он подмигивает, будто бы точно зная, о чём я думаю. Щёки заливают румянец.

— Посиневшие яйца. Мне не идут посиневшие яйца, — отвечает он.

Не могу сдержаться. Я тихонько смеюсь.

— Да уж. Прости. Всё, эм...

— Накалилось, — заканчивает

он за меня. — Всё накалилось.

Я встречаюсь с ним глазами.

— Да. Именно так.

— И мы остановились, потому что?..

— Пол...

— Не надо, — со стоном просит он. — Я уже знаю, что ты не собираешься рассказывать мне подлинную историю о том, почему ты испугалась, поэтому просто забудь.

Я делаю глубокий вдох.

— Я расскажу тебе о своих

проблемах, если ты расскажешь мне о своём сне.

Его улыбка сходит на нет.

— Не надо. Не веди себя так, будто наши секреты — это одно и то же или подходят для честной сделки.

Я пропускаю его слова мимо ушей.

— Ты с кем-нибудь вообще об этом разговаривал?

В ответ он падает на спину, а я вздыхаю, узнавая признаки того, что он начинает закрываться.

Но он удивляет меня.

— Нет, — его голос тих. — Я никогда никому не рассказывал.

— Тебе станет лучше, если ты расскажешь.

Он поворачивает голову в мою сторону.

— То есть *мне* станет лучше, если я расскажу о своём дерьме, но ты продолжишь хранить свои проблемы под замком?

Я открываю рот, чтобы ответить, но в его словах есть смысл.

— Мои проблемы свежее, — отвечаю я в конце концов.

Он фыркает.

— Тогда давай посмотрим на это со стороны тех, чьи проблемы пролежали на полке слишком долго. Чем дольше они гниют, тем важнее тебе становится держать крышку закрытой.

Я чувствую маленький прилив наслаждения. Он не совсем открылся, но и напрягается, когда я приближаюсь к щекотливым темам. И хоть мне отчаянно хочется продолжить настаивать, я считаю, что лучше закончить, пока нахожусь

на верном пути. Нужно выманивать его медленно.

Поэтому вместо того, чтобы напустить на него все известные мне приёмы психиатрии, я одариваю его сдержанной улыбкой и начинаю смещаться к краю кровати. Мне необходимо выбраться из этой комнаты до того, как мы напортачим.

Он касается рукой моей коленки, и я застываю, потому что это прикосновение ласковое и умоляющее.

Я вопросительно поднимаю

брови, но он отводит взгляд, отстраняясь, прежде чем успевает сказать всё, что у него на уме. Делаю догадку:

— Не хочешь больше спать? — интересуюсь я, зная, что, спросив у двадцатичетырёхлетнего старика, боится ли он страшных снов, скорее всего, заработаю в ответ средний палец.

Пол не отвечает. Словами. Но когда он встречается со мной глазами, я всё понимаю. *Он не хочет быть один.* Я позволяю ему остаться

при своей мужской гордости, поэтому не заставляю сказать это вслух. Я не могу уйти от него. Не сейчас. Вновь начинаю двигаться, переместившись к изножью кровати, где подхватываю простыни, сбившиеся у его ног.

— Сначала о главном, — я сохраняю голос сухим. — Ты должен знать, что я жуткий обниматор.

— Нет такого слова, — отвечает он.

— Нет, есть. Ещё я дерусь и толкаюсь, — говорю я, постукивая

пальцами ему по коленке, призывая его поднять ногу, чтобы я могла вытащить всё одеяло.

Он едва ощутимо напрягается, и я с запозданием понимаю, что только что сделала. Я потрогала его ногу — его больную ногу. Так увлеклась, пытаюсь не глядеть на его хозяйство, что обо всём позабыла.

Мои глаза устремляются к его лицу, но выражение на нём нечитаемое. Как обычно. Но, по крайней мере, он не сорвался.

Я отдёргиваю руку, но даю

своим глаза вернуться к его ноге. Не знаю, чего я ждала. Прикрытые чужой кожей торчащие в разные стороны кости, или ещё что.

Но она выглядит просто... иначе. Как кожа разной текстуры на одной стороне бедра. Может быть, ему пересаживали кожу?

— Видела бы ты другого парня,
— мягко говорит он.

Я издаю тихий смешок, хотя это и не смешно. Он говорит об этом. И разрешает мне смотреть.

В награду за его маленькие

шажочки, я вновь меняю тему:

— Послушай, солдатик, если ты снова начнёшь вопить во сне, сделка на обнимашки отменяется.

— Не помню, чтобы заключал сделку на обнимашки.

— Заключал, — подтверждаю я. — Своими глазами.

— Девчачий бред, понятно, — отзывается он. Но всё равно поднимает руку, освобождая для меня местечко, куда я ныряю, пока он не передумал.

Что касается нарушения

границ, обнимашки — это почти так же плохо, как и поцелуи с ним, но в мире нет ничего, что могло бы заставить меня покинуть эту постель.

Я колеблюсь всего секунду, прежде чем утыкаюсь головой ему в плечо. Мне не следует касаться его. После случившегося — почти случившегося — мне правда не следует его трогать. Но я, кажется, не могу остановить свою руку от того, чтобы она не скользила по его плечу, а потом вдоль бицепсов. Я начинаю

прослеживать пальцами дорожку вниз по предплечью к запястью, когда он дёргается и напрягается.

Я поднимаю на него удивлённый взгляд, но он по-прежнему смотрит в потолок. Делает долгий, намеренный вдох, и меня озаряет, что он пытается заставить себя расслабиться. Чтобы не разозлиться из-за...

Мои глаза путешествуют к тому месту, где моя ладонь покоится на нижней части его руки.

Отметин не видно. Ничего

похожего на шрамы на лице. Но с его запястьями что-то случилось. Что-то бесчеловечное и жестокое.

Я тяжело сглатываю.

— Хочешь поговорить? — спрашиваю у него.

Его пальцы слегка касаются верхней части моей руки. Не с сексуальным подтекстом. А просто... мило.

— Упаси Господь, — отвечает он тихо.

— Так значит, мы просто лежим? — произношу я, хотя для

меня это звучит по-райски.

— Таков план. Я рассчитываю, что твои дерьмовые навыки по части обнимашек не допустят кошмаров.

Я прижимаюсь ближе.

— Идёт. А взамен ты можешь забрать обратно то, что сказал о моих волосах и пижаме.

Его пальцы играют с кончиками моих прядей.

— Признаю, растрёпанные волосы после постели имеют свою сексуальную привлекательность. Но от слов про майку я не откажусь. Она

уродливая и надета наизнанку.

— Но эй, *это* же майка, — говорю я, — ты, по крайней мере, можешь смотреть на сиськи.

— Смотреть, но не трогать, — ворчит он.

Благодаря моему кокетливому расслабленному настроению на кончике языка повисает «в следующий раз», но я удерживаю себя, прежде чем слова вырываются. И всё же весь ближайший час я думаю лишь о *следующем разе*.

И если его взволнованное

дыхание можно расценивать как
какой-то признак, то и он тоже.

Глава двадцать четвёртая

Пол

Оливия не шутила. Она и впрямь жуткий обниматор.

Первые двадцать минут с момента, как она сворачивается у меня под боком, всё круто. Очень круто. Но потом, минут через пять после того, как её дыхание замедляется, да и я начинаю проваливаться в сон, её рука дёргается, приходясь мне по ярёмной вене рубящим ударом каратэ. Я всё

никак не приду в себя, как вдруг она плюхается на спину, ударяя меня по всё ещё ноющему носу тыльной стороной руки.

К счастью, я успеваю перехватить её колено до того, как оно врежется в мои яйца. С трудом. Она тихонько пыхтит от раздражения, потом раскидывает руки в стороны, как будто постель королевских размеров полностью в её владении.

Конечно же, так и есть.

Меня больше тревожит, что и я

таким становлюсь.

Перекатываюсь на бок лицом к ней, хотя и держу дистанцию с её беспокойными конечностями. Сейчас мне достаточно простой близости к ней. Никогда раньше у меня не было соблазна рассказать кому-нибудь о своих снах. Прижаться к ней головой и просто поговорить. Об Алексее. О том дне. О Боге забытой войне, разрушившей мою жизнь и забравшей жизни многих других. Об афганских мятежниках и их смертоносных ножах. О том, как

мой лучший друг, окровавленный и едва дышащий, спас меня ценой *своей* жизни.

Я вытягиваю руку, укладывая пальцы ей на ладонь, пока она спит, и стараюсь позволить этому простому контакту с другим человеком забрать все плохие воспоминания. По крайней мере пока.

Видимо, это срабатывает, потому что просыпаюсь я почти с рассветом.

По моему лицу расплывается

улыбка, когда я понимаю, что Оливия по-прежнему в моей постели, пусть это и не одна из тех эротических сцен, где парень с девушкой засыпают только для того, чтобы проснуться сплетёнными друг с другом. Нетушки. В нашем случае она, растянувшись во все стороны, оставила мне лишь крохотный кусочек моей же кровати.

Впрочем, оно того стоит, особенно, если брать в расчёт, что какую-то часть ночи наши пальцы были соединены.

Я убираю руку, садясь, и она без промедления занимает освободившееся место. Я расплываюсь в улыбке, и впервые за столь долгое время, эта улыбка лёгкая. Искренняя.

Вытаскиваю тренировочную футболку и тянусь за штанами, коих у меня немало, но потом остаиваюсь. Вместо этого я открываю другой ящик и вынимаю оттуда спортивные шорты.

Есть у меня одна странность в отношении тренировок в шортах. Вне

зависимости от времени года, за исключением разве что особенно холодных бостонских дней, мне нравилось носить шорты. После возвращения из Афганистана, это, как и миллион других деталей «старого меня», бесследно исчезло. Я не мог смотреть на кожу собственной ноги, и тем более не мог видеть реакцию на неё других людей.

Но Оливия увидела моё увечье прошлой ночью. И дотрагивалась. И в этом не было ни капли отвращения,

жалости или нездорового любопытства. Обычное наблюдение по типу *«Ой, так вот как она выглядит»*.

Я делаю глубокий вдох и надеваю шорты. Возможно, настало время дать старому Полу вернуться, пусть и таким ничтожным, несущественным способом.

Я сажусь на край кровати, чтобы завязать шнурки своей теннисной обуви. Оливия переворачивается на бок, сворачиваясь вокруг меня, но не

просыпаясь. На какой-то миг я подумываю разбудить её на утреннюю пробежку. Она разозлится из-за того, что я этого не сделал. Но на самом деле это по моей вине ей не удалось выспаться.

Вдобавок, мне хочется побыть одному, чтобы кое-что сделать. В случае неудачи, как, наверное, и случится, мне не хочется, чтобы этому были свидетели.

Аккуратно разжав её пальцы там, где они схватились за ткань штанов, я выбираюсь из комнаты,

бросив на трость в углу лишь краткий взгляд.

Уже было собираюсь спуститься вниз по лестнице, когда слышу резкий сигнал, доносящийся из комнаты Оливии. Будильник. У меня вызывает улыбку понимание того, что она не от природы жаворонок, как я. Это значит, что она очень даже сознательно устанавливает будильник, дабы наши ежедневные прогулки проходили совместно.

Я вхожу в её спальню. На

прикроватной тумбе сходит с ума телефон, на котором она поставила будильник. Я подхватываю его, проводя пальцем по экрану, чтобы отрубить звонок.

У неё восемь новых сообщений.

Восемь?

Почему-то я позволил себе забыть, что моя собственная отрешённость от мира не обязывает к тому же и её. Разумеется, она поддерживала контакт с друзьями и семьёй.

Я испытываю соблазн прочесть

эти сообщения.

Мне хочется узнать, рассказывает ли она своим друзьям и семье о том, что с ней здесь происходит.

Мне хочется узнать, говорит ли она с кем-нибудь обо мне.

Мне хочется...

«Возьми себя в руки, Лэнгдон».

И тогда, да поможет мне Господь, я снимаю блокировку с её телефона. Не для того чтобы прочесть сообщения, а просто проверить, от кого они.

Глаза выхватывают имена «Белла», «Мама» и «Майкл». Кто такой Майкл? Она никогда не упоминала его. У неё могли быть друзья-мужчины, конечно, но... какого чёрта? Я смирился с тем фактом, что больше не отношусь к хорошим парням. Можно и вести себя соответственно.

Я открываю сообщение, игнорируя укол вины, говорящий мне, что я больной на голову сукин сын.

«Мне не хватает тебя».

Это краткое сообщение говорит само за себя, и ревность, пронзившая от этих слов мои внутренности, столь же чужда, как и нежеланна. Никаких других сообщений, отправленных или пришедших от этого Майкла, я не нахожу, а это значит, что возможны два варианта: либо он впервые за всё время вышел с ней на контакт, либо она удалила предыдущие сообщения. И мне хочется знать почему.

Когда дело касается Оливии, я хочу знать обо всём, но желательно,

чтобы она сама рассказывала, несправедливо выведывать это самому.

Я ненадолго прикрываю глаза, раздумывая над тем, как поступить. Если я хочу, чтобы она доверяла мне, стоит начать с доверия ей. Мне нужно рассказать обо всём.

Я медленно кладу телефон обратно на тумбочку. Если повезёт, с утренней сонливостью она не заметит, что сообщение уже прочитано, но если всё-таки заметит, то я признаюсь. Альтернативный

вариант — удалить сообщение, а это черта, которую даже я не решусь переступить.

Снаружи туманно, и воздух явно морозный. Октябрь, в конце концов. Но на несколько минут я остаюсь стоять совершенно неподвижно, наслаждаясь прохладными порывами вокруг обнажённых ног. Как много прошло времени с тех пор, как я делал нечто столь простое, как, например, ходил в шортах? Очень много.

Чертовски много времени по

всем фронтам моей жизни.

Я иду напрямиком к тропинке, ожидая момента, когда ногу прострелит приступ боли, перечёркивая осуществление моих планов. Но боли нет. Нет ничего, кроме великолепного ощущения морского влажного воздуха на моей повреждённой коже.

Теперь я чуточку ускоряю шаг, всё ещё давая ноге шанс воспротивиться отсутствию поддержки, оказываемой тростью. И хотя чувствуется небольшой

дисбаланс, нельзя сказать, *реальная* это хромота или надуманная.

Одинокий крик чайки пронзает совершенную тишину раннего утра. Я увеличиваю темп.

Капля воды стекает по центру моего лба, и до меня доходит, что туман превратился в дождь.

И тогда шаги переходят в бег.

Я бегу.

Впервые за три года я *бегу*.

Не быстро. Кому-то другому, возможно, покажется, что это какая-то неуклюжая прогулка быстрым

шагом или неудачная пробежка. Но я понимаю всю важность момента. Я бегу.

Теперь дождь идёт быстрее, но мне плевать. Чёрт, да я едва его замечаяю.

Концентрируюсь на том, чтобы ставить одну ногу перед другой, с осторожностью убеждаясь в том, чтобы левая нога с каждым разом ударялась о землю. Я всё ещё чувствую лёгкий дисбаланс. Здоровая нога выполняет работу лучше, а хреновая нога определённо даёт мне

понять, что не привыкла к такому.

Но я бегу. Я, мать вашу, *бегу*.

Конечно, предела я достигаю очень быстро. Пробегаю меньше мили, когда слабая неуклюжесть перерастает в дискомфорт. Однако, это начало. И поэтому мне действительно кажется, будто я способен завоевать мир. Это начало нормальной жизни.

Нога уже никогда не станет прежней — мне всегда будет доставаться парочка пристальных взглядов на пляже, — но впервые за

очень долгое время *нормальность* представляется достижимой.

И я точно знаю, кого за это благодарить.

Я не тороплюсь, возвращаясь назад. Несмотря на ещё больше усилившийся дождь, вымочивший меня до нитки, я остаюсь бодр. Как бы приторно не звучало, это один из тех «как-круто-быть-живым» моментов.

Зайдя в дом, я останавливаюсь у задней двери, чтобы скинуть обувь и промокшие носки. Мне нужно

принять душ, безотлагательно, но для начала — кофе.

Не могу ничего с собой поделать. Я расплываюсь в ухмылке, когда обнаруживаю Оливию, сидящую за кухонным столом с ноутбуком. Она переоделась в длинную фланелевую пижаму с розово-белыми полосками. Её волосы по-прежнему растрёпаны, но выглядит она очаровательно. Линди нигде не видно, а мычание Оливии подсказывает мне, что она надела наушники, как обычно, когда

проверяет электронную почту или рыщет по онлайн-магазинам.

Всё ещё пребывая в абсурдно хорошем настроении, я смещаюсь за её спиной, желая обнять её и попросить дать шанс. Мне. Нам.

Мне столько всего нужно сказать ей. Столько шагов предпринять, столько признаний сделать. Поделиться столькими историями, вычеркнуть столько призраков, и ещё много всего. Я готов.

Моя улыбка соскальзывает с

лица, когда глаза цепляются за её ноутбук. Из-за наушников, она, видимо, не знает, что я стою за её спиной. Если бы знала, то приложила бы усилия, попытавшись скрыть то, что было на экране.

Вся эйфория, струившаяся по моим венам, превращается в ледяную воду сразу же, как я узнаю заголовок статьи, которую она читает. Это старые новости, но до боли знакомые. Сердце застревает где-то в горле.

Оливия тут же ощущает моё

присутствие и, задохнувшись, оборачивается, судорожно захлопывая крышку ноутбука. Она морщит лицо, когда понимает, что уже слишком поздно.

Я отступаю, не в силах остановить образы, вызванные словами в том болезненно преуменьшённом заголовке: *«Солдат из Вестона — единственный выживший в душераздирающей трагедии в Афганистане»*.

— Пол, — она вытягивает руку, а в выражении её лица смешивается

сожаление и ужас.

— Я собирался рассказать тебе.
Я собирался обо всём тебе
рассказать, — у меня охрип голос.

Она морщится.

— Я *знаю*. Я просто...

— Ты просто что? — глумлюсь
я. — Захотела узнать, кого обнимала
прошлой ночью? Захотела узнать кто
— нет, *что* почти трахнуло тебя?

— Прекрати, — её голос твёрд,
а руки опущены. — Я просто
подумала... Что ты никогда не
захочешь рассказать мне об этом, и...

— Ты никогда не спрашивала!
— взрываюсь я. — Никто никогда не спрашивает! Конечно, ты ходила на цыпочках вокруг да около. Хочешь поговорить о своих снах, Пол? Хочешь обсудить что-нибудь ещё? Все задают какие-то вопросы, начиная с обеспокоенной медсестры и заканчивая бедной жертвой, но никто не встречается со мной взглядами за ужином и не задаёт мне вопрос, как человек человека: «Что там случилось?». Думаешь, мне *хочется* держать это в себе? Не

хочется. Я *хочу* рассказать кому-нибудь. Я хотел рассказать тебе. Но не тогда, когда ты смотрела на меня, как на пострадавшего ребёнка.

Её глаза застилают слёзы.

— Право рассказывать принадлежало *мне*, Оливия. Это моя история.

— Тогда расскажи мне.

Я *тыкаю* пальцем в направлении ноутбука.

— Нет. Удовлетвори себя разбавленной полуправдой.

— *Пол.*

На этот раз, когда она приближается, обе её руки вытянуты, будто притягивая меня к ней.

Чёрт возьми, меня одолевает искушение позволить ей обнять меня, даже после того, как она лишила ценности всё, через что я прошёл, весь прогресс, которого мы достигли, *прогуглив* меня.

Мои руки находят её плечи до того, как она успевает до меня дотронуться, и пальцы сжимаются в недолгом стремлении притянуть её ближе, прежде чем я весьма

сознательно, почти грубо отталкиваю её назад. Я не делаю ей больно. Я бы никогда не причинил ей боль, не физическую, но мука на её лице подсказывает мне, что моё отторжение бьёт куда-то глубже.

Хорошо.

— Если бы это зависело от меня, ты бы отправилась в Нью-Йорком первым же рейсом, — говорю я.

Она бросает на меня недоверчивый взгляд.

— Да брось. Из-за того, что я

прочла статью о тебе? Экстренное сообщение: я могла сделать это в любой момент.

— Да, но не сделала! — я ненавижу дикую боль в собственном голосе. — Ты ждала *этого момента*, ждала, когда я начну тебе верить, чтобы ударить в спину. Ждала, когда я *захочу* тебя.

Лицемерно, конечно. Я прочёл её сообщение. Но почему-то то, что я прочёл одно крошечное сообщение от парня, о котором она никогда даже не упоминала, кажется не таким

глобальным, как то, что сделала она. Мы оба виноваты в том, что выискивали друг о друге информацию, да. Но она *знала*, что этим я не готов делиться. Она не дала мне шанса.

— Я этого не знала! Ты преувеличиваешь и несёшь чепуху, Пол.

Я качаю головой.

— Хочешь знать настоящую причину того, что ты всё ещё здесь? Настоящую причину, из-за которой я не вышвырнул твою упругую задницу,

как вышвырнул других, в ту же секунду, как ты вошла в дверь?

Нервозность мелькает на её лице.

— Потому что мы связаны?

Я издаю резкий жужжащий звук.

— Нет. Видишь ли, Оливия, я *вынужден* вытерпеть тебя три месяца, иначе мой отец выкинет меня на улицу.

У неё слегка отвисает челюсть, что служит доказательством того, что она определённо не знала об

ультиматуме моего отца.

— Да, — произношу я, ощущая маленькую победу от боли на её лице. — Уютные вечера у камина? Все те пыточные паршивые ужины, за которыми я выслушивал от тебя о твоём детстве? Во время всего этого я держал своё терпение под контролем, чтобы ты наверняка застряла здесь на достаточно долгое время, дабы обеспечить меня наследством.

У неё сжимаются губы.

— Хватит.

Но я не останавливаюсь. Я добиваю её, придвигаясь ближе и слегка сгибая колени, чтобы оказаться к ней лицом к лицу, с глазу на глаз.

— Ах, а что с тем последним поцелуем? И тем у камина? И каждом другом разе, когда я терпел твои утомительные девчачьи прикосновения?

Она отворачивает голову, но я подставляю кончик пальца к её подбородку, принуждая вернуть взгляд.

— Всё это не для нас. Мне нужно было убедиться, что ты *хочешь* удержать моего отца и не дать ему избавиться от меня.

Её глаза становятся тёмными и яростными, встречаясь с моими, и на сей раз настаёт её черёд дать отпор.

— Бедный, *бедный* Пол! Хочешь сказать, твой отец в самом деле думает, что ты перестанешь быть угрюмым трусом и станешь полноценным членом общества? Я и подумать не могла, что над тобой так измывались!

Я чувствую, как ярость волнами накатывает на меня. Она ничего не знает. Понятия не имеет о лейкемии Лили или о том, что знаю только я: смерть Алекса не была милосердно быстрой, а единственная возможность Аманды оплачивать счета и лечение Лили появилась у неё, потому что я продался и взял деньги отца.

— Убирайся, — рычу я.

Она награждает меня снисходительным взглядом.

— Уверен, что хочешь этого?

Ещё и двух месяцев не прошло. Если ты сейчас меня выгонишь, тебе, как и всем нам, придётся зарабатывать на жизнь самостоятельно.

Я раздражаюсь смехом.

— Как и всем нам? Какое же имущество купила на свои деньги *ты*? Хм-м? Разве всё куплено не папочкой? Мы оба знаем, что это символическая работа. Не знаю, как много мой отец тебе платит, но я *в курсе*, что ты делаешь это не ради денег. Держу пари, ты не положила на свой счёт ни одной зарплаты.

В её глазах вспыхивает вина, и я не знаю, чувствую я облегчение от её бескорыстия или ярость, потому что это означает наличие какой-то другой гнусной причины, которую я не могу себе даже представить.

Мы стоим так несколько мгновений, впиваясь друг в друга взглядом. Две изуродованные, испорченные катастрофы.

— Я соберу вещи, — наконец, произносит она, начиная обходить меня.

Я хватаю её за локоть, когда она

ровняется со мной. Мы слегка поворачиваем друг к другу головы, каждый тяжело дышит, не сталкиваясь глазами с другим.

— Останься, — грубовато говорю я. — Мы так долго использовали друг друга. Можно уже и довести дело до конца.

— Я не собираюсь торчать здесь из-за твоего желания паразитировать на отце.

— Отлично. Тогда торчи здесь по другой эгоистичной причине, ради которой ты приехала сюда.

Доведи дело до конца. Закончи использовать меня, как я тебя. После мы разойдемся без потерь.

Взгляд зелёных глаз встречается с моим, и я отчётливо вижу написанное в нём. *Бред сивой кобылы.*

Она права. Уже слишком поздно для того, чтобы кто-либо из нас ушёл без потерь, но мне плевать.

Если моя первоначальная задача заключалась в том, чтобы Оливия Миддлтон увязла здесь, то моя новая цель гораздо мрачнее.

Я собираюсь сломать её, как
она сломала меня.

Глава двадцать пятая

Оливия

Ладно, скажу прямо: Пол перестарался.

Да, я немного перешла черту, прогуглив его. Жалею ли я? Определённо.

Но он ведёт себя так, будто я посреди ночи рылась в его шкафах. Мы же говорим не о дневнике Пола. Как будто он вообще стал бы его вести. (Хотя *следовало бы*. Возможно, в таком случае он

проработал бы некоторые свои проблемы и не вёл бы себя постоянно так, словно у него из задницы *торчит* питонья трость).

А те статьи, что я читала? Это же публичная информация. Не сказать, что мне вообще пришлось *копаться* — хватило двадцати секунд в Гугле. Бесит то, что если бы у меня были мозги, то я бы поискала всё это до того, как приехала в Мэн, до того, как согласилась на работу.

Возможно, будь у меня мозги, я бы узнала, что Пол Лэнгдон

тревожно близок ко мне по возрасту. Я бы нашла портрет из выпускного класса его школьного ежегодника и поняла, каким мучительно красивым он был когда-то.

Разумеется, ничего из вышеперечисленного не подготовило бы меня к тому факту, что взрослый двадцатичетырёхлетний Пол привлекателен для меня даже больше. Никакое количество информации, взятое из новостных статей, не подготовило бы меня к моей же собственной яростной и

машинальной реакции на него.

Но я бы *знала*, что его травмы были результатом не только ужасающего инцидента со взрывчаткой или злополучной засады. Если бы я занялась поисками, то *знала бы*, через что ему пришлось пройти на самом деле.

Через пытку.

Я хотела бы об этом знать.

Нет, хотела бы, чтобы он *рассказал* мне. И, конечно, я сама не дала ему шанса на это, так? Ладно, может, он и имеет право злиться на

меня. Просто я не пойму, как мы перешли от обнимашек и совместного сна к желанию поубивать друг друга прямо на кухне из-за чего-то настолько незначительного, по большому счёту. Мы с этим справимся.

Вот только он со мной не разговаривает.

Я бросаю на столешницу колобок теста и упираюсь руками в гранит, пытаюсь перевести дыхание и взять контроль над мыслями. Мука повсюду, но мне плевать.

— Ты же в курсе, что вообще-то для того, чтобы замесить тесто, его нужно *касаться*? — интересуется Линди, возвращаясь на кухню.

Я нехотя принимаюсь снова месить тесто, пока Линди выгружает поднос с остатками ланча Пола.

Кошусь уголком глаза на поднос.

Паста едва тронута. Он не ел. Я знаю это только потому, что вижу, сколько еды кладёт Линди, а не из-за совместного обеда с Полом. Я почти не видела его за всю неделю,

прошедшую с момента нашей ссоры. Он об этом позаботился.

Линди не спрашивала, почему мы с Полом поссорились — снова — и не жаловалась, что ей приходится носить для него еду, хотя платят за это мне. Я попыталась объяснить, но она только похлопала меня по плечу и сообщила, что в маленьком доме имеется свободная комната, если понадобится.

Если всё продолжится в том же духе, она мне *понадобится*. По ночам я слышу крики Пола, но не могу

пойти к нему, и это меня добивает. Как-то раз я предприняла попытку, но дверь оказалась закрыта.

Линди с Миком *наверняка* задаются вопросом, что я до сих пор здесь делаю. Как может сиделка не установить контакта с человеком, о котором она, по идее, должна заботиться? Лишь вопрос времени, когда отец Пола заявится сюда и сообщит мне, что я уволена.

Но погодите-ка. *Ничего* же не случится, да? Ведь в таком случае Пол не сможет продолжать своё

убогое существование, скрываясь от мира и не внося в общество никакого вклада.

Почему меня должно волновать то, что Пол так сильно не хотел возвращаться к миру, что пошёл на детскую сделку со своим отцом?

Меня и не волнует.

Хотя на самом деле *волнует*.

Так волнует, что я почти физически чувствую, как это сжирает меня. Именно об этом я думаю в первую очередь, когда в одиночку отправляюсь на утреннюю пробежку.

Именно об этом я думаю, когда в одиночестве пью кофе и когда обедаю в полнейшем уединении. Именно об этом я думаю каждый раз, как беру с собой в библиотеку большую старую биографию Эндрю Джексона, тая надежду, что на сей раз дверь будет открыта.

Он полностью отстраняется, и я отчасти хочу, чтобы он наконец выгнал меня, покончив со всем. Всё более ясным становится, что Пол Лэнгдон не станет освобождением, которого я ищу. Я же приехала сюда в

надежде заново открыть свою
человечность — напомнить себе, что
я по-прежнему хороший человек, что
поцелуи лучшего друга моего парня
не сделали меня неисправимо
испорченной.

Однако, если уж на то пошло,
время, проведённое мною в Мэне,
подтвердило мои худшие опасения.
Другим людям от меня нет никакой
пользы. Пол, может, и был сломлен
задолго до моего выхода на сцену, но
я совершенно уверена, что после
моего отъезда ему станет хуже. С тем

же успехом я могла провести его полпути к искуплению только ради того, чтобы вновь толкнуть назад, едва он начнёт чувствовать надежду.

Всё потому, что я не дала ему прийти ко мне самому.

И всё же... он ведёт себя как чёртов ребёнок.

Линди, очутившись рядом со мной, тихо вскрикивает от ужаса и тянется за тестом, которое я уродовала последние пять минут.

— Так, ладно. Твоей особенной техники замешивания теста тут

ХВАТИТ.

— Ненавижу его! — бью шар теста в последний раз. — Ненавижу!

Она бедром спихивает меня с дороги.

— Что ж, на мой взгляд, ты имеешь на это право.

Я резко перевожу на неё взгляд.

— Ты знаешь, что произошло?

— Нет. Я никогда толком не знаю, что с ним происходит. Или с тобой, — отвечает она, бросая тесто в смазанную маслом миску и накрывая её полотенцем, после чего

уносит его подниматься. — И не желаю знать. Как и Мик, потому что мы понимаем, что в конце концов захотим проникнуться чувствами к вам двоим. Но это не значит, будто я не вижу, что, игнорируя тебя, он причиняет себе ровно такую же боль, как и тебе. А может, и больше.

В животе зарождается слабый трепет надежды.

— Да?

Она награждает меня понимающим взглядом.

— Ну, нет. Не надо бежать и

выпытывать информацию из-за того, что я сказала. Но не отказывайся от него. Не смей.

Я провожу пальцем по просыпавшейся на стол муке.

— Не знаю, что должна делать до его появления, — говорю я угрюмо. — Мистер Лэнгдон ведь платит мне не за шатание без дела и не за уничтожение твоего домашнего хлеба.

— Мистер Лэнгдон платит тебе за то, чтобы ты вернула его сына в мир живых. И именно этим ты и

занимаешься, пусть на данный момент твой метод и косвенный.

— Ладно, но... —

прислонившись к гранитной стойке, я заваливаюсь, смещая весь вес на предплечья. — Мне *скучно*, Линди.

— Я думала, тебе понравились вечера вне дома. Слышала от тётушки Кали, что вы отлично поладили.

Это правда. Нам с Кали *пришлось* отлично поладить. Несколько раз на той неделе я захаживала во «Френчи», частично

из-за того, что мне нужно было выпить, но больше потому, что я хоть как-то себя занимала, тогда как Полпридунок оставался запертым в своём логове, как чёртов Унабомбер (прим. пер.: Теодор Качинский), или как там его. Прошлой ночью я даже съездила к Кали домой. Мы ели замороженные энчилады, выпили чересчур много вина и смотрели какие-то реально кошмарные телевизионные передачи.

Но мне нужно было найти какие-нибудь другие способы

занимать своё время, помимо выпивки, хандры и попыток осилить биографии президентов. Мне нужно хобби, поручение или...

— Можешь накрыть на стол в столовой, — предлагает Линди приглушённым голосом, зарывшись с головой в холодильник.

Я поднимаюсь на ноги.

— Здесь есть столовая?

— Разумеется, в этом доме она есть.

Я закатываю глаза.

— Не веди себя так, будто это

очевидно. Ты ей когда-нибудь пользовалась?

— Разумеется, нет, — отвечает она тем же прозаичным тоном.

Не могу не закатить глаза во второй раз.

— И я накрываю на стол сегодня, потому что?..

Линди выплывает из-за холодильника с руками, полными чего-то вроде жаркого, какого-то причудливого сыра, молока, пачки масла и каких-то трав. Филейной частью своего тела она закрывает

двери холодильника.

Кусочки неторопливо соединяются воедино, несмотря на то, что мой разум отвергает увиденное мной: большее, чем обычно, количество еды, использование столовой, слишком странные улыбка/напевание Линди — а это вообще никак на неё не похоже.

— Кто-то придёт? —
осведомляюсь я.

— Ага, — отзывается она, расплываясь в самодовольной

улыбке, пока кладёт ингредиенты на стол и принимается убирать беспорядок, оставленный после моей убогой попытки приготовить хлеб.

— Кто? — требовательно спрашиваю я.

Она пожимает плечами.

— Мистер Пол не сказал.

— Мистер Пол не сказал, — возмущённо передразниваю я. — А ты у него спрашивала?

— Меня это не касается. Я должна знать только количество

человек и пищевые ограничения.

— Тебя это тоже касается! —
отвечаю я. — Дай угадаю, такое
случается впервые за, эм, всегда?

— Нет, — отвечает она просто.
— К нему *часто* приходили друзья,
когда это был их летний дом и
обычная сезонная работа для меня.
Ты понимаешь, о чём я. До
случившегося.

— В том-то и суть. Раньше для
него было нормальным то, что в
настоящий момент не совсем
обычно. Тебе не кажется это

странным? То, что он вдруг стал таким общительным?

— Многое в Мистере Поле изменилось за последнее время, — отвечает она, не глядя на меня. — Пока он движется в правильном направлении, я не намерена ничего подвергать сомнению.

Она права, конечно. То, что у него есть друзья, — хороший знак.

Но также и адски подозрительно. Тут что-то не так.

— Хорошо, я накрою на стол, — мямлю я, понимая: Линди сказала

всё, что думала по этому поводу. — Могу ли я предположить, что на сегодняшней ужин я предоставлена самой себе? Не хочу, чтобы ты готовила дважды.

— Ты будешь есть это, — говорит она, похлопав по огромному куску говядины.

— Хочешь сказать, оставшееся?

— Нет, я хочу сказать, что ты будешь сидеть за столом вместе с Мистером Полом и его гостем. Он сказал, что присутствовать будут всего три персоны. Включая тебя.

Что за...

— Эм, нет, — произношу я. —

Я не присоединюсь к нему за ужином. Это сверхнеуместно.

— Это уместно, если он пригласил. А он пригласил. Специфически.

Теперь я жутко потею. Происходит нечто явно странное.

— Он думает, что я буду ужинать с ним и его таинственным гостем в столовой, в которой даже ни разу не была?

— Ага.

Я скрещиваю руки на груди.

— Этому не бывать.

Линди пожимает плечами.

— Отлично. Тогда пойдёшь и скажи ему об этом. А до тех пор проваливай из моей кухни, пока я работаю. Скатерть уже приготовлена, и как насчёт того, чтобы сделать с волосами что-нибудь кроме этого влажного хвоста, которым ты щеголяла последние две недели, после того, как накроешь на стол?

— О да, непременно, давай-ка прихорошимся для Мистера Пола и

его громадного вагона проблем.

Она начинает измельчать чеснок.

— Ладно, хорошо. *Уверена*, его другу страшно понравится твой НЙУ свитшот с дыркой на рукаве, который ты носила три дня подряд (прим.: имеется в виду именно свитшот Нью-Йоркского университета, отсюда и такая русификация аббревиатуры).

Я хмыкаю, теперь уже постукивая ногтями по столешнице от снедаемого меня любопытства.

— Оливия, — снисходительно зовёт Линди.

— Да?

— У меня есть час на то, чтобы приготовить первый за последние годы полноценный ужин, к тому же мне нужно купить кое-что для себя и Мика, а твоя задумчивость сводит меня с ума.

— Я могу помочь!

— *Вон.* Помоги мне накрыть на стол.

— Ладно, — бормочу я, уступив только потому, что отчаянно

хочу сделать *хоть что-нибудь*, чтобы почувствовать себя так, будто заслуживаю выплачиваемую мне зарплату — которая переключалась на мой собственный сберегательный счёт после того катастрофического разговора с Полом обо мне, как о папиной дочке.

Неприятно говорить об этом, но Пол был прав. Я ни черта не делала со своими чеками до недавнего времени. И я сама повинна в том, в чём обвинила Пола: жизни за счёт отца. Мы жалкие монстры из

привилегированного класса, и я со своей стороны намерена измениться, даже если он — нет.

Когда всё — что бы *это* ни было — закончится, я устроюсь на другую работу. А потом на ещё одну. Я больше не буду пользоваться кредитками отца, не буду рассматривать это как отрыв от реальной жизни на благотворительные дела. Это и *есть* моя реальная жизнь. И я полна решимости взять в руки каждый её аспект. Пусть это и значит, что

теперь мне придётся носить
уродливый свитшот НЙУ гораздо
чаще, ведь доступ к карманным
деньгам на шмотки скоро закроется.

Столовую я нахожу довольно
просто. Она находится за
множеством огромных дверей, за
которые, стыдно сказать, я ни разу не
потрудилась заглянуть. Комната
такая же, как я ожидала, учитывая
остальной дом: много тёмной
древесины и длинный деревянный
стол — идеальная комбинация
строгости и деревенского

очарования.

На столе лежат принадлежности для стола, как и было обещано, но Линди благоразумно не стала придерживаться клише и формальностей с чопорным белым цветом. Подстилки под тарелки имеют цвет мерло, а рядом лежат кремовые тканые салфетки с современными серебряными кольцами. Вместо аляповатого китайского сервиза — набор простой повседневной посуды.

Я торопливо накрываю на стол и отхожу назад, проверяя, всё ли как надо. Посередине чего-то не хватает. Цветы подошли бы идеально, но, учитывая, что у нас их нет, я обшариваю шкафы, пока не нахожу связку свечей. Они все разные по цвету и размеру, но за всю свою жизнь я организовала довольно много благотворительных вечеров, поэтому знаю, что зажжёнными они будут выглядеть прикольно и модно и не покажутся мешаниной.

Я вожусь со свечами как можно

дольше, прекрасно понимая, что увиливаю. Время принимать решение.

Я буду играть в любую игру, которую он устроит? Или поступлю, как *он*: закроюсь в спальне, отказываясь выйти и стать пешкой?

В конце концов, всё сводится к любопытству. Я подыграю. Но только потому что умираю от желания узнать, кто сумел замотивировать Пола *добровольно* отречься от своего уединения?

Вряд ли его отец — Линди бы

знала, что Гарри собирается приехать.

Но кто?

Кали? Нет, она бы об этом упомянула. Так ведь?

Наверное, это кто-то из его прежней жизни.

Боже. Что, если это его бывшая девушка? Что, если таким способом он пытается помучить меня? Одной рукой стремительно касаюсь влажного хвоста, опуская взгляд на общепризнанно уродливый свитшот, на который морщилась Линди.

Может быть, немного привести себя в порядок не такая уж и плохая.

Я мчусь вверх по лестнице, но, едва оказавшись в безопасности собственной комнаты, начинаю готовиться не спеша. Горячий душ принимаю долго и, наконец, брею ноги, о которых *чутьочку* забыла за последние две недели. Я не только высушиваю волосы, но и берусь за утюжок, добавляя им гладкого лоска. Концы выглядят слегка рванными, и я улыбаюсь, вспоминая замечания Беллы о недостижимости моего

стилиста на время моего перерыва в Мэне. Прошло всего два месяца с той прощальной вечеринки, устроенной моими родителями, но такое ощущение, будто это было в другой жизни.

Улыбка немного блекнет, когда я понимаю, что уже несколько дней ничего не слышала от Беллы. Она встречается с каким-то парнем по имени Брайан, который «немного коротковат, но компенсирует это во всех остальных направлениях». Видимо, он держит её очень и очень

занятой.

Но сколько бы я не уговаривала себя, что её новая любовь не отдалит нас, подозреваю, что, скорее всего, так и есть. Наши жизни уже никогда не будут дублироваться с такой же лёгкостью, как раньше.

Я прекращаю красить ресницы, когда до меня доходит, что *это* и есть та сторона жизни после колледжа, о которой нас никто не предупреждает. Твоя социальная жизнь уже не сможет подстраиваться под отдельные классы или внеурочную

деятельность. Отношения, не важно с кем: друзьями, семьёй или романтическими партнёрами, — с этого момента, начнут занимать больше сил. Больше никаких неразлучных подружек из сестринства или криков вниз по лестнице, когда нужна мама. И, конечно, после колледжа не так просто познакомиться с парнем. Уже не получится поболтать с милым мальчиком из класса экономики.

Мысли о романтическом будущем неизбежно приводят меня к

Полу, и я тихонько рычу за это на свой разум: даже не начинай.

Он не для меня.

Продолжив наносить макияж, я добавляю больше подводки, чтобы получить утончённый смоки айс. Ещё добавляю блеск для губ и румяна, хотя гости сволочи-Пола едва ли заслуживают дезодоранта, не говоря уже о макияже.

Я понятия не имею, когда прибудет его гость, поэтому сажусь на подоконник и притворяюсь, будто читаю книгу. Хотя, честно говоря,

больше глазею на водную гладь и думаю. Всё это время я нахожусь наготове, ожидая стука в дверь спальни. Пол ведь сам скажет мне, что моё присутствие ожидаемо или даже обязательно?

Стук так и не раздаётся. Приказ Линди освежиться, видимо, единственное приглашение, которого я заслуживаю.

Я напрягаюсь, когда слышу дверной звонок, но заставляю себя расслабиться. Всё будет хорошо. Мои родители устраивали столько

вечеринок за один месяц, сколько многие семьи не устраивали за всю свою жизнь. Я могу поддерживать беседу с незнакомцами даже во сне. Посмотрев в зеркало в последний раз, я открываю дверь комнаты.

До меня доносятся голоса, но они слишком глухие, чтобы можно было различить, кому они принадлежат: мужчинам или женщинам. Спускаясь по лестнице, я прислушиваюсь внимательнее. Вот знакомый тембр Пола, но другого человека я не слышу.

Серьёзно, если это его бывшая девушка, я...

Я застываю, когда слышу его. Мужской голос. Почему я его знаю?

От понимания лишаюсь дыхания. *Господи.*

Почему-то, даже узнав знакомое, я не совсем готова к тому, что вижу, заступив за угол холла. Вряд ли *вообще* кто-то был бы готов.

Мои глаза прикипают к темноволосому парню, по-прежнему стоящему в дверном проёме. Его лицо напрягается от тоски, когда

наши взгляды сталкиваются, и это как удар в лицо. Я прикрываю глаза, отстраняясь от всего, и глубоко вдыхаю.

С трудом сглатываю.

— Майкл.

Он улыбается.

— Лив.

Убейте меня. Убейте меня, убейте меня, убейте меня. Этого не происходит. Тот самый парень, от которого я старалась сбежать, стоит в доме, который вроде как должен служить мне укрытием.

Я уговариваю своё воспитание преодолеть панику, но с треском проваливаюсь.

— Что ты здесь делаешь?

Впервые жаркое восхищение на его лице меркнет.

— О чём ты?

— Я спрашиваю, как ты вообще нашёл меня? Мои родители дали тебе адрес?

Майкл хмурится и делает шаг ко мне. Я отступаю.

— О чём ты? — спрашивает он.

— Это же ты сказала мне приехать.

Я моргаю.

— Прости, что?

— Твои сообщения, Лив. Ты написала, что тебе нужно меня увидеть. Сказала, что не можешь уехать и спросила, могу ли я сам приехать сюда... — он замолкает, когда видит правду на моём лице. — Ты не просила меня приезжать.

Но я почти не слышу, потому что мой мозг захватило опасное жужжание. Очень медленно я поворачиваюсь лицом к *нему*.

Только тогда Пол выступает из

тени.

— Сюрприз, милая, — его голос смертельно опасен.

Я встречаюсь с ним взглядом, и жестокий триумф отражается в чертах его лица.

Кусочки с щелчком складываются воедино, когда вижу его лицо. Теперь я всё понимаю. Понимаю, что происходит. Это какой-то нездоровый план мести. Я влезла в дела Пола за его спиной — вытащила без спроса скелеты из его шкафа.

А теперь настал его черёд.

Глава двадцать шестая

Пол

Это было до смешного просто — парочка быстрых сообщений загадочному Майклу, пока Оливия выполняла свою утреннюю пробежку.

Пробежку, на которую когда-то я ходил вместе ней. До тех пор, пока она не повела себя как остальные, прочитав обо мне, как о каком-то неизвестном солдате, а не Поле.

Но суть не в этом. А в том, что

с Майклом мои инстинкты попали в точку: он не просто друг, но и не парень тоже, хотя хотел бы им быть. Это было написано у него на лбу, когда она спустилась по лестнице.

Впрочем, сейчас я смотрю не на лицо Майкла. А на Оливию. Я был готов к удивлению или гневу. Нет, я рассчитывал на них. В конце концов, в этом и есть смысл мести. Но то, что я вижу в совершенных чертах её лица — чистая, неразбавленная агония.

Я засранец. Но зато я всегда

знал, что являюсь таковым. Теперь самое время и ей об этом узнать. И я большой фанат принципа «око за око». Она влезла в мои дела, я влез в её. Переборщил ли я? Конечно. Но это было так чертовски *легко*.

Мне казалось, что причины побега Оливии из Нью-Йорка прячутся в чём-то чуть более интересном, нежели клишированный любовный треугольник, но когда Майкл подумал, что это Оливия попросила его повидаться с ней, его ответ пришёл через секунды две. Он

так хотел этого, но Оливия его избегала.

Необходимость подпортить ей жизнь, как она подпортила мою, была так велика, что я не мог сопротивляться, а сейчас... сейчас я жалею. Напряжение в холле почти осязаемо, и мой план уже не кажется таким изощрённо хитрым. Он кажется жестоким.

— Оливия, — Майкл движется к ней, вытянув руку, и она встревоженно вскрикивает.

Я уже инстинктивно

порываюсь вклиниться между ними, но Оливия практически шипит на меня.

— Исчезни, — рывкает она. — Ты мне это задолжал.

Масштаб моей манипуляции начинает сдвигаться, и я чувствую себя как полное дерьмо. Однако я всё-таки бросаю предупреждающий взгляд на Майкла, будто бы предостерегая навредить ей. Но усилия потрачены впустую. Он смотрит только на неё.

Я иду к двери, притормозив

рядом с Оливией. Открываю рот, чтобы... что? Извиниться? Но она лишает меня такой возможности.

— Уходи, — говорит она, даже не глядя на меня.

Я заставляю себя выйти за дверь. На какой-то раздирающий сердце миг, не знаю, как сжиться с самим собой.

А потом вспоминаю: я и так уже почти мёртв.

Глава двадцать седьмая

Оливия

Пол уходит, даже не оглянувшись. Наверное, злорадствует, что его месть так идеально соответствует плану.

Мне следует испытывать облегчение из-за того, что настолько ненавистный мне парень исчез из поля зрения и теперь я могу собраться с мыслями, но правда в том, что Пол — всего одна часть этого кошмара. Бóльшая часть, если

быть точной. *И* он катализатор. Тот факт, что он написал Майклу с одной лишь целью отомстить, наводит на мысль, что в нём есть целый уровень убудства, о существовании которого я и не подозревала.

Минутка свободного пространства от него *должна* дать мне время перевести дыхание. Но, кажется, у меня не выходит дышать.

Набравшись смелости, я поднимаю подборок и смотрю на бывшего лучшего друга. Майкл и я остаёмся наедине только во второй

раз с того ужасного дня, когда Итан вошёл в спальню Майкла и увидел меня, целующуюся с его лучшим другом.

Ага. Не надо цеплять мне значок позора прелюбодейки на футболку. Я заслужила тату. На *лицо*.

Полу невдомёк, насколько уязвимое место он нашёл у меня, заставив встретиться с Майклом лицом к лицу.

Но всё же... Майкл приехал. Он проделал весь путь от Нью-Йорка до Мэна из-за меня, когда я несколько

недель игнорировала его сообщения.
Мне нужно знать почему, хотя мне кажется, что я уже знаю.

— Зачем ты приехал? — спрашиваю я. — То есть, я поняла, что ты подумал, будто это я попросила, но даже если так... это много усилий.

Его взгляд обжигающий.
Тоскливый.

— Потому что я волновался о тебе. И мне нужно было, чтобы ты знала, как сильно.

Сердце пронзает шипами.

— Нет. Не надо.

— Прошло так много времени, Лив, — вымучивает он. — Ты так и не дала мне объяснить, — я замечаю вспышку боли в его знакомых серых глазах.

Ту же самую боль, которую ощутила я, когда Итан без оглядки убрался из моей жизни. Мы с Майклом облажались. В смысле, мы реально, сильно *облажались*, и этому нет абсолютно никакого оправдания. Но Итан не дал нам шанса объясниться. Мы не можем ничего

исправить, вообще, однако у нас даже не было шанса сказать о своей любви и о том, как нам жаль.

В конце концов я получила такой шанс в конце лета, когда заявила на вечеринку в ХЭМПТОНСКОМ пляжном доме родителей Итана. Теперь я понимаю, что с Майклом мне тоже нужно завершить историю. И ему это нужно в той же степени.

— После всего случившегося я не могу позволить тебе думать, что ты была всего лишь частью какого-то

жалкого состязания между мной и Итаном, — он вновь движется ко мне, и на сей раз я даю ему взять меня за руки.

— Итан был твоим лучшим другом. *Лучшим другом.*

Майкл слегка опускает подбородок.

— Знаю. Это был мерзкий поступок.

Я фыркнула.

— Наш поступок за гранью мерзости, я даже не знаю, есть ли для этого подходящее слово.

Комната погружается в тишину.

— Я знаю, — наконец
отзывается Майкл.

— Тогда почему? Я не снимаю
с себя вины, но ты был инициатором.
Я не злюсь, просто... *почему,*
Майкл?

И пусть я спрашиваю, пусть я
знаю, что ему нужно это сказать, а
мне нужно это услышать, ведь так я
смогу помочь нам двигаться дальше,
мне не хочется, чтобы он это
произносил. *«Не говори, —*
безмолвно прошу я. — Прошу, не

надо».

Но до Майкла не доходит мой немой призыв. Сколько бы лет он ни был хорошим другом, как бы близки мы ни были, он никогда меня не слышал. Не так.

— Потому что я любил тебя, — произносит Майкл, почти сломив меня простотой своего заявления. — Всё ещё люблю.

Я закрываю глаза.

— Как долго? Когда это началось?

Майкл пожимает плечами.

— Всегда.

Господи.

Он стискивает мои руки.

— Лив. Я должен знать. Ты... можешь... ты любишь меня, Лив? Ты любишь меня?

Боже.

Мне хочется солгать. Хочется избавить лучшего друга от жгучей боли, которую спустит с привязи правда. Но не могу. Я задолжала ему — как и себе — быть честной.

— Нет, — говорю я мягко. — Не любила. И не люблю. Не в таком

смысле.

И после я жду, что он задаст мне вопрос. Жду, когда он спросит у меня почему я позволила ему себя поцеловать, если не отвечала на его чувства. Почему вернула ему поцелуй.

Я готовлю себя, но вопрос так и не звучит. Может быть, он не вынесет ответа. И, как ни странно, хотя мне и стоит почувствовать облегчение от полученной отсрочки, я почти жалею, что он не потребовал ответов. Ведь я наконец-то готова их

дать.

Глаза Майкла обращаются ко мне, и, несмотря на боль, по-прежнему таящуюся там, к ней примешивается ещё и гнев. До меня запоздало доходит, что в Майкле что-то изменилось. Будто он меняется прямо у меня на глазах. Но нет, это тоже не совсем верно... он был другим с того момента, как я увидела его сегодня. Если Итан всегда был беззаботным и очаровательным, то Майкл был похож на его остроумную половину — такой же обаятельный,

но умом более резкий и едкий. Мало чем отличающийся от Пола, задумайтесь.

Но сейчас? Черты его лица окутывает мрак. Углы заостряются, цинизм, который он неизменно использовал в качестве юмора, теперь кажется более укоренившимся и злым.

«Это моих рук дело», — понимаю я. Всё это время я была так занята, силясь совладать с болью, которую причинила Итану, что мне даже не пришло в голову, что я

нанесла серьёзный ущерб и Майклу. У меня было два самых лучших в мире друга, и я умудрилась отнестись к ним обоим, как к мусору: Итана предала, а Майкла оставила.

Его челюсть слегка ходит слева направо и обратно — так он делает, когда пытается обуздать свой весьма грозный характер. Он отпускает мои руки, резко отстраняется и самоуничижительно смеётся:

— Подумать только, я рванул сюда, будто рыцарь в сияющих

доспехах, думая, что ты хочешь меня.

Нуждаешься во мне.

Я делаю шаг к нему. *Не делай этого. Я того не стою.*

— Я не знала, что ты приедешь,
— торопливо говорю я. — И всё же... возможно, я рада. Возможно, так можно всё закончить.

С щемящей болью в сердце, снова протягиваю к нему руку, но он в который раз отшатывается.

— Мне казалось, тебе нужно время, Лив, — голос Майкла груб. — Сдерживался, думая, что тебе нужно

простить себя и меня за то, что мы сделали. Но мне казалось... я действительно думал, что ты потянешься ко мне, когда отпустишь Итана.

Я закрываю глаза. *Может ли стать ещё хуже?*

— Но ведь это никогда не был я? — интересуется он.

Слёзы проливаются, когда я поднимаю веки.

— Нет, — отвечаю тихо.

Майкл будто ожесточается прямо на глазах. Он тяжело

сглатывает один раз, второй. А потом, дёрнув подбородком, будто это единственное прощание, которое он может себе позволить, открывает дверь и выходит наружу. Вот так просто его больше нет.

Я прижимаю руку ко рту. Не могу унять дрожь от чувства, будто больше никогда не увижу своего лучшего друга.

И всему тому виной Пол Лэнгдон.

Глава двадцать восьмая

Пол

Из всех дерьмовых вещей, что я делал в своей жизни — а таких имеется несколько — *эта* самая дерьмовая.

Не знаю, что я думал на счёт того, как всё получится. Что мы сядем за обеденный стол, и я буду забавляться маленькой развернувшейся драмой? Будто Оливия вдруг выложит мне все свои секреты и объяснит, что именно

привело её в Мэн в качестве моей нянечки?

Вы, наверное, посчитали, что я усвоил урок о предоставлении Лив личного пространства после сообщения Майклу, но я засранец. Поэтому я подслушал. И услышал всю эту хрень.

Оливия изменила Золотому Мальчику с Майклом. А я вынудил их оказаться наедине в одной комнате. Мне казалось, что я вёл себя как придурок, но это и *близко* не описывает мою настоящую

сущность. К тому моменту, как до меня дошло, насколько серьёзными должны быть мои извинения, Майкла уже и след простыл, а Оливия заперлась в собственной спальне.

Она пробыла там два часа. Я это знаю, потому что просидел по другую сторону двери все сто двадцать минут. Каждую из которых она проплакала. И не осторожно, по-девичьи. А натужно и мучительно.

Я закрываю глаза, прислонившись затылком к двери.

Трусу во мне хочется убежать в комнату, позвонить отцу и попросить его убрать Оливию подальше от меня, где я больше не смогу причинить ей вреда.

Но с меня хватит трусости. Мне нужно увидеться с ней.

Неторопливо, аккуратно, я поднимаюсь на ноги. Поднимаю руку и легонько стучу кулаком, но плач не прерывается. Стучу сильнее. На сей раз повисает пауза. Оливия тихо икает. Но дверь не открывает.

— Оливия, — в голосе

хрипотца. — Можно мне войти?

Я готов к любым ответам, которые она может мне бросить. К тишине. «Отвали». «Ненавижу тебя». «Убирайся». Но никак не к тому, что она откроет дверь. И, конечно, не к стеснению в груди при виде неё.

Я едва отмечаю опухшие глаза, красный нос и спутанные волосы. Но никак не могу миновать неизмеримую боль, написанную на её лице.

Я делаю то единственное, о чём

могу думать. Обнимаю её.

И она позволяет.

Я причинил ей безумную боль, но она разрешает мне обнимать себя.

Ощущение, не сравнимое ни с чем.

Я сдвигаю её назад ровно настолько, чтобы закрыть дверь, после чего притягиваю её как можно ближе. Она зарывается лицом в моё плечо и плачет. Не знаю, откуда в ней ещё слёзы, но она не останавливается.

Я глажу её рукой по спине

самыми успокаивающими движениями, которые только могу придумать. Поворачиваюсь лицом к её мягким волосам.

— Прости, — шепчу я, прижавшись губами к макушке. — Мне так чертовски жаль.

Её рыдания переходят в плач, плач в икание, а икание к судорожным вдохам. И потом она *наконец* затихает. Слегка отклоняется назад, чтобы взглянуть на меня, и я напрягаюсь, готовый к словам, которых заслуживаю.

Но она не набрасывается на меня и не оскорбляет. Не даёт мне в подробностях понять, какой жалкой кончины я заслуживаю. (Хотя всё равно заслуживаю. Знаю, что заслуживаю).

Вместо этого она делает последнее, чего я жду. Заговаривает со мной. Опускает лоб мне на ключицу и просто *говорит*.

— Я не хотела, понимаешь, — произносит она дрожащим от слёз голосом. — Миллион раз спрашивала себя, знала ли какая-то крохотная

часть меня то, что собирался сказать Майкл... что он собирался сделать... когда я пошла к нему в тот день. И столько же раз отвечала себе, что не стала бы ходить, если бы знала. Я бы не стала вгонять себя в положение, которое причинит Итану боль. Видел бы ты его лицо...

Оливия судорожно выдыхает, и я привлекаю её ещё ближе, проводя ладонью по спине. Мне хочется сказать ей, что, по большому счёту, это пустяки. Что она это пережила, Итан *уже* это пережил, но понимаю,

что для неё это не пустяки. Я даю ей продолжить.

— Я поехала к Майклу... поднялась в его комнату, думая, что он хочет поговорить о девушке, Кейси, с которой он вроде бы общался. У него никогда не было серьёзных отношений, поэтому мне казалось, что он трусит или как-то так.

Она смолкает на мгновение.

— Но он хотел поговорить не о Кейси, — помогаю я.

Она качает головой.

— Нет. Он вёл себя странно с той самой секунды, как я пришла. Мне и Майклу всегда было комфортно вместе. Или я так думала. Но тогда он вёл себя нервно. То избегал встречаться со мной глазами, то смотрел слишком долго и напряжённо, как будто что-то выискивая.

Боже, мне жаль бедного парня. Мне слишком знакомо состояние, когда ты бессилён к притяжению этой девушки, пусть и понимаешь, что тебе нужно оставаться в стороне,

подальше от неё.

— Я не поняла, как это произошло, — продолжает она, слегка качнув головой. — В одну секунду я болтала о том, как взволнована из-за стажировки, на которую отправила заявку, а в следующую он хватает меня за руку, оказываясь в сантиметре от моего лица, и заявляет, что больше не может. Что Итан его лучший друг, но у него нет сил. Что не может видеть меня с ним, зная...

Она затихает.

— Он сказал, что любит тебя?

— говорю я.

Оливия кивает, прежде чем поднять голову, заглядывая мне в глаза.

— А потом он поцеловал меня.

И я его не оттолкнула. *Я дала ему поцеловать меня.*

Агония на её лице неподдельна, и мне хочется попросить её больше ничего не рассказывать, но понимаю, что ей нужно избавиться от этого груза. Очень нежно я беру ладонью её лицо.

— Почему? Ты тоже его любила?

Пожалуйста, скажи «нет».

— Нет, — шепчет она, взволнованно увлажняя губы языком. — Но я множество раз спрашивала себя «почему» и думаю... Думаю, я ответила на поцелуй, потому что понимала — это выход. С каждым днём наши отношения с Итаном становились всё серьёзнее, он был у меня единственным парнем, и все, включая меня, вели себя так, будто мы вот-вот обручимся, и я просто...

— Не хотела этого.

— Нет, — отвечает она на выдохе. — Наверное, хотела. *Хотела* захотеть. Я очень любила Итала. Но где-то в глубине души что-то было не так. Всё складывалось действительно хорошо, но мне хотелось большего.

— И большим был Майкл?

Её лицо искажается.

— Нет. В ту же секунду, как его губы коснулись моих, я знала, что это тоже не то, но потом я ответила на поцелуй сильнее, желая почувствовать что-нибудь, хоть что-

то. Не сработало... то есть, я не переспала с ним. До этого было далеко. Но в то же время это был не простой поцелуй, из-за которого я бы оттолкнула его и дала пощёчину. Я пыталась раствориться в поцелуе, поэтому он стал напряжённым, и тогда вошёл Итан.

Мне не нужно спрашивать о случившемся после.

— Никогда не думала, что могу быть такой, — продолжает она. — Изменить своему парню с его лучшим другом. Но теперь понимаю,

что *никто* не планирует этого заранее, понимаешь? К этому нельзя подготовиться, как, допустим: «Знаешь, я тут подумала, буду подражать шлюховатому герою фильма, которого все вокруг ненавидят». Ты всегда представляешь, что будешь хорошей девочкой, за которую все будут болеть. И думаешь так до той самой секунды, пока не оказывается, что ты совсем не хорошая.

Мои ладони всё ещё обнимают её лицо, и теперь, аккуратно

подцепив большими пальцами челюсть, я запрокидываю её голову, чтобы она встретилась со мной глазами.

— Ты всё ещё хорошая, Оливия, — говорю я тихо. — Ты совершила ошибку. Огромную и дерьмовую, бесспорно. Да, ты изменила Итану. И да, наверное, использовала Майкла. Но именно то, что ты убиваешься, показывает — *ты не такая*. Это разовая ошибка. В будущем ты допустишь много промахов, но *такого* — нет. Ты вынесешь урок и

двинешься дальше.

Она прикрывает глаза.

— Ты не видел лицо Майкла. У Итана есть Стефани, и он, кажется, забыл меня, но Майкл...

— Переживёт это, — произношу я тоном, не допускающим дальнейшего обсуждения. — Сколько ему, двадцать два? И если ему посчастливилось стать твоим лучшим другом, под всем этим скрывается приличный парень, правильно? Просто он влюбился не в ту девушку.

Она ничего не отвечает, и я прижимаю руки к её щекам чуть настойчивее.

— С ним всё будет хорошо. И с *тобой* тоже.

Когда она открывает глаза, они снова блестят от слёз, но, думаю, не отчаяния. Она выглядит преисполненной надежды.

— Спасибо тебе, — говорит она. Её рука неторопливо ложится мне на грудь. — Спасибо.

Я хрипло смеюсь, стараясь игнорировать то, что делают со мной

её прикосновения.

— Ты не должна благодарить меня после всего, что я натворил.

— Если говорить о злодейских планах, то это было *очень* коварно. И я поверить не могу, что он приехал.

— Ты ему небезразлична, — я провожу большими пальцами по её скулам. — И, *возможно*, я создал впечатление, будто ты находишься в ужасной ситуации.

— Она и *была* ужасной, — отвечает она, завозившись с пуговицей на моей рубашке. — Ты не

разговаривал со мной несколько недель. Мы даже не виделись.

— Беспокоишься, что не отработала свою зарплату? — осторожно спрашиваю я, сохраняя голос дразнящим, а не осуждающим.

— Я хотела увидеть тебя не поэтому.

Моё сердце запинается.

— Тогда почему?

Зелёный взгляд поднимается к моим глазам.

— Я скучаю по тебе. Не знаю почему, ты же чудовище. И я не

понимаю, почему не могу перестать думать о тебе, ведь ты такой раздражающий и отгоняешь меня всякий раз, как тебе что-то не по нраву, и ты, наверное, способен причинить мне самую ужасную боль из всех, но...

Мой рот останавливает её бессвязный поток слов в жёстком, отчаянном поцелуе, хотя я и жду, когда она отвергнет меня, зная, что заслуживаю отказа. Но её руки обвивают мою шею, а язык нежно тянется к моему, в то время как сама

она вжимается в меня.

— Я хочу тебя, — шепчет она, чуть отстранившись.

Мой самоконтроль даёт трещину. Я кручу её, толкая спиной к двери, скользя ладонями от лица к рукам, поднимая их над её головой. Она издаёт стон, когда я припираю её к двери и целую снова и снова, пока не забываю, где заканчивается моё дыхание, а где начинается её. Когда уже не могу перестать водить рукам по её телу, бёдрам и вверх по бокам её талии. Мы оба стонем,

когда мои ладони задевают её грудь.

Я хочу раствориться в ней.

Схватившись за крошечное зёрнышко добра, всё ещё посеянное во мне, я вынуждаю себя отстраниться и дать ей пространство и время над всем поразмыслить. Опускаю взгляд на её покрасневшее лицо и опухшие губы; мы оба тяжело дышим.

— Мне нужно знать, чего ты хочешь от этого, — грубовато прошу я. — Мне нужно знать, где граница.

Оливия поджимает губы, и я

готовлю себя к отказу. Почти вижу колёсики, вращающиеся в её голове, пока она пытается разобраться, ошибка ли я, как Майкл, или же тот, кто стоит риска.

Впервые за столь долгое время я хочу стоять риска.

Её пальцы оседают чуть выше пояса моих джинсов, обжигая подушечками через ткань моей рубашки.

Она наклоняется вперёд, прижимаясь губами к впадинке на моём горле.

— Я не хочу никаких границ, —
произносит она, опалая мою кожу
тёплым дыханием. — Не сегодня.

Глава двадцать девятая

Оливия

В прикосновениях Пола нет ничего нежного, и мне не хочется иного. После пары месяцев борьбы с жестокой и неконтролируемой потребностью в этом парне я хочу уступить ему.

Уступить *нам*.

Спустя полсекунды после того, как я дала ему зелёный свет, он вновь целует меня, смещая руки к моей талии и легко поднимая меня. Мои

ноги оборачиваются вокруг его торса, пока он накрывает руками мои бёдра и задницу, притягивая так близко, что я чувствую его твёрдость через наши джинсы.

Его губы тянутся ко мне, и если поцелуй, произошедший минутой ранее, был пылким, то этот мог объять нас пламенем. В его короткой стрижке не за что держаться, поэтому я завожу руку ему за шею, впиваясь пальцами в мягкую кожу, пока мечусь между тем, чтобы позволить ему расхищать и

проводить ожесточенное исследование самой.

Пол яростно отталкивает подбородком моё лицо в сторону, путешествуя губами по щеке и вдоль челюсти, задержавшись на мочке уха, прежде чем обрушиться на шею. Его губы и зубы мучают меня, пока мои бёдра не начинают упорно тереться об него. Уже через несколько секунд наше положение у двери спальни перестаёт давать нам обоим достаточно доступа.

В три шага он меняет нас

местами, двигаясь прямым к постели, и бросает меня на спину. Какая-то отдалённая часть моего мозга замечает, что его движения, со всей их непреклонной властью, не затруднены так, как пристало человеку с раненой ногой. Они принадлежат мужчине, желающему женщину. И этого мужчину явно желают в ответ.

На какой-то миг он опускает глаза, когда я смотрю на него, мы оба ловим дыхание, принимая всю *правильность* момента. Затем

одновременно приходим в движение: он тянется вниз, а я сажусь, вытянув руки.

Я ещё не знала, когда говорила об этом, но именно *это* я имела в виду, когда сказала, что искала «что-то» в поцелуе с Майклом. Я хотела эту неуловимую жажду по отношению к другому человеку. *Вот* она. Я жажду Пола. Только его.

Мои пальцы спускаются к пуговицам рубашки, срывая их, а его пальцы оказываются в моих волосах, оттягивая мою голову назад, чтобы

ОН МОГ ВИДЕТЬ, КАК Я СНИМАЮ С НЕГО рубашку — сначала с одного плеча, а потом и с другого.

Мои глаза цепляются за татуировку на его груди со стороны сердца. Я заметила незамысловатые чернила ещё раньше, когда мы спали вместе, но только сейчас набралась смелости наклониться и прижаться к ней губами.

— *Semper fi*?

— Сокращённо от *semper fidelis*

— «всегда верен». Это девиз морской пехоты.

Я с трудом глотаю. Меня почему-то преследует сентиментальность — наверное, только потому, что знаю, чего стоила ему эта неизменная верность.

— Не надо, — просит он, наклонившись, чтобы коснуться губами моего виска. — Не уходи туда, куда уводят тебя мысли.

Его губы снова захватывают мой рот, и я могу думать только о том, какой идеальный он на вкус, точно как сам Пол.

Когда его руки опускаются к

низу моей футболки, я вскидываю руки над головой.

Вы бы не назвали меня щедро одарённой. Во мне всегда было больше углов, чем изгибов, и я отчасти жалею, что сейчас на мне лифчик без пуш-апа, лишь с плоскими розовыми деми-чашечками.

Но потом Пол опускает взгляд на меня. И из-за него я чувствую себя красивой.

Он неторопливо проводит кончиками пальцем по моей грудной

клетке, отслеживая движения своих рук глазами, пока я сижу перед ним. Когда пальцы добираются до нижней части лифчика, его взгляд устремляется к моим глазам, становясь тёмным и затуманенным.

Я привлекаю его голову к себе, как раз когда его руки достигают моей груди, и мы оба стонем.

Он нависает надо мной, в то время как я заваливаюсь обратно на кровать и затем оказываюсь под ним, накрытая его телом, пока он держит мою голову для глубокого

требовательного поцелуя. Когда его руки сдвигаются мне за спину, я выгибаю спину, предоставляя доступ к застёжкам лифчика.

Из меня вырывается слабый смешок от того, как запросто он с ними справляется.

— Делал это раньше?

— Давненько уже не делал, — отвечает он с улыбкой. — *Очень* давно.

Сердце пропускает удар, когда до меня доходит сказанное им. Он не был ни с кем несколько лет. Не стану

врать, у меня улучшилось настроение.

— Очень плохо для женщин Мэна, — говорю я, спуская пальцы к пряжке его ремня. — Но хорошо для меня.

Из него вырывается стон, когда я скольжу рукой в джинсы, находя его твёрдым под боксёрами.

— Оливия.

Его голова свешивается, на долю секунды зависая над моим соском — он находит мой взгляд и облизывает кончик моей груди.

Я едва слышно хныкаю, заводя руку ему за затылок и придерживая, пока он сводит меня с ума своим ртом.

Пол отодвигается ровно настолько, чтобы мы оба успели избавиться от джинсов, оставшись в нижнем белье: он в голубых боксёрах, а я в трусиках бикини. Встав обратно на колени, он расплывается в улыбке, оглядывая меня.

— На тебе розовое бельё. Кто бы сомневался.

Он проводит пальцем по шнурку, поддевает пальцами тонкую ткань и стягивает по ногам.

Я голая перед Полом Лэнгдоном, и до сих пор ничто не казалось мне таким правильным.

Он изучает меня глазами, полными почтения, и я, лёжа совершенно неподвижно, позволяю ему.

— Ты прекрасна, — говорит он ставшим внезапно печальным голосом. — И заслуживаешь кого-то столь же красивого.

Моё сердце сжимается от выражения его лица, и я поднимаюсь, садясь перед ним на колени. После чего демонстрирую ему то, чего не могу объяснить словами. Я наклоняюсь и очень ласково целую тонкий рваный шрам, растянувшийся от его левого плеча к центру груди.

Он резко втягивает воздух.

— Не нужно.

Я не обращаю на него внимания, продолжая прокладывать дорожку из поцелуев вверх по шее,

задерживаясь на идеальной резкой линии его челюсти, прежде чем перейти к правой стороне.

Он напрягается, когда понимает, что я собираюсь сделать.

— *Не надо.*

Я нахожу его руки, прежде чем он успевает оттолкнуть меня, и нежно касаюсь губами первого шрама на его лице. То же самое повторяю и с двумя другими, каждым своим прикосновением давая ему понять, что для меня он совершенен.

А потом Пол обрушивает свой

рот на мои губы, толкая меня на спину. Его рука опускается между моих ног, обнаруживая меня влажной и жаждущей. Он отстраняется, избавляясь от боксёров, прежде чем вернуться, без предупреждения скользя в меня пальцем одним долгим движением.

— Тебе нужно быть уверенной, — произносит он хрипло у моей шеи, поглаживая меня пальцами. — Никаких сожалений завтра.

Сожалений? Сейчас это определённо самое далёкое от моего

разума, что только может быть, и я кладу руку на его эрекцию, чтобы это доказать.

Он чертыхается, а потом хватает меня за запястья и заводит мне их за голову.

— Я не могу медлить, Оливия. Не с тобой, не в этот первый раз. И я не обещаю нежности. Возможно, потом, — говорит он с тихим смешком.

Сердце чуть запинается от изумления — и радости, сверхрадости, — когда меня озаряет,

что он планирует «потом».

Я ёрзаю.

— Мне не хочется нежности.

Едва успеваю прошептать фразу, как он врывается в меня, мощно и быстро. Я тихонько ахаю от накатившего агрессивного удовольствия.

Он утыкается лицом мне в шею, бормоча ругательства, и неосвещённая комната заполняется звуками нашего отрывистого дыхания.

Затем я обнимаю ногами его

торс, и он теряет голову. Одной рукой продолжая держать мои запястья, другой он спускается вниз по моему бедру, под ягодицы. Я бессильно выкручиваю запястья над головой, желая коснуться его, но удерживает меня в тисках, оставляя полностью в своей милости, пока сам вбивает меня чуть ли не в изголовье.

— Господи, Оливия.

В ответ я отворачиваю голову, царапая зубами его шею и порочно улыбаясь, когда это подталкивает его к ещё более быстрому темпу.

Раньше я никогда не была такой
легкомысленной и дикой, и
складывается впечатление, будто он
выявил другую сторону меня, о
существовании которой мне было
неведомо. Та девушка, которая
думала, будто желает милых слов и
нежных поцелуев, исчезла. Я хочу
только *его*.

— Ещё, — шёпотом. —

Пожалуйста.

Пол стонет в ответ, выпуская
мои запястья, чтобы опустить руки к
моим коленям. Раздвигает их ещё

шире, перед тем как слегка приподнять голову. Ровно настолько, чтобы посмотреть вниз на меня тёмным аспидом горящих голубых глаз.

Потом вращает бёдрами один раз, второй, прижимаясь ко мне как надо. К разрядке я оказываюсь ближе, чем думала, и судя по тому, как он набрал скорость, не думаю, что на краю пропасти нахожусь я одна.

Тогда я понимаю, как глубоко мы можем потеряться в других

людях. В достаточной степени, чтобы наделать глупостей.

— Пол, — благодаря остаткам здравомыслия, я судорожно цепляюсь за его плечо. — Презерватив.

Он застывает.

— Чёрт. *Дерьмо.*

Я пытаюсь подавить стон разочарования, когда он покидает меня, отодвинувшись к джинсам и залезая в карман.

— Серьёзно? — осведомляюсь я с тихим задыхающимся смехом,

услышав знакомый звук
разрывающейся фольги. — Ты
носишь его с собой?

Он раскатывает презерватив и
награждает меня бессовестной
усмешкой.

— Каждый день с той ночи, как
полапал тебя в своей спальне. Я
думал, что лелею пустые мечты, но
очень рад, что это оказалось не так.

После чего он вновь
оказывается во мне, опустив ладони
на внутреннюю часть моих бёдер,
удерживая меня открытой и кричаще

уязвимой.

Его рука смещается к тому месту, где мы сливаемся, и находит большим пальцем мой клитор, выписывая крошечные узкие круги, и, клянусь Богом, я слепну.

А потом взрываюсь громким криком, едва признавая его своим.

Несколькими секундами позже мои руки вновь оказываются над головой. По-прежнему судорожно дыша, я прижата к постели всеми возможными способами, тогда как он движется всё жёстче, быстрее,

приковав взгляд к моим глазам, пока не зажмуривается. Его лицо — иллюстрация экстаза, когда он кончает во мне с хриплым стоном.

После чего меня придавливает весом, но я приветствую его, собственнически водя руками по его спине, прижимая к себе, пока мы оба отходим.

Никто из нас не заговаривает, но так даже лучше. Не знаю, какого чёрта мы могли бы сказать.

Ого.

Боже мой.

Давай повторим.

Пол, наконец, приходит в движение, задевая моё плечо губами, прежде чем уйти в ванную комнату.

Без него мне холодно, поэтому я собираюсь с силами, потянувшись за одеялом. Подумываю надеть пижаму или хотя бы нижнее бельё, но моё тело, по-моему, сейчас способно работать даже меньше мозга, так что вместо этого я сворачиваюсь под одеялом обнажённой.

Когда он возвращается из

ванной, я инстинктивно напрягаюсь, готовясь к тому, что он уйдёт, не сказав ни слова, или того хуже, скажет что-нибудь мудацкое, типа «спасибо».

Вместо этого он колеблется. Кажется... он нервничает. Явно не из-за наготы, ведь, кажется, он только рад выставить всё напоказ (и позвольте сказать, голый Пол Лэнгдон просто «вау»).

И тогда меня осеняет. Он не знает, приглашён ли остаться. А сам слишком боится спросить.

Я приподнимаю уголок одеяла в безмолвном приглашении.

Он преодолевает расстояние до кровати в три шага, залезает под одеяло и притягивает меня к себе. Целует нежным и в то же время настойчивым поцелуем, прежде чем лечь на спину и убрать руку в сторону, создавая для меня уютный уголок. Я с радостью занимаю его.

Мне ещё предстоит разговор. А пока что я стараюсь разобраться в случившемся со мной. Стараюсь разобраться в парне, вытащившем

наружу мою бесстыдную сторону.

Он тоже молчит, и на какой-то миг мне кажется, будто Пол уснул, но тогда он слегка поворачивает голову, прижавшись губами к моим волосам.

— У тебя, случайно, посторгазные обнимашки получаются не лучше?

Я улыбаюсь ему в грудь:

— Не-а.

Он преувеличенно вздыхает.

— Когда-нибудь мне, наверное, придётся связать тебя.

— Серьёзно? — я произношу

это застенчиво, подразнивая, но едва мои мысли смещаются в эту сторону, в голове тут же появляется полная, почти нестерпимо эротическая картинка, кода он нависает надо мной, пока я связана, и проходится языком по всему моему телу. А потом, возможно, когда я занимаюсь изучением, нависая над ним, пока *он* связан.

Пол заливается тихим смехом.

— Оливия Миддлтон, я верю, что под этой внешностью порядочной девочки ты прячешь

отчасти порочную сущность.

— Только с тобой, — отвечаю я, радуясь, что он не видит моих пылающих щёк, когда я делаю это признание.

Несколько мгновений Пол сохраняет тишину, и, когда заговаривает, я чувствую его улыбку.

— Другого я и не ожидал.

Глава тридцатая

Пол

У меня дежа вю. В хорошем смысле, ведь моё утро начинается в одной постели с потрясающей женщиной.

Вот только этот раз в тысячу раз лучше прошлого. В *этот* раз она обнажена. В *этот* раз я провёл всю ночь, занимаясь с ней любовью. В *этот* раз она в моей постели не для того, чтобы отгонять кошмары, а потому что после того, как мы

скрупулёзно запутали её простыни в третий раз, примерно около трёх ночи, она разрешила мне отнести её на кровать побольше — мою кровать.

Впрочем, дополнительное пространство никак не спасает меня от того, что она снова забирает всё пространство.

Я не могу справиться с глупой улыбкой, расплывающейся по моему лицу, когда я тянусь вниз и убираю с её щеки спутанную прядь. Сейчас она лежит на животе, одну руку вытянув в сторону, а другую

подложив под подушку. Одеяло съехало по её телу, и хватило бы малейшего усилия, чтобы выставить её зад на прохладный утренний воздух.

Джентльмен поправил бы его. Джентльмен подоткнул бы ей одеяло под самый подбородок и оставил бы рядом записку о том, что кофе уже готово.

Но я не джентльмен.

Я легонько тяну за одеяло и шлёпаю её по ягодице. Довольно слабо, сохраняя игривость, но с

достаточной силой, чтобы она
распахнула глаза.

— Что за... ты *серьёзно*? —
слабо вопрошает она, потянувшись
вниз и натягивая на себя одеяло. Я
снова стягиваю его назад.

— Надевай снаряжение,
Златовласка.

Она ворчит и шлёпает меня по
руке.

— Твоя очередная фантазия из
учебного лагеря, милый?

Не могу ничего с собой сделать.
Я слегка ухмыляюсь от того, как она

назвала меня, пусть это и чертовски глупо.

— Пора выдвигаться на пробежку, — я вытягиваю руку и включаю свет.

Она перекатывается на спину, забрасывая руки за голову. Поза весьма интересная, учитывая её нагую грудь, но я отказываюсь отвлекаться.

Медаль мне за это.

— Ты в курсе, что последние две недели вёл себя, как задница? — произносит она, не глядя на меня. —

Полностью игнорировал, закрывался от меня в каждой комнате, как невоспитанный шестилетка...

В меня врезается чувство вины. Очень даже заслуженной.

— Знаю, я...

Она задирает локоть и искоса смотрит на меня одним глазом.

— У меня ещё не всё. Я собиралась сказать, что единственный светлый лучик в твоём паршивом поведении, как раз и заключался в отсутствии этих дурацких пробежек ни свет ни заря.

Выцепив пальцем спортивный лифчик из лежащей рядом груды, я вывешиваю его прямо перед её лицом.

— Я приготовил все твои вещи.

Розовые.

Зелёные глаза прищуриваются.

— И мои розовые кроссовки тоже?

— Боже упаси. Я же сказал тебе, что со своей неправильной обувью ты только покалечишься.

— Но они такие милые, — бурчит она, вновь прикрывая локтем

глаза.

Потеряв терпение, я
оборачиваю рукой её талию,
перетягивая на край кровати, а потом
обеими руками ставлю на ноги.

Она пронзает меня взглядом.
Моя Оливия не ранняя пташка.

Моя Оливия.

Я игнорирую слабый перелив
тревожных звоночков от того,
насколько *правильно* это звучит.

Наклоняюсь и целую её в
носик.

— Хочу кое-что тебе показать.

Её глаза темнеют, и она тянется ко мне.

— Неужели?

Я смеюсь, перехватывая её запястья.

— Не в этом смысле. Нам нужно на улицу.

Она открывает рот, чтобы возразить, и я немного нетерпеливо сжимаю её пальцы.

— Прошу, — говорю я. — Это важно.

Сонное	негодование
неторопливо	сменяется

любопытством, и она вытягивает руку к куче шмоток для бега, которые я принёс из её комнаты.

— Тебе же лучше, чтобы это было что-то стоящее, Лэнгдон.

Снаружи темнее, чем обычно, но прохладно и ясно— словом, идеально.

Она сбегает за мной по ступенькам, когда мы направляемся к тропинке, как и десятки раз раньше. Если она и заметила отсутствие трости, то ничего не сказала. Я хожу без неё уже несколько недель, но она

никогда не видела меня без неё на наших прогулках/пробежках.

— Надеюсь, это не какой-то новый диковинный вид жучков или птичье гнездо на тропе, — ворчит она. — Меня бы вряд ли взволновало это даже среди дня, что уж говорить об утре, когда я проспала всего два часа...

Я чуть было не напоминаю ей, что не выспалась она по хорошей причине. «По *нескольким* хорошим причинам», — мысленно исправляюсь я, вспоминая, как

креативны мы были прошлой ночью. Вместо этого накрываю рукой её рот, прекращая капризную болтовню.

— Заткнись. Просто замолчи и понаблюдай за мной.

Я неспешно убираю руку, обрадовавшись тому, что она наконец затихла.

И чёрт возьми... у меня сердце колотится. Почему я не подумал о том, как тяжело это будет?

Но я в долгу перед ней. В долгу перед собой.

Очень медленно повернувшись

к тропинке, я начинаю бежать.

В те последние несколько дней, пока я избегал Оливию, я добавил в свои ежедневные тренировки беговую дорожку. Как результат, с каждым днём бежать мне становилось чуточку легче, но удивление до сих пор не прошло.

Я же бегу.

Я не могу заставить себя обернуться. Слишком боюсь, что она не поймёт. Что в её глазах я выгляжу просто каким-то едва бегущим чуваком— большое дело. Боюсь, она

Едва заметно, боясь сбиться, я поворачиваю голову, чтобы взглянуть на неё.

По её лицу стекают слёзы. «Радости», — догадываюсь я. Она понимает.

Не могу скрыть улыбки. Да и не пытаюсь. Если бежать после трёхлетнего перерыва хорошо, то улыбаться, кажется, даже лучше. Ещё один повод поблагодарить её.

Мы бежим целую вечность. По крайней мере, так кажется. Мы не останавливаемся, пока не

добираемся до сужающейся части, уводящей в лес. Здесь более уединённо, и, наверное, именно в этом месте Оливия обычно поворачивает во время пробежки, потому что она замедляется до шага, прежде чем, уперев руки в бёдра, двинуться к деревьям, переводя дыхание и глядя на водную гладь.

Я следую за ней, и на несколько мгновений мы остаёмся стоять в дружеской тишине, пока мрак ночи переходит в серость раннего утра.

— Как ощущения? —

интересуется она, чуть повернув голову так, чтобы я мог разглядеть её профиль.

Позволить Оливии заговорить первой было правильным поступком. Другой на её месте бросил бы мне приторную дрянь, типа: *«Я знала, что у тебя получится!»* или *«Видишь? Тебе просто нужно было настроиться!»*.

И когда она спрашивает об ощущениях, я знаю, что она говорит не о ноге, с которой, кстати, всё

прекрасно, не считая, разве что, небольшого ухудшения по сравнению с состоянием до ранения. Она спрашивает, какие ощущения у *меня*. Каково моей *душе* (если вам так хочется добавить вычурности) теперь, когда я снова бегу.

— Потрясающе, — я слегка опускаю голову, оставляя поцелуй на её обнажённом плече. Ей нравится надевать на пробежку топики, которые я нахожу довольно горячими, если не смешными. Впрочем, думаю, это ничем не

отличается от моей любви к пробежкам в шортах.

Она тихонько втягивает воздух, и я жду, что она отстранится, подняв шум из-за того, что вся потная или ещё какой-нибудь девчачьей глупости, но она лишь наклоняет голову в сторону, приводя в движение свой конский хвост.

— Это невероятно, — произношу я, вновь касаясь губами её кожи и задерживаясь. — Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Она издаёт мурлыкающий звук.

Я подступаю ближе к ней, и теперь моя грудь прижимается вплотную к её спине, а бёдра — к её ягодицам. Чуть повернув голову, на сей раз я оставляю поцелуй на мягкой части, где плечо встречается с её шеей, и там шепчу правду:

— Не знаю, как без этого жить.

Речь уже не о беге. Я говорю о ней. О нас. И когда Оливия откидывается головой назад, с судорожным вздохом укладывая её мне на плечо, я понимаю, что она это знает.

Я нежно, но уверенно
накручиваю хвост на руку,
поворачивая её лицом ко мне.
Продолжаю думать, что в этот раз у
меня получится коснуться,
попробовать её, не погрузившись в
омут с головой. И ошибаюсь.
Поцелуй накаляется и становится
настойчивым в ту же секунду, как
встречаются наши губы. Одна рука
по-прежнему запущена в волосы
Оливии, а другую опускаю ей на
живот и удерживаю её приклеенной
ко мне, пока одна из её ладоней

взлетает вверх, цепляясь за мою шею.

Мне никогда не приходило в голову, что обжиматься в лесу, когда мы оба потные, может быть эротично, но горячий поцелуй стремительно переходит к жгучему, и я уже подталкиваю её с дорожки к недостаточно-уединённому лесу. Оливия силится повернуться ко мне, но я, будто зверь, который не может контролировать себя, продолжаю приковывать её спиной к моей груди, пока она не оказывается зажатой между мной и деревом.

Я не могу контролировать себя.

Не отпускаю её волосы, отказываясь позволять нашим ртам разорвать контакт, хотя она, кажется, не возражает, стремясь своим языком к моему, несмотря на то, что её руки припечатаны к стволу дерева.

Мои пальцы проникают под ткань её майки, касаясь влажной кожи от пояса штанов для бега до тугой резинки спортивного лифчика, но отказываясь трогать грудь, пока она не взмолится.

Много времени не проходит.

Она, задохнувшись, прерывает наш поцелуй.

— Коснись меня.

Я освобождаю хвост, разрешая её голове упасть мне на плечо, пока сам неистово скольжу руками по её груди, ладонями массируя через ткань соски, пока мы оба не теряем голову.

Наблюдая, как она извивается в своём спортивном лифчике, я уже знаю, что мне не хватит терпения снять его, поэтому, когда мне уже невмоготу обходиться без

прикосновений к её коже, я дёргаю резинку, обвивающую грудную клетку, вверх, нахожу пальцами её маленькие тугие соски и перекаत्याю их.

Наше отрывистое дыхание заполняет утреннюю тишину. Вряд ли кто-то станет здесь проходить, но сама мысль о том, что это *возможно*, делает ситуацию накалённой.

Я запускаю руку в её шорты, всецело намереваясь доволствоваться лишь поддразниванием её через ткань

бледно-розовых трусиков, которые определённо надеты на ней. Но этот план улетает в трубу, когда я чувствую, какая она мокрая, даже через ткань, и меня хватает всего на несколько дразнящих поглаживаний, прежде чем мои пальцы забираются под кружево, погружаясь в её скользкую влажность.

Оливия издаёт тихие мяукающие звуки, которые мне ещё не доводилось от неё слышать, и я обнаруживаю, что улыбаюсь, несмотря на стояк, который,

кажется, готов прорваться через шорты. Я обожаю, как она получает удовольствие от моих пальцев посреди улицы, прижатая к дереву. Во всех других отношениях Оливия прилежная девушка, но не в этом, не с моими пальцами на её клиторе и членом, вдавливающимся в её зад.

И я люблю это в ней. Дерьмо. Кажется, я *всё* в ней люблю.

Её дыхание учащается, но она хватает меня за запястье.

— Я хочу тебя внутри.

Я издаю разочарованный стон.

— Презерватива нет.

Она качает головой.

— Я на таблетках.

В её голосе слышится сомнение. Она спрашивает, есть ли нам о чём беспокоиться. То, о чём прошлой ночью мы даже не задумывались спросить.

В ответ я стаскиваю её шорты и трусики, делая то же самое и со своими шортами, а потом мешкаю, желая дать ей больше секса у дерева со свисающей с лодыжек тренировочной одеждой, но затем

она вдруг наклоняется вперёд, упирается ладонями в дерево, выгибает спину и бросает на меня через плечо похотливый взгляд исподлобья. Она хочет этого. А я до чёртиков хочу её.

Я хватаюсь за её бёдра, погружаясь в неё с такой силой, что она ловит ртом воздух. Затем, крепче взявшись за грёбаное дерево, она толкается навстречу ко мне, пока я беру её снова и снова, проводя руками по её бёдрам, заднице и вверх к груди, пока, наконец, не возвращаю

их обратно вниз, где ласкаю её так, что у неё едет крыша.

Мне хочется, чтобы это длилось вечно, но мы зашли слишком далеко, и как только она вскрикивает, я следую напрямик за ней, освобождаясь так сильно, как никогда раньше, пока она сжимается вокруг меня.

Срань.

Господня.

Она почти заваливается на дерево, и на какой-то миг мне хватает сил только на то, чтобы

опустить лоб между её лопатками, прежде чем я заставляю себя двигаться, натянув шорты сначала на неё, а потом и на себя.

Я поворачиваю её лицом к себе, привлекая поближе.

После того, что мы только что сделали, целомудренные объятия кажутся почти до смешного скучными, и, наверное, она тоже так думает, потому что вдруг начинает хихикать у моей груди.

— О Господи.

Я смеюсь вместе с ней.

— Итак. Это случилось.

Она запрокидывает голову, чтобы взглянуть на меня взглядом, близким к обожанию, и я чувствую такой сильный удар жажды, что он почти выбивает воздух из моих лёгких. Жажда не по её телу... Впрочем, она всегда здесь, где-то прямо под поверхностью. А жажда по *ней*, её смеху и тому, как легко она ждёт от меня добра, потому что думает, что я хороший.

Где-то глубоко внутри демон увещевает меня, что я её разочарую.

Что я разрушу её. Но впервые со времён Афганистана я задвигаю эту мысль подальше. Впервые я позволяю себе поверить, что моё прошлое — мои шрамы — не определяют меня.

Я целую её в лоб.

— Готова бежать обратно?

— Эм, только если у этих уродливых кроссовок, которые ты купил мне, есть встроенные колёсики. Или крылья. Я не могу бежать после *такого*, — произносит она, едва заметно кивая в сторону

дерева.

Я притворно вздыхаю и протягиваю ей руку.

— Идёшь?

Она без колебаний принимает мою руку, сплетая свои пальцы с моими.

Последние три года я думал, что нет в мире ощущения лучше, чем возможность вновь начать бегать. Но я ошибался.

Гулять за руку с Оливией лучше.

Глава тридцать первая

Оливия

Мне по-прежнему, как ничто другое, нравится проводить послеобеденное время перед камином в компании Пола. Вот только теперь, когда всё изменилось, то большое кожаное кресло не кажется мне таким идеальным, чтобы уютиться на нём.

Я довольствуюсь, закидывая ноги ему на колени, пока мы читаем. И, кажется, он ничего не имеет

против.

Одной рукой он монотонно переворачивает страницы своей книги, другой — то поглаживает свод моей ступни, то потягивает чай, который я сделала для нас. Не так давно на его месте был алкоголь. Пол по-прежнему пьёт его время от времени, но теперь это, скорее, второстепенное, а не опора, необходимая ему в течение дня.

Куда ни глянь, я вижу лишь прогресс. Не то чтобы Пол является для меня каким-то проектом. Больше

нет. Теперь он не вершина, которую мне нужно покорить, чтобы одолеть собственных демонов и отработать зарплату. Он *человек*.

Тот, к кому я равнодушна настолько, что это начинает меня беспокоить.

Улыбка едва заметно тухнет, пока я пытаюсь отбиться от этих мыслей. Но они не поддаются мне, поэтому я принуждаю себя встретиться с правдой лицом к лицу. Ну и что, что мы не обменялись словами любви? Мне двадцать два. Я

уже не нуждаюсь в заверениях о бесконечной преданности, кольце или в долгих разговорах о «нас», которые сводят парней с ума.

Но намёк на то, что между нами происходит, был бы кстати. Всего лишь намёк.

— Ты хмуришься, — лениво замечает Пол, по большей части концентрируясь на книге.

— Биография Эндрю Джексона навела на размышления, — лгу я.

— Угу. Да ты прямо оторваться не можешь, — произносит он,

указывая взглядом. Пол ссылается на то, что я осилила лишь десятую часть, хотя начала её больше двух месяцев назад.

Я уже открываю рот, чтобы парировать, будто наслаждаюсь ей, но вдруг захлопываю книгу.

— Ладно, хорошо. Она мне не нравится, — я бросаю тяжеленный фолиант на край стола с недовольным видом. — *Я пыталась* сделать так, чтобы она мне понравилась. И да, *по идее* она должна мне нравится, ведь это

обогатит мой ум, и всё такое, но я умираю от скуки.

Он поджимает губы, будто скрывая улыбку, и я прищуриваюсь, глядя на него.

— Ну давай. Осуждай, — предлагаю я.

Пол передёргивает плечами.

— Даже не собирался. Просто гадал, сколько тебе понадобится времени на признание того, что ты не втянулась.

— Ты, похоже, думаешь, что мне нравится читать только журналы

про знаменитостей, — ворчу я.

— Не правда, — отвечает он, щипая меня за большой палец. — Сделай перерыв. Биографии не для всех. Ты сможешь найти несколько тем, которые придутся тебе по душе. Могу посоветовать пару книг из тех, что у меня есть.

Я киваю движением головы, лишённым и толики энтузиазма, и Пол внимательно изучает меня какое-то время, прежде чем закрыть свою книгу.

— Окей. У тебя на уме не

только книга. Давай послушаем.

Я улыбаюсь.

— Знаешь, для человека, который столько времени ни с кем не встречался, ты умеешь понимать женщин.

— Как и кататься на байке, — произносит он. — Только то чуть пострашнее. Но если серьёзно, в чём дело?

— Сама толком не знаю, — говорю я, честно отвечая ему. — Видимо, нет настроения для книг.

Пристроив на мою ногу уже обе

руки, он массирует её сильными разминающими движениями, и ощущения от этого потрясающие.

— Хорошо. Значит, давай поговорим.

Я одариваю его насмешливой улыбкой.

— В чём подвох?

— Никакого подвоха. Хотя, честно говоря, это не совсем правда. Позже я собирался выклянчить в обмен на разговор минет.

Я возвожу к глаза потолку.

— Самое грустное, что это

шутка лишь наполовину.

— Даже меньше, если честно.

Мне *очень* нравится минет.

— Я в шоке. В полном.

— А теперь серьёзно, Миддлтон. Скажи, что у тебя на уме, или спроси. От твоих душевных терзаний у меня изжога.

Я едва не произношу, что он может вернуться к чтению, и что, да, я бы *очень хотела*, чтобы он посоветовал мне другую книгу. Желательно такую, которая бы не оказывала на меня такой сильный

эффект колыбельной, как эта биография.

Но мне *хочется* поговорить. Только я не стану спрашивать его о нас. Не просто потому, что не хочу видеть его передёргивание, а ещё и потому, что ужасно боюсь услышать ответ, который могу получить. Я не готова узнать, что он считает наши отношения всего лишь весёлой интрижкой, которая помогла ему выбраться с тёмной стороны.

— Расскажи мне о том, что произошло, — выпаливаю я. — В

Афганистане.

Мой разум на миг заполняет пустота, как и его лицо, и я прикрываю рот рукой.

— Прости. Я просто... Не знаю, почему так грубо это бросила.

Губы Пола изгибаются, а вместе с ними движутся и шрамы.

— Ты спросила, потому что хочешь знать.

Я открываю рот, чтобы сказать ему, что это не моё дело и он сам расскажет мне, когда будет готов. Но потом вспоминаю сказанное им в тот

день, когда он узнал, что я прогуглила его. Вспоминаю, почему он так вышел из себя. Пол сказал, что никто никогда не спрашивает его о том, что случилось, как человек человека.

А я только что сделала это, поэтому... Задерживаю дыхание. *Пожалуйста, пусть это будет оно.*

Он слегка подаётся вперёд, скользя руками по моим икрам. Мы оба наблюдаем за движением его рук, прежде чем он неторопливо поднимает взгляд, встречаясь со

мною глазами.

— Я хочу рассказать тебе. Хочу, чтобы это была ты.

Его глаза полны доверия, отчего у меня сжимается сердце. И тогда я понимаю.

Я люблю его.

Не той простой любовью, которой любила Итана, или той тёплой, незамысловатой, которую испытывала к Майклу как к другу.

Я люблю Пола, *человека*.
Люблю его мрачность и его тени.
Люблю его улыбку и доброту,

которую он так усиленно старается скрыть. Люблю мальчишку-квотербека под личиной ветерана войны и люблю покрытую шрамами правую сторону его лица даже больше, чем идеальную левую.

Я люблю его.

И благодаря этой любви я делаю самое тяжёлое, что мне когда-либо приходилось делать. Позволяю ему рассказать свою историю, хотя и понимаю, что уродству того, что он может мне сказать, по силам разорвать меня на части.

Я начинаю спускать ноги, чтобы сесть прямо, но он останавливает меня руками, продолжая водить пальцами вверх и вниз по моим икрам, отвернув голову к камину.

— Расскажи, что ты знаешь, — тихо просит он.

— Немногое. В том заголовке... там упоминалось, что ты и твоя группа были взяты... что вас пытали. Но рассказано было мало.

Его глаза чуть опускаются.

— Из-за отсутствия

информации может показаться, что всё хуже, чем было на самом деле. Но, касательно произошедшего, мне повезло.

У меня глаза вылезли из орбит.

— Повезло? Слова «*пытка*» и «*повезло*» в одном предложении вообще употреблять нельзя.

— Я...

Я наклоняюсь вперёд, накрывая ладонями его руки, чтобы соединить наши пальцы.

— Начни сначала. Расскажи так мало или так много, как сам

захочешь.

Он делает глубокий вдох. И начинает говорить.

Он рассказывает мне о том, что пробыл в Афганистане всего пять месяцев, но, как бы дико это не представлялось, те дни стали чуть ли не рутиной. Жизнь на базе была однообразной, но не ужасной.

Он поведал мне о том, как поначалу его сердце заходило в груди на каждой вылазке, но со временем это тоже стало обыденностью.

— Кажется, я знал, — потом говорит он. — Думаю, я откуда-то *знал*, проснувшись в тот день, что на этот раз всё будет по-другому. Мы с парнями заключили уговор. Не важно, насколько сильна была скука, насколько дерьмова погода, как сильно нам не хватало домашней жизни, печенья «Орео» или наших девушек... мы не говорили о плохом. Понимаешь? Типа негласной силы позитивного мышления или какой-то такой чепухи. Если мы не *говорили* о том, как всё отстойно, то и не

думали об этом.

Я понимающе киваю, хотя на собственном жизненном опыте ни о чём таком не знаю.

— Но в тот день Уильямс не сдержался. Мы были на ежедневном патруле, и он сказал что-то о том, как жарко. Вроде бы безобидное замечание. Но тогда ничего не казалось безобидным, и мы, как суеверные болваны, набросились на него, чтобы он нас не спазил. Мы всё ещё давали ему по мозгам из-за этого, когда нам пришлось

остановиться. Там... на обочине лежали тела. Две женщины и ребёнок...

Он смолкает, а я сглатываю от страха.

— Одна женщина была мертва. По крайней мере, я так думал. Нам не представилось шанса узнать. Но ребёнок... это был малыш, возможно, лет шести, и он плакал, указывая на тела. Одна из женщин с трудом подняла голову, но достаточно, чтобы мы увидели, что она вся в крови, а её рука слабо махнула на мальчишку,

будто бы умоляя нас о помощи. Что-то вроде «заберите его, помогите ему». Мы находились посреди грёбанного нигде, и окружала нас одна лишь *пустота*. Ребёнок бы погиб... они все погибли бы.

Пол вновь затих, а я едва дышу, боясь одним неверным движением вновь вынудить его закрыться в себе, давая этой истории выход только в кошмарах.

— Мы попали в ловушку. Хочется верить, что они не были добровольными сообщниками —

кровь на лице той женщины была настоящей, как и страх в глазах ребёнка. Он был действительно напуган. Но боевики напали на нас до того, как мы успели до него добраться.

Я прикрываю глаза.

— Больше всего мне не даёт покоя, что я так и не узнал, что с ними случилось, — почти рассеяно говорит Пол. — С военной точки зрения они были лишь катализатором того, что произошло дальше. Но с человеческой — ну, *людьми*.

Он аккуратно отводит мои ноги в сторону и отходит подбросить в камин ещё одно полено, хоть это и не нужно. Его руки находят каминную полку, скользя пальцами вдоль дерева — туда и обратно, — будто бы этот жест успокаивает его мысли.

— Они появились из ниоткуда. Понятия не имею, откуда они пришли, потому что, как я и сказал... вокруг настолько миль, насколько я мог видеть, не было ничего. Но они устроили нам засаду. Это случилось так чертовски быстро, Оливия. В

одну секунду мы думали: «Ох, бедный ребёнок», — а в следующую... Уильямс упал первым. Он стоял передо мной и, кажется, я видел, как он падал... увидел его кровь до того, как узнал звук выстрелов.

Я сжимаю губы, желая сказать ему, что он не обязан продолжать, но понимаю, что в каком-то смысле Полу это нужно.

— В тот день нас было шестеро, и четверо парней погибли за одну минуту. Столько тренировок,

столько оружия, но когда дело доходит до тебя, пуль и плохих парней, то хватает одной минуты. Я проигрываю тот момент... *снова* и *снова*, и не могу взять в толк, почему они не убили нас всех. Думаю, это входило в их план, потому что и я, и Алекс получили по пуле. У меня глупая рана на ноге и ещё одна в плече. А у него... они выстрелили Алексу в живот. Хуже быть просто не может. И ты знаешь, что это самое худшее, но не осознаёшь полностью, пока не видишь собственными

глазами. Пока не видишь агонию на лице, ты не понимаешь, что лучше схватить пулю прямо в сердце или промеж глаз.

Алекс. Его имя он кричит во сне. Мне кажется, что меня сейчас стошнит, пусть я и понимаю, что мы ещё не дошли до конца.

Он продолжает.

— Почти не осознавая боли в ноге, я повернулся открыть огонь, прежде чем до меня дошло, что моё плечо не может нормально функционировать. Но это всё равно

не сыграло бы никакой роли. Алекс звал меня, когда они двинулись к нам, он просто... у него на лице был шок. Он лежал там весь в грязи, наполовину прикрывая тело Клински, и смотрел на меня, будто спрашивая: «*Что происходит?*»

Пол тяжело сглатывает.

— Я хочу сказать, какого хрена можно сделать, когда твой друг сидит с кровавым месивом вместо живота? Что тут можно сказать? *Ты умираешь, чувак. Мы все уже не жильцы.* И потом эти придурки

схватили нас. Их было всего четверо. Мне стыдно признать, что я оказался недостаточно ловок, чтобы начать стрельбу, когда они настигли нас. В меня прилетело несколько пуль, но последнее, что я помню на той пустынной дороге, — это секундное ощущение, будто мне расшибли башку.

Я встаю на ноги, перемещаюсь ему за спину и прислоняюсь к ней щекой, обнимая руками за талию. Одна из его ладоней накрывает их, и он продолжает говорить, но теперь

слова вылетают быстрее, будто мы приближаемся к концу истории.

— Когда я пришёл в себя, мы находились в тёмной комнате, пропахшей дерьмом и кровью. Я был связан, а рядом со мной...

Дыхание Пола становится рваным.

— Рядом со мной был Алекс. Они не связали его. Наверное, потому что к тому моменту он... осталось ждать недолго. Даже не знаю, как он так долго продержался.

Слёзы покатались по моим

щекам от боли в его голосе.

— Знаешь, что самое дерьмовое, Оливия? Когда они пришли ко мне с тем ножом, думаю, они хотели только причинить мне боль. А после всего случившегося... всем казалось, что им было что-то нужно от меня. Информация или что-то такое. Но, по-моему, они просто хотели заявить о себе. Смеялись, когда самый мелкий, от дыхания которого несло чем-то сдохшим, подобрался к моему лицу и приставил к щеке зазубренное

лезвие.

Я пальцами впиваюсь ему в живот, желая попросить его остановиться.

— Было больно. Это низко, если брать в расчёт, что я только что видел, как умирают мои друзья, но когда эти ушлёпки вырезали те линии на моём лице, будто на куске мяса, мне было *больно*. Больше, чем от тройки пуль в голени и в плече.

У меня не получается сдерживать рыдания, и он поворачивается ко мне лицом, сгребая меня в объятия, будто

это мне нужно утешение, а не ему.

— Как... — мой голос надламывается, и я, облизнув губы, пробую ещё раз. — Как ты выбрался?

Он продолжительно выдыхает, ероша меня по волосам.

— Хотелось бы сказать, что это благодаря моему гениальному умению импровизировать, но я буквально был закован там, как животное на убой. Всё сделал Алекс.

Теперь голос срывается у Пола.

— Он был жив. Едва. Но всё же жив. Двое афганцев вышли зачем-то

из комнаты, и остался только тот парень, который выбивал из меня дерьмо. Идиот был так занят, смеясь и восторгаясь своей работой, проделанной на моём лице, что даже отреагировать не успел, когда Алекс выхватил пушку у него из-под ремня и выстрелил ему промеж глаз. В комнату ту же набежали остальные, как пара клоунов. Алекс застрелил и их. Они не были профессионалами, Лив. Просто жалкими, заскучавшими шакалами, до чёртиков возмущёнными одним нашим

присутствием. Мы нужны были им только для развлечения. Но это не значит, что они не были умнее или быстрее. Пистолету не важно, кто спустит курок, это доказывала пуля в животе Алекса, уничтожившая его изнутри.

В горле пересыхает, и я не в первый раз задумываюсь над тем, как ничтожны мои проблемы в сравнении с его. В сравнении с проблемами *любого* солдата.

Руки Пола движутся сверху вниз по моей спине, пока он

продолжает рассказ.

— Все газеты называют произошедшее пыткой. Им нужно было как-то объяснить моё лицо и причину, из-за которой на той обочине погибли не все. Но всё сложилось не так плохо, как могло бы. Не для меня.

— Пол. Не принижай то, через что тебе пришлось пройти.

Он выдаёт грустную улыбку.

— Но я жив, Оливия. Неужели ты не понимаешь? Я жив, а они — нет.

— Что случилось... после? — спрашиваю я. Вряд ли мне хочется это знать, но я понимаю, что ему нужно выговориться.

Пол тяжело сглатывает.

— Алекс умер у меня на глазах. Он умер с пистолетом в руках, а я даже не мог к нему подойти. Я пытался, — на сей раз его голос ломается. — Тянул и тянул чёртовы верёвки, кричал его грёбаное имя, просил держаться, говорил, что помогу ему. Но я не помог. Он просто рухнул на землю, а изо рта у него

потекла кровь. Только его взгляд был устремлён на меня.

Теперь я плачу в полную силу. Реальность оказалась гораздо хуже, чем я представляла, а представляла я многое.

Он продолжает:

— Знаешь, как в фильмах, там всегда видно секунду, когда жизнь уходит? Будто глаза у людей просто... меняются? Мне было непонятно. Алекс лежал, глядя на меня, а я *даже не смог понять, когда он умер.*

Я сильнее стискиваю его в

объятыях, пусть и понимаю, что это не уймёт его боль.

— Они нашли нас на следующий день. Грёбаная кавалерия появилась слишком поздно. Наверное, мне стоит быть благодарным за то, что они меня нашли. В госпитале мне сказали, что какие-то дети дали им наводку на «окровавленных мёртвых белых парней», но, если честно, я ничего не помнил из спасательной миссии и не горел желанием задавать какие-либо вопросы.

На мгновение Пол погружается в тишину, но потом продолжает:

— Меня ещё очень долго ничего не интересовало. Ни медицинское чудо, которое они сотворили с моей ногой. Ни пластический хирург, которого нанял отец, чтобы сделать всё возможное с моим лицом. Я начал что-то чувствовать, лишь когда меня пришла проведать жена Алекса.

Сердце застряло в горле.

— Он был женат?

Пол отстраняется, чтобы

взглянуть на меня.

— На Аманде. Они были вместе с пятнадцати лет. Я как-то видел её в Корпусе Морской Пехоты. Она идеально ему подходила. Кругленькая, милая, замечательная.

Я утираю нос рукавом.

— У него был ребёнок, Оливия. Малышка по имени Лили, и она ужасно больна. Рак с дерьмовыми вариантами лечения или ещё более дерьмовым прогнозом.

Он отодвигается, после чего опускает на меня взгляд блестящих

от слёз глаз.

— Я делаю всё возможное, чтобы помочь им. Чеки, которые я получаю от отца... они предназначены не мне. Никогда не были. Но деньги не займут место Алекса. Они не займут места никого из тех, кто там умирает.

— Пол...

— Я солгал ей, Оливия. Сказал Аманде, что Алекс умер достойно, и это было правдой. Но я сказал ей и то, что это произошло быстро и он не мучился. Кажется, она знала, что я

лгу, но крепко держала меня за руку и поблагодарила, хотя это я вернулся домой, а не её муж. Я... Я уверил её, будто он сказал, что любил её. У него не было сил на последние слова, поэтому их придумал я. Я выдумал слова умирающего, Оливия.

Я беру в руки его лицо, большим пальцем ласково поглаживая шрамы.

— Ты хорошо справился, Пол. Ты поступил правильно по отношению к своему другу и его семье. Он хотел бы, чтобы у его

Аманды была такая крупица добра.

Он хрипло смеётся, будто не верит. Но даёт мне обнимать себя, когда начинает плакать.

И пока что этого достаточно.

Глава тридцать вторая

Пол

— Не думала, что это возможно, но твоя девушка с каждым разом играет в дартс всё хуже и хуже, — сообщает Кали, поставив ещё одно пиво рядом, прежде чем плюхнуться на стул рядом.

Мы в баре уже около двух часов, и Кали то убегает присмотреть за баром, то возвращается к нам в заднюю часть помещения.

Целую минуту до меня доходит,

что я не пришёл в ужас при слове «*девушка*». Оливия не моя девушка. Она моя...

Чёрт. Понятия не имею, кто она, но *девушка* — и преуменьшение, и преувеличение одновременно. Оливия значит больше.

И ещё у нас нет будущего. Или есть? Я не разрешаю себе много думать об этом. После того вечера у камина, когда я рассказал ей обо всём, отношения между нами стали... замечательными. Об этом я тоже почти не разрешаю себе думать.

Я не лгал, когда рассказывал Оливии о том, как мы не признавали всё плохое в Афганистане, боясь сглазить. А сейчас? Сейчас я был в ещё большем ужасе от перспективы навлечь несчастье на то, что есть у нас с Оливией, разговорами о хорошем.

И всё *действительно* хорошо. Абсолютно. Секс, разговоры, совместные пробежки. Я даже обожаю её особый стиль обнимашек, во всяком случае, пока её конечности избегают моих жизненно важных

органов. Она для меня всё.

Но я не говорю об этом. Не могу.

— Уф, только *не* начинай эту свою штуку с задумчивостью, — просит Кали, глотнув пива. — Ты вообще хоть имеешь представление, как круто изменился с той первой ночи, когда ты пришёл сюда и подрался с кучкой выпендрёжников? Больше *не смей* отставлять нас и возвращаться в то состояние.

Оливия издаёт возмущённый стон у мишени, и я качаю головой,

понимая, что, несмотря на специальное обучение, произведённое Дарси «Дротик» Мартинез, Кали права. Результаты Оливии и вправду с каждым разом ухудшаются.

Но ей весело. И, на удивление, мне тоже.

— Уже лучше, — произносит Кали, махнув пальцем на мою улыбку. — Ты каждый раз так делаешь, когда смотришь на неё, знаешь? Улыбаешься.

Я отталкиваю её палец.

— Прекрати, ты начинаешь походить на скверную валентинку.

Кали заваливается на спинку своего стула.

— Просто это так романтично. Прекрасный ангел, ринувшийся спасти угрюмого мудака, который, пожалуй, к тому же, ещё и жуткий затворник.

— Уродливого. Не забывай про уродливость, — добавляю без горячности.

— Не-а, — отзывается она, благодарно кивая одному из своих

работников, принёсшему ей ром и диетическую колу. — Раньше ты был *чересчур* красив. Даже есть было трудно рядом с таким тошнотворным совершенством. А теперь ты поднабрался характера. Тебе идёт.

— Ты флиртуешь со мной, Кэл?

— Не сегодня. Хотя, признаю, у меня *было* несколько фантазий о том, как мы сталкиваемся после стольких лет, и ты млеешь пред моей красотой, осознав, что именно я всегда была той самой единственной.

— Неужели? — осведомляюсь

я, опасливо глянув на неё. У Кали всегда было раздражающая способность говорить невообразимо милым и искренним голосом, на который ты ведёшься и только потом понимаешь, что всё это время она просто издевалась над тобой.

— Вроде того, — отвечает она, кратко улыбнувшись. — Но, скажем, я отказалась от этих фантазий спустя пару месяцев после того, как твой отец купил летний дом, который вы раньше арендовали. Всё думала, что ты однажды покажешься во

«Френчи» или у дверей моего дома. Но тебя всё не было и не было. Ты даже не позвонил.

Я морщусь.

— Прости.

Но слов, кажется, недостаточно. Я закрылся не только ото всех, но и от неё, хотя она была мне хорошим другом. Не знаю, как описать, каким потерянным я был — сейчас всё прозвучит оправданием. И я понятия не имею, как объяснить, что изменилось.

Просто не знаю, как сказать

кому-то, даже такому хорошему другу вроде Кали, что нечто такое простое, как прикосновения Оливии и её улыбка, растопило то, от чего не могли избавиться столько психотерапевтов.

— Прости, — повторяю я.

Кали ненадолго накрывает мою руку своей ладонью.

— Всё нормально, — говорю я.

— Просто скажу, что рада видеть тебя, и оставим всё как есть.

Я одариваю её благодарной улыбкой. Не только за понимание, но

и за то, что она включила нас с Оливией в свой круг общения. Впервые за долгие годы у меня появились друзья. Несколько ребят, с которыми можно перехватить по пиву. Мы не заплетаем друг другу косички или типа того, но они знали меня до того, как я превратился в уродливого ублюдка и, похоже, не противятся отсутствию моей бывшей красоты.

Оливия практически припрыгивает к нашему столику, взбодораженная дротиком, задевшим

мишень. Едва ли задевшим.

— Кажется, у меня стало лучше получаться! — щебечет она.

— Нет, — произносит Кали, делая глоток своего напитка. — Ты пришла сюда уже четвёртый раз за неделю и не добилаь никакого прогресса, *буквально*. Честно говоря, это нереально.

Оливия морщит носик в ответ Кали и отпивает вина.

— Не вынуждай меня становиться клиентом в другом месте, где персонал окажет моим

спортивным навыкам бóльшую поддержку.

Кали задирает палец вверх.

— Во-первых, дартс — не спорт. Во-вторых, если тебе удастся найти другой бар, не только работающий в межсезонье, но и подающий вино, как у меня, то дерзай.

— Это правда, — подтверждаю я, наклонив голову к Кали. — «Френчмэн Бэй» — явно не мекка ночной жизни в зимний период.

— Нам всем нужно поехать в

Портленд, — заявляет Оливия, взволновано подавшись вперёд.

— Да! — восклицает Кали, одновременно с тем, как я выдаю:

— Ни за что, чёрт возьми.

Обе смеряют меня взглядом.

— Почему?

— Для начала, ты когда-нибудь ездила в Портленд? — интересуюсь я у Оливии. — Едва ли нельзя назвать его деревней.

Кали возводит глаза к потолку.

— Перестань выставлять его захолустным городишком. Я не

говорю, что мы встретим каких-нибудь знаменитостей, но в нём есть несколько крутых винных баров и ресторанов, которые подают не только луковые кольца.

— Нет, — мой голос чуточку острее, чем задумывалось, и я не упускаю, как они обмениваются *что-за-херня* взглядами.

Неужели они не понимают?
Посещать «Френчи» — это одно. Местные люди знают мою историю, они знают, чего ждать. В этом месте 99% клиентов — постоянные, а это

значит, что они хорошенько рассмотрели моё лицо ещё в ту первую ночь. На меня не бросают повторные взгляды, когда я прихожу, ну разве что какой-нибудь подвыпивший случайный зевака.

Но уехать из Бар-Харбора? Тем самым я практически собственноручно попрошу людей обратить на меня внимания и поглазеть. Открыто вызову вопросы, жалость и отвращение.

Что хуже всего, люди начнут задумываться, какого чёрта такая

девушка, как Оливия, делает рядом с кем-то вроде меня. Она восхитительная и завораживающая. Я же в лучшем случае изуродован, в худшем — чудовищен. Одно лишь то, что *я сам*, наконец, вступил во взаимопонимание с собой, не значит, что и другие последуют моему примеру.

Последнее, что мне нужно, — это чтобы Оливии пришлось хоть на секунду ощутить крошечную частичку реальной жизни с кем-то вроде меня. Сейчас всё слишком

хорошо.

Я не могу рисковать. Не хочу.

И в глубине души я понимаю, что, как только она познает неспособность остального мира так же принять её одомашненного монстра Франкенштейна, ей захочется большего. Оливии думается, будто она равнодушна ко мне, и я это знаю. Но в итоге её тяга к нормальной жизни окажется сильнее. Она захочет спонтанной поездки в Вегас, зимних круизов и праздничных ужинов. Но я не смогу

ей дать ничего из этого.

Будущее Оливии — это гламурные хэмптонские вечеринки и привлекательные парни в костюмах. Моё — одиночество и забегаловки типа «Френчи».

Кали отвлекает меня от размышлений раздражённым скулежом и энергично уходит к бару, за которым её новый стажирующийся бармен неряшливо убирает расплескавшееся повсюду пиво.

Оливия поворачивается ко мне с лёгкой восторженной улыбкой, как

и каждый день всей прошедшей недели. Она привлекает меня для игривого поцелуя, и я позволяю ей. А потом углубляю, больше от отчаяния, чем желания. В конечном счёте она уйдёт, и я сделаю всё, что в моих силах, чтобы замедлить этот процесс.

Потому что как только она уйдёт, мне станет ещё хуже, чем раньше.

Я буду не просто разбит.

Я превращусь в пустую оболочку.

Глава тридцать третья

Оливия

Вы знаете такой момент в
каждых отношениях, когда всё идёт
по-настоящему, *очень* хорошо, и в
вашу голову начинает закрадываться
опасная мысль, будто ничего дурного
случиться не может, но как раз это и
гарантирует, что в очень скором
будущем нечто кошмарно ужасное
всё-таки *произойдёт*? Ага. Вот оно.

Итак...

У меня болят ноги. Раньше я

даже не думала, что такая хрень бывает, но, чтоб вы понимали, лёгкие утренние пробежки по три мили, которые я пробегала вот уже несколько месяцев, в понимании Пола *«разминка»*. Его нога тоже ещё не полностью восстановилась. Она до сих пор беспокоит его, если неправильно наступать, и тогда нам приходится прерываться на прогулку (ох, чёрт!), но в остальном этот парень грёбаная беговая машина. Мы бегаем вместе почти каждый день с того утра, когда я узнала, что он

может бегать, и пусть я и люблю каждую секунду нашей пробежки, у меня больше не получается подстроить свой темп под его травмированный. Это совершенно новая игра, в которой новичок-бегун пытается словить темп звёздного квотербека, легенды лагеря новобранцев, Пола Лэнгдона, называющего пять миль «быстрой пробежкой». Сказать, что он вернул своё моджо — это ничего не сказать.

— Поторопись, Миддлтон! — кричит он с места, где стоит перед

домом, уперев руки в бёдра и наблюдая за тем, как я ковыляю к нему.

— Кажется, кое-кто сломал мне голени, — говорю я задыхаясь.

Ему хватает приличия принять сочувственный вид.

— Боль в ногах. Это плохо. Мы найдём для тебя лёд и возьмём день-два передышки.

Я изумлённо выпучиваю на него глаза.

— Под день-два, смею предположить, ты имеешь в виду

минимум неделю? Такое впечатление, будто у меня ноги раздроблены.

Он хлопает меня по заднице, когда я прохожу через дверь перед ним.

— Поверь тому, у кого вся нога на самом деле практически *была* раздроблена. У тебя всё отлично.

— Давно пускаешь в ход эту карту, да? — говорю я.

— Эм, ага. Почти всегда, — отвечает он с бесстыдной усмешкой.

Три месяца назад я бы

поставила свою любимую сумочку от Шанель на то, что Пол никогда и ни за что не стал бы шутить о своих увечьях.

Не то чтобы это шутка. Ничуть. Он через многое прошёл, как и все солдаты, и это достойно только уважения.

Но, возможно, его подшучивания означают, что измученность, всё ещё время от времени рассекающая его лицо, однажды исчезнет.

— Хочешь сегодня посмотреть

фильм? — спрашиваю я, располагаясь на кухонной тумбе, пока он вытаскивает из морозильника две пачки замороженного гороха, бесцеремонно плюхая их мне на голени. — Здесь вообще есть кинотеатр?

— Разумеется, прямо между рестораном с тремя Мишленовскими звёздами и элитным магазином от-кутюр. Разве ты не видела?

Я корчу рожицу.

— Значит, нет.

Он снимает кожуру с банана и

протягивает мне половину фрукта.

— На самом деле, кажется, где-то в городе есть маленький кинотеатр. По крайней мере, раньше был.

— О-оу, ура! Так, хочешь пойти?

Он откусывает банан идеально белыми зубами.

— Не-а.

Я хмурюсь, пусть и ожидала подобного. Он никогда *никуда* не хочет идти, за исключением «Френчи», и сколько бы я не

уговаривала себя, что это пустяки, в Бар-Харборе особо никуда не сходишь, где-то в глубине души мне страшно, что тут кроется нечто большее.

— В чём дело, Лэнгдон? Возможно, я могу понять отсутствия энтузиазма у тебя касательно поездки в Портленд, но ты отказываешься попытаться сходить в любой другой ресторан, ты не едешь к Кали, когда у неё дома новый парень, не хочешь полететь со мной домой на День Благодарения, не

идёшь на пробежку днём, потому что там много людей, а теперь ещё и не хочешь сделать мне одолжение, сходяв со мной в кино?

Он игнорирует меня.

Я знала, что так и будет, но у меня в животе начинает формироваться извечный комок из-за направления, в котором мы движемся. Секс — отличный. Разговоры — замечательные.

Однако здесь только мы вдвоём. Всё время. Не планируем вообще никуда выходить. Я

понимаю, почему ему не хочется лететь в Нью-Йорк со мной на День Благодарения — об этом даже спрашивать излишне. Но сейчас всё становится уже смехотворным.

— Как насчёт книжного? — требую я.

— Ты можешь купить книги онлайн. С бесплатной двухдневной доставкой.

— Мне нужны ещё одни шорты для пробежек, — отстреливаюсь я.

— Тоже онлайн.

— Мне нужно подстричься, —

немного отчаянно говоря я. — Это онлайн я сделать не могу.

Он пожимает плечами.

— Тогда иди подстригись.

— Ты пойдёшь со мной?

— Зачем мне с тобой идти?

Мои волосы длинной в сантиметр, и я могу поддерживать их такими самостоятельно с помощью машинки.

— Но...

— Брось, Оливия, — резким голосом.

Я закрываю рот и поспешно

вперяюсь взглядом в тумбу. А потом, из-за гнева, кипящим под болью, ничуть не нежно бросаю пачки с замороженным горохом на столешницу, поднимаясь на ноги.

— Пойду приму душ.

— Хорошо, — он возится со своим мобильником и даже не смотрит на меня.

Я отбиваюсь от острого желания ответить и мысленно считаю до трёх, давая ему шанс исправить своё поведение задницы.

Один, два, три...

— Эй, — говорит он, всё ещё не глядя на меня. — Я заказал на DVD дисках *«Идентификацию Борна»*, их привезли вчера. Хочешь устроить марафон после того, как мы примем душ?

Я жду. Он по-прежнему не поднимает взгляда.

Ладно. Вот и всё.

Я выхватываю телефон из его руки, вынуждая Пола взглянуть на меня. Вместо извиняющегося вида, он выглядит озадаченным, и это ещё хуже.

— Нет, я не хочу ещё один бесконечный киномарафон, Пол. Как и не хочу провести весь чёртов день за книгами или ещё одной долгой прогулкой, где будем только мы вдвоём. Я не хочу продолжать уроки игры в шахматы, не хочу начинать новую аудиокнигу, которую ты получил по рассылке, не хочу пробовать свои силы в видеоиграх и не хочу снова идти в спортзал.

— Ты сказала, что любишь шахматы, — бормочет он.

— Дело не в шахматах! И не в

шпионских фильмах! Дело не в том, люблю ли я читать с тобой у камина, хоть я и люблю. Просто это *ненормально!* Мы не можем оставаться здесь взаперти вечно.

Его глаза темнеют, а настороженное замешательство сменяется защитным гневом и упрямством.

Меня слегка одолевает паника, пусть злоба тоже никуда не делась. Прищурившись, я начинаю:

— Ты *когда-нибудь* планировал пригласить меня на ужин, Пол? Мы

когда-нибудь отправимся в отпуск,
даже просто отдохнуть на выходные?

Его челюсть сжимается.

— Оливия.

— Нет, постой, — прошу я,
вскинув руку. — Давай я спрошу по-
другому. *Мы когда-нибудь покинем
этот дом?*

Он ничего не произносит, но
его голубые глаза, твёрдые и
совершенно нераскаявшиеся,
остаются прикованными ко мне.

— О Боже, — отшатнувшись,
говорю я, чувствуя лёгкое

ошеломление, несмотря на то, что это было неизбежным с первого дня. — Ты не собираешься покидать этот дом.

Он отводит взгляд.

— Никогда? — мой голос даёт трещину.

— Послушай, почему бы нам не поехать в Кейптаун? У моего отца есть там дом, и...

— Дай угадаю, — перебиваю я. — Он полностью изолированный.

— Уединённый, — исправляет он.

— Я не могу так жить! —
взрываюсь я. — Не могу прозябать
свои двадцать лет, застряв у чёрта на
куличиках.

Пол поднимается, сердито
глянув на меня.

— С каких пор? Ты точно знала
во что ввязываешься, когда ехала
сюда. Чёрт, ты же *поэтому* и
приехала сюда, разве нет? Чтобы
сбежать от мира? Сбежать от чувства
вины? И теперь, простив себя и
увидев, что у твоего бывшего парня
всё хорошо и без тебя, ты поменяла

правила?

— Да! Вот, как это работает, Пол! Ты разгребаешь своё дерьмо, как тебе заблагорассудится, и в итоге справляешься. Ты двигаешься дальше.

— Я двигаюсь, — он складывает руки на груди.

— Чепуха, — я тычу в него пальцем. — Мне *казалось*, что ты исцелился, но на самом деле ты попросту добавил в свою коллекцию затворника ещё одну деталь. *Меня*.

Он не отвечает, и я раздражаюсь

тихим безумным смехом.

— Знаешь, я оказалась такой наивной, решив, что помогла тебе. Позволила себе думать, будто успешно вытащила тебя из твоей крошечной ямы отчаяния. Но всё наоборот, да? Это ты втянул меня в свою воронку страха и изоляции.

Он тянется за моими руками, но я отстраняюсь, и он проводит ладонью векам.

— Ты *помогла* мне, Оливия. Очень. Но это не значит, что я готов справляться с тычками пальцем,

взглядами в упор и жалостью, столкнувшись с миром лицом к лицу.

— Ты сам эту жалость и вызываешь. Экстренное сообщение, Пол: остальному миру будет наплевать, как ты выглядишь, если это не будет волновать тебя.

— Это наивно.

— Ладно, некоторые посмотрят дважды. Некоторые могут шептаться. Но это не важно.

— Говорит девушка с идеальным, потрясающим лицом.

— Отлично, — отвечаю я,

всплеснув руками. — Продолжай, пользуйся этим против меня. Придерживай в заднем кармане, чтобы разжечь в себе пламя ненависти. Всякий раз, приблизившись к нормальной жизни, просто напомни себе, что у *тебя* есть шрамы, и никто другой не понимает. В этом план?

— Ты ничего не знаешь! — кричит он. — Не притворяйся, будто понимаешь!

— Я никогда не пойму через что ты прошёл, Пол, или что

чувствуешь, но я понимаю, что только *ты* можешь это контролировать. И ты выбираешь неправильный путь.

Он слабо ухмыляется.

— Так *твой* великий план заключался в том, чтобы мы вместе переехали в Нью-Йорк, держались за ручки и прогуливались по Пятой Авеню, рассматривая рождественские огоньки?

Я делаю маленький вдох, ведь это и есть моя мечта. Необязательно Пятая Авеню, но да. *Подайте на*

меня в суд. Я представляю, как гуляю по родному городу, держась за руки с парнем, которого люблю. Показываю ему места, где выросла, где впервые поцеловалась, отвожу его в любимый магазинчик с капкейками.

Но я не идиотка. Он не хочет пойти даже в кинотеатр.

Пол делает продолжительный вдох, явно пытаюсь взять под контроль свою вспыльчивость.

— Я бы никогда не стал держать тебя здесь, Оливия. Хочешь поехать в Портленд с Кали? Езжай.

Хочешь летать в Нью-Йорк на каждые выходные? Давай. Ходи к парикмахеру, заглядывай в книжные магазины и посещай любые кинотеатры.

— Одна, — разъясняю я.

Он пожимает плечами.

— Или с друзьями. Не важно.

— Но не с тобой.

Его челюсть напрягается, и он опускает глаза на обувь.

— Не со мной.

— Вообще никогда?

Тогда он встречается со мной

глазами, и то, что я вижу, разбивает мне сердце.

— Ясно, — говорю я, проглатывая отчаяние. — Так вот, из чего мне нужно выбирать. Либо жить без тебя полной жизнью, либо остаться с тобой в темноте.

Пол размыкает губы, будто бы собираясь возразить, но потом осознаёт истину сказанных мною слов. Он неторопливо кивает.

Я закрываю глаза, силясь отгородиться от боли, пытаюсь не слышать, как отчаянно он шепчет

моё имя.

Вновь Пол тянется ко мне, но я отступаю, замечая вспышку боли на его лице до того, как он позволяет равнодушию тщательно осесть в чертах его лица.

«Ага, так держать, — мысленно подстрекаю я. — Вперёд, прячься в своём укрытии». Будто бы того прогресса, что мы достигли, никогда и не было.

— Как давно я здесь? — скорее себя, чем его, спрашиваю я.

Он передёргивает плечами.

— Чуть больше трёх месяцев.

Я киваю, подсчитывая в голове, сколько времени прошло.

Достаточно, чтобы осень перетекла в зиму.

Достаточно, чтобы Пол оставил трость с хромотой, и достаточно, чтобы он начал сидеть ко мне лицом в полном дневном свете, не пытаясь укрыть от моего взгляда шрамы.

Достаточно, чтобы я поняла: произошедшее с Майклом и Итаном не делает меня ужасным человеком.

Достаточно, чтобы я

безнадёжно и бесповоротно
влюбилась в Пола, пусть сейчас и
становится мучительно ясно, что мои
чувства не взаимны.

Но самое важное для *него*...

— Ты выполнил требования
своего отца, — произношу я со
слабой, печальной улыбкой. — Я
проторчала здесь три месяца.

Его лицо искажается от гнева.

— Не надо.

— Поздравляю. Ты получишь
своё наследство, чек или что ты там
должен был получить.

— Прекрати. Не поэтому...

— Тогда *почему*, Пол? Почему ты всё это время держал меня рядом? Почему притворялся полноценным человеком, когда, очевидно, используешь только одну половину?

Он моргает, слегка дёрнув головой назад от жестокости моих слов, но я не беру их обратно. Мне хочется сделать ему больно, как он сделал *мне*. Хочется поднять зеркало и заставить его столкнуться лицом к лицу с трусом, коим он и является.

— Я не хочу, чтобы ты уходила,

— говорит он грубовато, спешно задвигавшись и притянув меня к себе, прежде чем я бы успела проложить дистанцию между нами. — Ты это хочешь услышать? Что ты мне нужна? Потому что ты нужна, Оливия. Ты мне нужна.

Я укладываю руки ему на грудь, чуть отталкивая, пусть глаза и полны слёз.

— Я знаю, — голос ломается. — Поэтому мне и нужно уйти. Это неправильно, Пол. Ни для кого из нас. Мне казалось, ты освободился

от своего костыля, когда избавился от трости и растерял злобу, но на самом деле старый якорь ты заменил новым. Теперь я твоё оправдание.

Он качает головой, не понимая.

Я встаю на цыпочки, прижимаясь к нему губами в нужде прикоснуться напоследок.

А потом отстраняюсь.

— Я люблю тебя, Пол, но я не могу жить за тебя.

— Оливия! — теперь его голос отчаянный, а лицо искажено агонией, но я продолжаю отступать,

несмотря на слёзы, упорно
сбегающие по щекам.

— Прощай, Пол.

И ухожу. Я сделала для Пола
Лэнгдона всё, что могла.

Остальное зависит от него.

Глава тридцать четвёртая

Пол

— Всё будет хорошо, Мистер Пол.

Уверен, Линди убеждает скорее себя, чем меня. Но я всё равно чуточку цепляюсь за её слова.

— Да, всё будет отлично, Линди, — отвечаю я, вымучивая улыбку. Вот к чему мне частенько приходится прибегать в последнее время. К вынужденным улыбкам. В тех случаях, когда я утруждаю себя

попытаться.

Она опускает руку на толстую кипу бумаг.

— Я вырвала все самые лёгкие рецепты. С ними вы сможете приготовить что-нибудь в воскресенье, а потом всю неделю доедать оставшееся, а ещё сострять ужины с ингредиентами из кладовки, и, конечно, не исключайте завтраки на ужин — у вас отлично получаются яйца.

Я накрываю её руку своей и слегка сжимаю, отчего удивлённый

взгляд Линди устремляется к моим глазам. За всё то время, что она проработала на мою семью, я не помню, чтобы касался её хоть раз, но в данный момент мне кажется это правильным.

— Спасибо, — говорю я тихо.
— За всё.

О Господи. Она сейчас расплечется, это заметно по дрожащему подбородку и тому, как она продолжает переводить взгляд с одного угла потолка на другой.

— Может быть, это

неправильное решение, — чуть слезливо произносит она. — Может быть...

— Нет, — отвечаю я, отклонившись и придав голосу дружелюбности, при этом оставляя суть непреклонной. — Ты заслужила свою пенсию, Линди. Ты и Мик, вы оба.

И это правда, но я не упускаю, насколько удачно выбрано время. Спустя почти две недели после ухода Оливии обиженные Линди и Мик передали мне свои заявления об

уходе. Со словами, что сказать мне об этом лично было обычной вежливостью, ведь зарплаты им выплачивал мой отец, и именно ему на самом деле они должны заявить об увольнении.

Но мне известна подлинная причина, почему они загнали меня в угол кабинета в тот день. Это не было формальностью. Так они доносили до меня свои мысли.

Так они объяснили мне, что, отпустив Оливию, я отпускаю и их.

Другими словами, если мне

хочется жить одному, тогда придётся делать это в *полном* одиночестве.

Фишка в том, что я не считаю их предателями. Конечно, они начали поддерживать меня задолго до того, как в поле зрения появилась Оливия. И даже когда очередные сиделки, которых отец присылал ко мне, сбегали, мои подчинённые оставались верны мне. На первый взгляд, изменений в сценарии быть не должно. Теоретически, нам стоило бы вернуться к тем временам, когда нас было трое: они не

становятся на моём пути, а я отношусь к ним с большей долей любезности, чем выказываю остальному миру.

Но их это больше не устраивает, и я этому рад. Они всегда заслуживали большего, выказывая слепую преданность неприветливому зверю, который в худшие дни едва ли мог вымолвить простое «спасибо».

— Мы будем совсем близко, — произносит Линди, восстанавливая самообладание. — И вы можете приехать на Рождество, если хотите.

Всего сорок пять минут езды. Вам всегда будут рады.

— Я буду в порядке, Линди. Со мной всё хорошо.

Ложь. Мне так далеко до «хорошо», что для описания этого даже нет подходящего слова. Но я уже два года не праздновал Рождество, и не собираюсь начинать сейчас. Когда я сказал отцу не приезжать на праздники, его разочарование практически просачивалось через телефон, а теперь и Линди выглядит такой же

подавленной.

Когда они научатся ничего не ждать от меня?

— Мистер Пол... Пол... — исправляется она, осознав, что уже не работает на мою семью.

«Не надо», — безмолвно молю я *Линди*. Но она не внимает моей немой реплике. Как и все остальные.

Ну, кроме *Оливии*. Но она уехала. Уехала около месяца назад, не прислав ни единого сообщения или электронного письма. Я даже не знаю, где она сейчас.

— Пол, — продолжает Линди, приблизившись ко мне, сидящему на тумбе, и встав рядом с таким видом, будто хочет коснуться меня, но сдерживается. — Я знаю, сейчас... всё безрадостно. У меня складывается ощущение, словно вас все покидают. Но вы же понимаете, да?

Честно говоря, нет. Не понимаю. В смысле, я осознаю, почему людям не хочется находиться рядом со мной. Мне всегда было интересно, почему Линди и Мик

торчали здесь, особенно раньше, в те дни, когда я вёл себя ужаснее всего.

Такое ощущение, будто Оливия каким-то образом своим колдовством «жестокости из милосердия» подала пример другим.

Кали тоже со мной не разговаривает.

Не думаю, что Оливия рассказала другим о случившемся. Она уехала через час после прощания со мной.

Но её бегство оставило ясное послание: *если зверь хочет быть*

один, то пусть остаётся.

Пофиг. Со мной всё будет отлично. Линди права, у меня хорошо получается готовить яйца. Я могу обжарить говядину для тако или ещё что. Могу вскипятить воду для макарон.

Всегда есть еда навынос. Если моя нога выздоровела достаточно, чтобы бегать, то отлично справится и с педалями в машине.

Не то чтобы я много бегаю. Пробежки больше не доставляют мне удовольствия. Даже их она у меня

отняла.

Когда-то я любил их за уединение. А сейчас? Сейчас они приносят лишь чёртовое чувство одиночества.

— Ты заботишься о себе, Линди, — произношу я, игнорируя её вопросительный взгляд.

А потом совершаю немислимое: обнимаю её. Я обнимаю её. И разрешаю ей ответить тем же.

Она удерживает объятия слишком долго, и, возможно, я тоже.

Линди больше всех приблизилась к статусу моей матери после смерти моей настоящей.

Но я не даю себе так думать. Увольнение сотрудника — это одно. Но уход псевдо-родителя? Сокрушительно. Поэтому я не смею об этом думать.

— Вам нужна помощь, чтобы перенести вещи в машину? — отстранившись, осведомляюсь я, отчаянно пытаюсь сменить тему.

— Нет, Мик позаботился об этом утром, — отвечает она,

поправляя шарф и снова выделявая тот финт глазами.

— Где же Мик?

Линди возится с шарфом, имитируя ещё бóльшую увлечённость и не встречаясь со мной взглядом.

Я прищуриваюсь.

— Линди.

— Что ж...

Я тяжело вздыхаю, понимая.

— Мой отец в городе, верно? И Мик поехал забрать его из аэропорта.

— Да, — признаётся Линди с робкой улыбкой. — Кажется, Мику

захотелось оказать услугу
напоследок.

— Дерьмо, — ворчу себе под
нос.

Я не видел отца с той ночи,
когда он выбил из меня дерьмо за то,
что я посмел показать своё лицо во
«Френчи». И, если честно, именно
из-за этого я и не опасаюсь его
приезда так, как несколько месяцев
назад.

Если кто и поймёт мою
неспособность удовлетворить
возмутительные требования Оливии

насчёт походов по магазинам, посещений кинотеатров и поездок на отдых, то это будет мой папа. Ведь ему не пришлось по нраву даже то, что я показал себя скопищу местных завсегдатаев крошечного города у чёрта на куличиках, штат Мэн. У него наверняка случится сердечный приступ от мысли, будто я последую за Оливией в Нью-Йорк, или того хуже, попытаюсь вернуться к своей старой жизни в Бостоне.

В первые недели после отъезда Оливии не проходило и дня, чтобы я

не пересматривал своё решение. Кошмары больше были не о войне, но и не представляли собой клишированный калейдоскоп кадров, где я проталкиваюсь через глазающую толпу, пока в меня тыкают пальцами и смеются в лицо.

Нет, мои сны о *ней*.

Плохие, безрадостные, бесконечная зима в безуспешных попытках добраться до неё.

Но самые худшие сны (те, что убивают меня) — хорошие. В них она смеётся, бежит рядом со мной своей

торопливой поступью или же, распластавшись, лежит на моей постели, занимая каждый сантиметр пространства.

В такие дни я просыпаюсь с желанием поехать к ней.

На лице появляется угрюмая улыбка. Впервые за столь долго время мне кажется, будто отец едет сюда недостаточно быстро. Мне нужна хорошенькая доза реальности, прежде чем я вытворю что-нибудь, например, последую за Оливией, как в какой-то сказке со счастливым

КОНЦОМ.

Я в последний раз целую Линди в щёку.

— На случай, если я не увижу тебя до отъезда... спасибо тебе. За то, что была здесь.

И вот она снова совсем расклеивается. Неловко поглаживает меня по щеке.

Я наблюдаю за тем, как она уходит из кухни. Уже вторая женщина за месяц, поступившая со мной так.

Я направляюсь в кабинет. Не

могу поверить, что говорю это, но я буквально наблюдаю за часами, сидя за столом в ожидании приезда отца. Мне стоило спросить, как давно уехал Мик, но, наверное, от этого время текло бы ещё медленнее. Пора бы к этому привыкнуть. В последнее время дни тянулись невыносимо долго, и не только из-за того, что темнота не отступала до обеда, а потом вновь опускалась после трёх.

Дни стали дольше, потому что мне было скучно. Я ломал голову, стараясь вспомнить, как проводил

время раньше. Пытался перемотать на несколько месяцев назад, где дни, недели и месяцы проходили в тумане. Но даже виски больше не помогает.

Бесконечное одиночество неторопливо душит меня. А я позволяю.

— Пол.

Я немного резко выпрямляюсь из сгорбившейся позы, в которой склонился над ноутбуком, кликая по случайным ссылкам и ничего толком не читая. За последнее время я стал

хреновым знатоком по части интернет-сёрфинга. Понятия не имел, что там есть столько бессмысленной чуши, которая так и ждёт, когда же её поглотят незаполненные, заскучавшие умы.

— Отец.

Он замирает в полушаге, награждая меня озадаченным взглядом. Наверное, потому что это первый раз, когда мой голос приветлив. Черт, да это первый раз за многие годы, когда я назвал его «*отцом*» без сарказма.

— Извини, что без звонка, — говорит он, садясь за стол, будто это какая-то деловая встреча. Я намеренно игнорирую чуть сжавшийся в груди узел. Какого чёрта я ждал? Объятий? После стольких лет, не отвеченных мною звонков и стараний показать ему, что он мне не нужен?

Я передёргиваю плечами.

— Как поживаешь? — рассеянно спрашивает он, когда, подтянув дипломат на стол, зарывается в бумаги.

— Хорошо, — вру я. —

Отлично.

— М-м-м-хм-м, — произносит отец, не поднимая взгляда. — О, хорошо, вот они. Я мог бы отправить их тебе и по почте, знаю, но мне захотелось увидеться с Миком и Линди лично, поэтому я счёл допустимым заодно и зайти.

— Конечно, — отзываюсь я, отказываясь быть задетым тем, что весь путь сюда он проделал ради своих работников. А не ради сына. Не для меня. Совсем не для меня.

Что посеешь, то и пожнёшь, и всё такое.

Он протягивает мне бумаги, и я раскрываю их, рассчитывая увидеть очередное соглашение или обруч, через который мне придётся прыгнуть, чтобы остаться здесь жить.

Но всё далеко не так.

Я хмурюсь.

— Это...

— Документы на дом, — заканчивает он, с щелчком закрывая дипломат. — Ты выполнил свою

часть сделки. Три месяца с сиделкой.

Его голос абсолютно монотонен. Если он и разочарован тем, как всё обернулось с Оливией, то не показывает. Будто бы теперь ему наплевать.

Я мотаю головой.

— Ты отдаёшь мне дом?

Просто так?

— Именно.

— И в чём подвох?

Выражение его лица пустое.

— Ни в чём.

— Ладно... — не перестаю

ожидать, когда же он вытащит туз из рукава.

Папа нетерпеливо вздыхает.

— Дом оплачен. Теперь ты содержишь себя сам, разумеется, но через месяц, когда тебе исполнится двадцать пять, ты получишь наследство. Мне казалось, ты выкажешь больше счастья.

Я должен быть счастлив.

Я должен быть в восторге.

Мне можно оставаться здесь, сколько захочу, свободно и безвозмездно. Не принимая участия в

играх отца, не пытаясь укрыть от Линди количество выпитого алкоголя. Никто не будет изводить меня тренировками, правильным питанием или, упаси Господь, «почаще выбирайся из дома».

Дарёному коню в зубы не смотрят. Знаю. И всё же...

— Мне кажется, будто я что-то упускаю, — говорю я неспешно.

Отец трёт глаза.

— Я просто... Я больше не могу, Пол.

Напряжение стискивает грудь.

— Не можешь что?

— Не могу помогать тому, кто не хочет, чтобы ему помогали. Мне думалось, будто приезд Оливии внесёт беспорядок в твой разум, и в какой-то степени я знаю, что так и произошло. Ты не похож на мертвеца и не полупьяный, как раньше, когда я приезжал повидаться с тобой.

— Я всё ещё хожу во «Френчи», — перебиваю я. — Прости, если это выводит тебя из себя, но...

— Прекрати, — он вскидывает руку. — Я ошибался, разозлившись

из-за этого. Я злился только потому, что не хотел, чтобы тебе было больно. Мне казалось, что ещё слишком рано, но я был неправ. На самом деле мне бы хотелось склонить тебя к этому ещё раньше. И мне бы хотелось, чтобы *ты сам* побудил себя на поступки позначительнее, нежели тайком выбираться в местный бар Бар-Харбора всю оставшуюся жизнь.

Я издаю разочарованный стон.

— И ты туда же.

Губы отца сжимаются, но если

он и говорил с Оливией и знает, как мы расстались, то не упоминает об этом.

— Я люблю тебя, Пол.

С трудом сглатываю.

— Я очень сильно тебя люблю, и именно поэтому больше не могу смотреть, как ты это делаешь. Если тебе хочется прожить здесь в полном одиночестве до тех пор, пока не покроешься морщинами и не станешь ещё грубее, чем сейчас, я не собираюсь тебя останавливать.

— И больше никаких нянек?

— Никаких, — отвечает он, поднимаясь. — Все, кроме последней, были пустой тратой времени, хотя даже она не смогла достучаться до тебя так, как я надеялся.

— Пап... — я делаю глубокий вдох и говорю ему то, что должен был сказать давным-давно. Не потому что хочу, чтобы он считал меня героем, а из-за того, что мне невыносима мысль, будто он думает, что я легкомысленный попрошайка, паразитирующий на нём не один год.

Мне хочется, чтобы он знал: его деньги идут на нечто большее, нежели снабжение его никчёмного сына виски.

— Ты знаешь Алекса Скиннера? — говорю я, совсем не зная с чего начать.

— Да.

— Ну, у него...

— Я знаю, Пол. Обо всём. О его жене, дочери, их ситуации.

Я с трудом удерживаю челюсть на месте.

— Когда? Как ты?..

— Я горжусь тобой, — говорит он, не утруждая себя ответом на мой вопрос. Зная его, он, наверное, шантажировал ЦРУ или что-нибудь такое. — Я не говорил тебе о том, что мне всё известно, потому, что это было единственным достойным делом, которое, казалось, трогает тебя, и я думал, что если суну туда свой нос, то ты бросишь их, лишь бы досадить мне.

Я открываю рот, чтобы поспорить, но отчасти страшусь того, что он прав. Я реально такой

придурок.

— Я позабочусь о них, Пол. Даю слово. Чеки, приходящие тебе напрямую от меня, на этом, конечно, кончатся. Но у тебя будет дом.

Мой мозг усиленно пытается всё осмыслить. Мне пофиг на деньги, обойдусь. Да и на дом тоже, если уж на то пошло. Но такое ощущение, будто это... прощание.

— Подожди, — говорю я. — Значит, больше никаких споров о том, чтобы нанять психотерапевтов, врачей или...

— Больше *ничего*, Пол. Этот визит будет последним.

Я не поднимаюсь с кресла вместе с ним.

— Постой. Ты не собираешься приезжать? Больше не будешь моим отцом?

Его лицо на мгновение морщится, прежде чем надеть маску безразличия.

— Я в Бостоне. Всегда рядом, если понадобится. Всегда.

Выражение его лица подсказывает мне, что он не сгорает

от нетерпения навестить меня ещё раз. Как и *никто* другой. И это моих рук дело.

— Ты так просто уйдёшь? — повысив голос, вопрошаю я, когда он начинает уходить.

Отец бросает на меня ласковый взгляд через плечо.

— Разве не этого ты всегда хотел?

Глава тридцать пятая

Оливия

У меня есть собственная квартира.

Моя первая собственная *я— сама-плачу-аренду* квартира.

Крошечная древняя студия на границе верхнего Ист-Сайда и Гарлема. В ней *всегда* пахнет тайской едой, а окна выглядывают на транзитный центр.

Но она моя. Я плачу за неё своей зарплатой, которую получаю

от настоящей компании, а не от анонимного бизнесмена, не утруждающегося заботой о собственном проблемном ребёнке.

На сей раз я работаю на отца Итана. (Я знаю, ладно?)

Как полнейшая идиотка, я была так поработана одержимостью Полом, что не думала о том, чем займусь по истечении трёх месяцев. И за ту дверь я вышла не только с разбитым сердцем, но и с нулевыми перспективами заполучить работу.

Поэтому мне пришлось сделать

немыслимое. Я позвонила Мистеру Прайсу и попросила его о работе... стажировке, хоть какой-нибудь. После впечатляюще катастрофического эксперимента с работой сиделки, я решила, что, возможно, деловой мир, в конце концов, мне подойдёт.

Ещё я взяла несколько вечерних занятий в местном колледже, чтобы получить степень. Родители не на шутку взбесились тем, что я вернулась на исходную точку. В одном они правы: было бы проще,

если бы я просто закончила свой последний год в НИУ вместе с друзьями. Но я не знаю, как объяснить им, что это не мой путь. Сперва мне нужно было кое-что сделать. Разобраться в себе перед тем, как пойму, что, да, первоначальная идея войти в корпоративный мир была правильным для меня решением.

Кстати.

Стартовая зарплата ассистента по маркетингу не оставляет места для роскоши. Постоянная горячая

вода канула в Лету, а обогрев здания, кажется, имеет всего два состояния: «выключен» и «попытайтесь разжечь костёр».

Но я работаю. Своими силами.

Однако... честно? Когда я вижу с родителями за ужином раз в неделю или около того, и они спрашивают, нужны ли мне деньги, или упоминают, как их друзья провели остаток года в Париже, и интересуются, хочу ли я оплаченную квартиру на Парк-Авеню, меня мучает искушение. Совсем немного.

Стоило бы гордиться своей самостоятельностью, и я вроде как горжусь, но мне не хватает модных ресторанов и бесконечных денег на шмотки из моей прошлой жизни. Я бы солгала, сказав, что раньше мне было не проще. Однако эта *лёгкость* кажется пустой.

Время, проведённое в Мэне, несмотря на девяносто пять процентов провальности, показало мне, что лучше *допускать* ошибки самостоятельно, чем совершать *правильные поступки* в угоду кому-то

другому.

Вот почему с Итаном всё пошло не так. Я была с ним, потому что должна была. То же самое и с НЙУ. Я училась там, потому что должна была быть идеальной маленькой студенткой.

Но сейчас?

Я на правильном пути.

Ну, честно сказать, я всё ещё *самую малость* в растерянности. Но, по крайней мере, уже начала понимать, чего *не* хочу, и это только начало.

Я добровольно помогаю в бесплатной столовой на Девятой Авеню каждое воскресенье. Не из-за желания наказать себя за прошлые ошибки, а потому что это кажется правильным.

Мне кажется, лучшее, что каждый из нас может сделать, — всеми силами загладить вину перед тем, кого мы обидели, и постараться в будущем вести себя лучше. Не всё сразу, и так далее.

Ещё бы забыть о Поле. Я выталкиваю мысли о нём из головы.

В последнее время мне частенько приходится этим заниматься. Или пытаться, во всяком случае.

Сейчас вечер пятницы. *Значит,* не время хандрить. Если я и раньше считала пятницы крутыми, будучи студенткой дневного отделения, то сейчас, являясь обычным работником, для меня они представляются чистейшей эйфорией.

Не поймите неправильно, мне нравится моя работа. Как помощник по маркетингу, я, если честно,

больше похожа на помощника помощника младшего менеджера, а это, по сути, означает, что я обеспечиваю себя, делая ксерокопии, но даже спустя всего три недели я вижу чёткий карьерный путь, и это круто. Не знаю, останусь ли я на этом поприще, но пока что оно подходит мне гораздо больше, чем работа сиделкой. Думаю, разбить себе сердце в маркетинге будет трудновато, так что уже одно это плюс.

И всё-таки, отличная работа

или нет, коктейльная вечеринка в конце недели кажется просто идеальной.

Едва покинув метро, я вынимаю телефон и печатаю сообщение Белле. Как и бывает с лучшими друзьями, мы продолжили с того момента, где и остановились, будто я и не уезжала в Мэн почти без возможности общения на три месяца.

Как всегда, она читает мои мысли, написав мне до того, как это успеваю сделать я.

«На винишко сегодня? Я рассчитываю, как минимум, на ведро».

Я расплываюсь в улыбке и печатаю ответ.

«У меня?»

Её сообщение приходит незамедлительно.

«Упаси Господь. От моего свитера ещё несёт, как от «Пад-тай», с моего последнего визита к тебе. Слышала о дешёвеньком винном баре в «Адской кухне». Отправлю тебе детали».

Я даже не утруждаю себя ожиданием лифта, оказавшись у себя в здании. В хороший день и нерабочее время он медленнее патоки. Сейчас шесть часов пятничного вечера, не думаю, что вообще его увижу, особенно учитывая, что с улицы слышно, как подъезжает грузовик. Какая-то бедная душа вот-вот поймёт, что их кровать, диван, шкаф или любой другой тяжёлый предмет не вместится в лифт размером с обувную коробку. Бедняжка.

Я перепрыгиваю через две ступеньки за раз. Мне нравится притворяться, будто это моё упражнение. На шестом этаже я уже еле дышу, наверное, потому что не бегала с тех пор, как покинула Мэн. Глупо, но пробежки наводят меня на мысли о Поле.

Как и сэндвичи с индейкой.

И книги.

И военная униформа.

И любой человек с голубыми глазами.

Я заворачиваю за угол к своей

квартире и едва не впечатываюсь в гору коробок. Кажется, на моём этаже новый жилец.

Прошу, прошу, прошу, пусть они не будут чужаками.

Если это не начинающий музыкант, то всё в порядке. У меня уже есть одна такая по соседству. Утверждает, что её ждёт яркое будущее в «фолк-рэпе». Ага. Очевидно ведь. Вдобавок мне приходится слушать, как она практикуется.

Как уже было сказано, мне

нужно это вино.

Здоровенный парень с татуировками выходит из не так давно занятой квартиры, чтобы подхватить парочку коробок. Он нагло проходится по мне взглядом и облизывает губы. Я в ответ награждаю его «умри» взглядом. Он шлёт мне воздушный поцелуй.

Гадость какая. Я определённо больше не на Парк-Авеню.

Белла ещё не ответила, так что я наливаю себе бокал вина и, скинув туфли, устраиваюсь на диванчике с

книжкой про Эндрю Джексона.

Ага. Я вернулась к ней.

Понимаете, я ехала в Бар-Харбор, штат Мэн, преследуя две цели: (1) исцелить Пола Лэнгдона и (2) прочесть эту чёртову книгу. Я намерена достичь хотя бы одной, и, *понятное дело*, не первой. Он довольно чётко дал это понять за прошедшие несколько недель.

Не сказать, будто я ждала, что он погонится за мной или вроде того. В смысле, Пол слишком труслив, чтобы выбраться в кинотеатр в Мэне

— очевидно, что он не заявится ко мне в офис с каким-нибудь романтическим жестом. Чтобы сделать это, ему должно быть *не всё равно*.

Чтобы сделать это, он должен любить меня так, как я люблю его.

Ха. *Любила*, в прошедшем времени. Надо оставить это позади.

Раздаётся стук в дверь. Это Мария, фолк-рэперша.

— Эй. Мне нужен кукурузный крахмал, — заявляет она, щёлкнув пальцами на манер *«давай сюда»*.

Серьёзно?

— У меня нет никакого кукурузного крахмала, — отзываюсь я.

Мария раздражённо морщит нос.

— В этом же и заключается соседская фишка. стакан кукурузного крахмала или ещё какая-нибудь хрень.

— Вообще-то, думаю, стакан сахара. Который у меня есть, если он тебе нужен.

У меня целая тонна сахара. Я

была полна решимости воспроизвести печенье Линди по её рецепту, но до этого ещё очень далеко.

— Ну, ладно. Тогда дай сахар.

Я хмурюсь.

— Подожди-ка, тебе нужен сахар или кукурузный крахмал?

— Кукурузный крахмал, но я возьму сахар.

Я озадаченно качаю головой.

— Ты же в курсе, что они не заменяют друг друга?

— Что? — переспрашивает

она.

О Боже. Надо было взять вино к двери.

— Сахар и кукурузный крахмал. Это не одно и то же.

— Ладно, тогда чем я *могу* заменить кукурузный крахмал?

Я едва не говорю ей, что нормальные люди пользуются Гуглом, и уже было решаюсь сбегать в погребок за хреновым кукурузным крахмалом, но прикладываю усилия, сохраняя выражения лица доброжелательным. Кто знает, вдруг

однажды мне и впрямь понадобится от неё пресловутая чашка сахара.

— Ты используешь его как загуститель? Можешь попробовать муку, — говорю я. Линди была бы чертовски горда.

— Загуститель?

Я улыбаюсь, стараясь оставаться дружелюбной.

— Не принимай на свой счёт, но, возможно, тебе стоит просто сделать заказ с доставкой на дом?

— Ага, может, ты и права.

— Ну и славно, — бормочу я,

уже начиная закрывать дверь.

Она приближает ко мне своё лицо.

— Видела нового соседа? Он аппетитненький.

— Ага, видела. Огромные мускулы и распутность — это не моё.

— И не моё, ведь мне нравятся девушки, но всё равно, это не новенький, а грузчик. Его зовут Брюс.

— Грузчика или новенького? — переспрашиваю я, задумавшись,

какого чёрта вообще продолжаю вести этот разговор.

— Грузчика, понятное дело. Он жуткий.

Голова кругом.

— А новенький мог бы меня тотально завести, — прислонившись, шепчет Мария.

— Удачи с этим, — говорю я, бросая через плечо нарочитый *«хорошо-мне-правда-пора»* взгляд.

— Ну, спасибо, но не спасибо за кукурузный крахмал, — отзывается она, слабо махнув мне. —

Видимо, сегодняшний вечер снова проведу в «Тейсте-Тай». О, и пока не забыла... Я завтра выступаю в небольшом местечке на 96-ой и Лекс, если хочешь — забегай. Хотя не знаю, твоё ли это, — произносит она, оглядывая мои рабочие штаны и розовый кардиган.

— Ага, а может быть, и нет. Но всё равно спасибо.

Она упирается рукой в дверь, прежде чем я успеваю её захлопнуть, и я подавляю гневный крик. Возможно, *поэтому* Пол и не

выходит — чтобы не на натыкаться на соседей. Они *раздражают*.

— Можешь попросить новенького взять тебя с собой.

— Да! — я делаю глаза огромными и нетерпеливыми. — Я над этим подумаю!

Нет.

— Он спрашивал о тебе, — говорит она, просовывая лицо за дверь до того, как я успеваю её закрыть.

Я хмуро сдвигаю брови.

— Кто?

— Новенький.

Сердце глухо ударяется, и не в хорошем смысле. Любая нормальная девушка, живущая одна, *никогда* не захотела бы услышать, что о ней спрашивает новый сосед.

— Это... пугает.

Она пожимает плечами.

— Ты передумал, когда увидишь его. Ну, одну *половину*, во всяком случае. Одна часть лица у него по-голливудски потрясающая, а вторая... ну, с ним что-то стряслось. Но без осуждения. Мне кажется это

сексуальным. На тот случай, *если бы* мне нравились мужчины. Но...

— Постой, — сердце зашло в безудержной скорости. — Подожди секундочку. Вторая часть его лица в шрамах?

— Полностью, — она подняла три пальца, имитируя удар когтями. — Грешные шрамы. *Сексуально порочные.*

Не говоря ни слова, я захлопываю дверь прямо у неё перед носом. Грубо? Да. Необходимо? Ещё как. Потому что мне кажется, будто

меня вот-вот вывернет наизнанку.

— Эй! — вопит она через дверь. — Не говори ему, что я рассказала тебе о нём. Он просил меня не говорить!

Я закрываю глаза и валяюсь на пол, прислонившись затылком к двери, пока пытаюсь собраться с мыслями.

Пол здесь. Нет, Пол *живёт* здесь. В моём доме.

Вопрос: что я чувствую по этому поводу?

Удивление?

Галочка.

Ликование? Возможно. Лёгкую злость за то, что не поднял трубку и для начала не позвонил? О да.

Но ничего из этого не имеет значения, ведь пока мой мозг принимает все эти реакции, сердце цепляется только за одну: настороженность.

Понимаете, не так давно я была истинным романтиком. Верила в настоящую любовь и счастливый конец.

А потом я выросла.

Поцеловала лучшего друга

своего парня, после чего пошла и попыталась отбить бывшего парня у его новой девушки.

Затем мне взбрело в голову, что я смогу искупить вину за всё, исправив какого-то бедного дурачка, который вовсе и не хотел, чтобы его исправляли.

Я испортила всё без посторонней помощи.

Иными словами, романтика? Оставьте её Диснею и романтическим комедиям. Если она вообще существует.

Самосохранение — чувство
безмерно безопаснее.

Самосохранение не позволит вам
пересечь коридор и броситься в руки
парню, которого вы любите больше
всего на свете.

Самосохранение знает, что,
оставаясь с собой, ты не дашь кое-
кому шанс оттолкнуть тебя и сказать,
что *ты недостойна*.

С самосохранением тебе не
придётся переживать о том, когда *ты*
неизбежно причинишь *ему* боль.

Нет. Нет. Я не стану этого

делать. Я не пойду по тропе обругивания себя за то, что натворила в прошлом.

Но...

Я не пойду навстречу ему.

Неторопливо вскарабкиваюсь на ноги, утирая слёзы.

Пол Лэнгдон приехал, похоже, планируя какой-то грандиозный финал, и он его получит. Но, думаю, не такой, как ожидает.

Наш конец будет тяжёлым и болезненным.

Таким, который, в конечном

счёте, пойдёт на пользу нам обоим.

Глава тридцать шестая

Пол

На заметку: спросить у Оливии, почему она выбрала самое убогое здание на Манхэттене для своей первой квартиры.

Я достаю несколько свеженьких купюр, доставшихся мне из сберегательного счёта, который я только что опустошил, и протягиваю их двум моим грузчикам, похожим на бандитов. Никто из них не утруждает себя пересчётом купюр, что кажется

мне глупым, но, эй, всё что угодно лишь бы они побыстрее убрались из моего дома.

Дома. Господи Боже.

Арендодатель заверил меня, что здесь самая большая планировка из доступных. «Роскошная, с двумя спальнями». Я допускаю, что *технически* может показаться, будто здесь две комнаты, в которые может поместиться кровать, но часть про «роскошь» от меня ускользает.

Роскошь в древнем холодильнике? В морозильнике,

издающем дребезжащий шум? Нет, она *наверняка* в обтрёпанной душевой, в которой, *быть может*, у меня и получится постоять боком. С улицы доносится автомобильный гудок. Погодите-ка, нет — на улице ревёт с *десяток* автомобильных гудков.

Конечно, у меня уже практически выработался иммунитет. Я пробыл в городе всего несколько часов, но хватило одной поездки из аэропорта «Ла-Гуардия» в мой новый дом, чтобы гудки машин

стали чем-то привычным. Теперь понятно, почему ньюйоркцы говорят, что со временем к шуму привыкаешь. К нему *нужно* привыкнуть, ведь в противном случае просто поедет крыша.

Я очень, *очень* далеко от Бар-Харбора.

Провожу рукой по лицу, оглядывая коробки, забивающие до смешного крошечное пространство. У меня не так много вещей. Основные кухонные принадлежности, вещи, и, да, больше

книг, чем, наверное, целесообразно для квартиры в Нью-Йорке. Но даже *моё минимальное* имущество полностью заполняет это место.

Но мне наплевать. Плевать на мерзкую жидкость, разлитую по столешницам, на чересчур маленький холодильник или на оставленную арендодателем записку о том, где по дешёвке можно купить ловушки для крыс. Я здесь не из-за роскошного жилья.

Я здесь ради неё. Она моё всё.

В чём моя единственная

проблема? Грандиозный план по её возвращению выглядит примерно так: переехать в здание, в котором она живёт, чтобы показать свою железную решимость, и... конец. То есть, *это и есть конец моего грёбаного плана.*

Я слишком боюсь об этом думать. Боюсь, что она скажет мне отвалить. Что она нашла себе кого-то другого — человека, который не ведёт себя как испуганный, легкомысленный маленький мальчик, прячущийся в своём замке

одинокости из-за страха перед мнением других.

Потому что я понял: меня не волнует, кто что подумает. Мне потребовалась хренова туча времени, чтобы вырасти и всё осознать, но, честное слово, это правда.

Однако мне безразличны другие люди. Линди. Мик. Папа. Кали.

Аманда и Лили.

Оливия.

Последние несколько недель без Оливии были худшими в моей

жизни, и я буду счастлив провести всю оставшуюся жизнь цирковым уродцем, только бы она была рядом.

Но в этом-то и вся штука, так ведь? Мне нужно придумать, как *вернуть* её.

Вот почему я переехал в эту адскую дырень, когда мог позволить себе что-нибудь в три раза больше, не пахнущее Бангкоком.

Мне хочется быть ближе к ней. Мне это *нужно*. Даже если она не пожелает иметь со мной ничего общего, даже если мне придётся

смотреть на другого парня, подходящего к её двери, я должен находиться рядом. Не важно где, я буду рядом с ней.

А она в Нью-Йорке. Как в моём худшем кошмаре, но он отлично ей подходит. Со всем этим лоском и мозгами, она предназначена для Манхэттенских высоток, а не оторванности в непонятной глуши. Я был полнейшим дерьмом, раз хотел этого для неё.

И именно поэтому я здесь. Потому что Оливии нужно быть

здесь. А мне нужна *Оливия* вне зависимости от места, где я смогу с ней быть.

Без какого-либо энтузиазма, я принимаюсь распаковывать коробки в надежде, что к тому времени, как всё разберу, я придумаю, что сказать ей.

Но я в курсе, что это не так просто. Когда выбираешь полнейшее одиночество вместо девушки, которую любишь — да, *любишь*, — у тебя не получится просто пойти, постучаться к ней в дверь и сказать,

что ты хочешь её вернуть. Тебе понадобятся цветы, публичные извинения или...

— Мне нравится, как ты тут всё устроил.

Сердце падает на пол вместе с кружкой, которую я только начал разворачивать.

Оливия.

Я закрываю глаза и сглатываю. Приказываю себе развернуться и встретиться с ней лицом к лицу, но, кажется, у меня отнялась способность двигаться.

— Тебе нужно закрывать двери,
— говорит она. По тому, откуда
звучит её голос, могу предположить,
что она подошла ближе. — Здесь
опасный район.

Где-то на задворках моего
сознания начинают звенеть
тревожные колокольчики от её
чересчур небрежного тона. По моему
мнению, лучшим сценарием было бы
то, как она бросится ко мне в
объятия. И мне казалось, что худший
сценарий развернётся, если она
отвесит мне пощёчину. Но я

ошибался. *Вот* сценарий, хуже которого не бывает. *Вот* этот безразличный, как-будто-разговариваешь-с-незнакомцем тон гораздо хуже.

Удавка сжимается вокруг сердца. *Слишком поздно.*

Я поворачиваюсь к ней лицом.

На ней всё ещё, как я догадываюсь, рабочая одежда. Чёрные брюки, незатейливые шпильки и кардиган. Розовый.

— Оливия...

Чёрт. *Дерьмо.* Какой скрипучий

у меня голос.

Но она не замечает этого, либо не переживает, что я едва говорю. Ей, кажется, невдомёк, что у меня буквально *трясутся* руки от необходимости обнять её, а горло болит от нужды сказать ей «прости».

И что я люблю её.

Но из моего рта не вырывается ни слова. Я слишком боюсь напортачить. Слишком боюсь услышать от неё то, что уже и сам знаю: *я не достоин её*.

Она наконец встречается со

мною глазами, и у меня сердце проваливается от пустоты в них.

Ни радости, ни гнева. Даже боли нет. Её глаза пусты, и так не похожи на те выразительные зелёные глаза, что я вижу во сне каждую ночь.

— Так в чём план? — спрашивает она, передёргивая плечами и слабо улыбаясь. — Ты собирался просто переехать в квартиру по соседству, как самый жуткий из сталкеров, тайком расспрашивать про меня у соседей, а потом что?

Я не знаю.

Мне тебя не хватает.

Я люблю тебя.

Прошу, ответь мне

взаимностью.

— Привет, — говорю я.

О Божечки, Лэнгдон.

У неё взлетают брови.

— Привет?

Я засовываю руки в задние карманы, чтобы удержаться и не потянуться к ней.

— Сюрприз? — произношу я вместо этого.

На сей раз она прищуривается.

Ладно, всё явно происходит не так, как я надеялся.

— Я собирался сделать какой-нибудь широкий жест, — говорю я в спешке. — Пока ещё не придумал какой. Может быть, заглянул бы к тебе в офис, чтобы спеть серенаду, хоть я и не умею петь. Думал даже нарядиться Эндрю Джексоном, но только из-за того, что Итан предложил костюм, и...

Она вскидывает руку.

— Подожди. Просто

притормози и отмотай назад. *Итан?*

Вот как ты меня нашёл?

— Мой отец знает его отца...

— Ну конечно, знает. Хреновы богачи, — бормочет она.

— ...и я слышал, что ты работаешь на Мистера Прайса.

— У тебя есть мой номер! — вскрикивает она, и всякое подобие спокойствия и равнодушия Оливии исчезает. Она в бешенстве.

И её гневная тирада ещё не закончилась.

— У тебя есть номер моего

телефона и адрес электронной почты, и ты уже продемонстрировал отменное мастерство в сталкеринге людей по социальным сетям! Нашёл бы меня так!

— Знаю, — отвечаю ей. — Просто я...

— Шесть недель, Пол. Прошло шесть *недель* с тех пор, как ты дал мне уйти из твоей жизни. Нет, *вытолкнул* меня из неё. Первые две недели я провела в злости и неверии, совершенно уверенная, что ты позвонишь и извинишься. Потом до

меня дошло, что ты так и не позвонил, поэтому третью и четвёртую я провела в слезах. А в следующую неделю меня поглотила ярость, ведь ты предпочёл любви уединение и полное одиночество.

— А эта? — заставляю себя спросить.

Её голос чуть ломается, и я не могу сдержаться, чтобы не потянуться к ней, но она отстраняется. Это неприятие, пусть и ожидаемое, обжигает меня.

Она задирает подбородок, и,

несмотря на сердце, ухнувшее в
пятки от презрения, написанного на
её лице, мне хочется заплодировать.
Она уже не сломленная,
испытывающая ненависть к себе
девушка, заявившаяся ко мне домой
почти шесть месяцев назад. Она
потрясающая, гордая женщина,
знающая, чего хочет и, что более
важно, чего заслуживает.

И она заслуживает не труса
вроде меня. Но я должен попытаться.

— Эта? — переспрашивает она
вновь ставшим спокойным голосом.

— На *этой* неделе я переступила через всё. Переступила через *тебя*. Не знаю, зачем ты приехал, Пол, но лучше бы ты сперва позвонил, ведь так я бы уберегла тебя от ошибки переезда в эту дыру. Между нами всё кончено, Пол. *Всё*.

Нет!

Паника, пронзившая меня, оказывается гораздо хуже любого испытания, через которое я проходил в Афганистане или после него. И мне известна причина. Она заключается в том, что Оливия не просто научила

меня любить. Она сотворила кое-что гораздо большее. Она научила меня *жить*.

И я не хочу делать это без неё.

Двигаюсь вперёд, но она отступает.

— Я здесь ради тебя, — говорю ей. — Я бы поехал за тобой куда угодно.

Она издевательски смеётся.

— И тебе потребовалось столько времени, чтобы это понять?

— Да.

Мой простой ответ, похоже,

застаёт её врасплох, и я давлЮ
дальше.

— Я не горжусь собой, Оливия.
Совсем не горжусь. Хотел бы я
никогда не отпускать тебя?
Разумеется. Хотел бы я прийти в себя
раньше? Конечно. И, возможно, если
бы мне понадобился всего день или
два на то, чтобы прочистить голову,
тогда да, я бы позвонил. Но, когда
кто-то лагает так жёстко и долго,
как я, он не звонит. Не пишет
сообщения. Не строчит на
электронную почту. Он просто едет к

своей девушке и умоляет её.

Оливия делает ещё шаг назад, но я вижу перемену в её глазах. Всего одну вспышку, но она даёт мне надежду.

— Если уйдёшь, я не стану тебя винить, — тихо продолжаю я. — Но я никуда не уеду. Я останусь здесь, и тебе придётся видеть моё уродливое лицо каждый божий день. Несколько коллег моего отца готовы дать мне шанс войти в корпоративный мир. Люди кайфуют от реабилитировавшихся ветеранов и

всё такое, но меня не волнует, будь это хоть из жалости. Я всё приму и докажу, что стою риска.

Она слабо качает головой, и меня омывает ещё большее отчаяние. Я оглядываю комнату, выискивая что-нибудь, чтобы показать ей, что я изменился. Мой взгляд приземляется на стакан из «Старбакса», и я указываю на него.

— Я купил кофе. Сам. В «Старбаксе» недалеко от Тайм-сквер, который, стоит упомянуть, был переполнен. Люди смотрели. Кто-то

оглядывался дважды, но мне всё равно, — теперь слова в спешке сливаются. — Меня это никак не волнует, Оливия. И я знаю, что уйдёт время — не важно, недели или месяцы, — на то, чтобы доказать тебе, что я не стану больше прятаться, если кто-то не так на меня посмотрит или какой-то придурок скажет что-нибудь оскорбительное. Что бы ни случилось, я останусь здесь, потому что *ты здесь*.

По её лицу сбегает слёзы, и я не знаю их причину — сочувствие,

отчаяние или счастье. Но она утратила тот слой безразличия, а я выложился на полную.

Я неторопливо подхожу к ней, и моё сердце пропускает удар, когда до меня доходит, что она перестала пятиться. Я тянусь за её рукой и неспешно поднимаю её к моему лицу, прижимая ладонь к шрамам. Позволяя ей коснуться меня. Нуждаясь в её прикосновениях.

Оливия издаёт тихий всхлип, и я ласково завожу руку ей за спину, притягивая её к себе.

— Я не хочу жить без тебя, —
заявляю низким голосом. — Но я
знаю, что *смогу*, если ты этого
захочешь. Я знаю, что выживу и со
мной всё будет хорошо благодаря
тебе. Ты сделала меня цельным. Ты
взяла жалкую, сломленную душу,
показав ей, как вернуться к жизни.

Я сглатываю, привлекая её
чутьточку ближе.

— Кажется, я говорю, что ты не
нужна мне для выживания, Оливия.
Знаю, что ты не хотела бы видеть
меня таким, полностью отчаявшимся

и жаждущим. Но это не значит, что я не боюсь влачить жалкое существование без тебя. И не существует ничего, что я не отдал бы за второй шанс с тобой, за шанс сделать тебя счастливой.

Она по-прежнему упорно молчит, и я чувствую подозрительное покалывание в уголках глаз. Поспешно моргаю, чтобы не дать слезам пролиться.

— Прошу, милая. *Пожалуйста.*

Я даже не знаю, о чём прошу её.

Ни о чём. И обо всём.

Люби меня.

Оливия не встречается со мной глазами. Её взгляд сосредоточен на руке, покоящейся на моём лице. Очень медленно она проводит пальцем вниз по каждому шраму, как той ночью у камина много недель назад.

— Ты неправ, — заявляет она тихо.

— В чём? — сердце застревает в горле.

— Ты сказал, что мне

пришлось бы видеть твоё уродливое лицо каждый день, — её взгляд устремляется к моим глазам. — Это неправда. Ты прекрасен.

Я опускаю веки, едва смея надеяться. Завожу и другую ладонь ей за спину, пока обе мои руки не обнимают её надёжно за талию, совершенно неготовые отпустить. Я вынуждаю себя открыть глаза и взглянуть на неё. Хватит прятать.

— Откуда мне знать, что ты не уйдёшь? — интересуется она. Её голос серьёзен, но глаза уязвимы,

отчего кажется, будто у меня застрял нож в сердце.

Я быстро прижимаюсь к ней губами. А потом ещё раз, потому что она очень вкусная, и я так по ней скучал, однако отстраняюсь, чтобы закончить начатое.

— Я никуда не собираюсь. И ты можешь пока мне не верить, это нормально, но поверь *этому*, — я скольжу руками к её лицу, очерчивая большими пальцами скулы. — Поверь, что я люблю тебя.

Теперь её черёд закрывать

глаза, но я слегка отчаянно повторяю свои слова.

— Я люблю тебя и пойму, если этого недостаточно, но...

Она набрасывается на меня с такой силой, что мне приходится сделать шаг назад, чтобы удержать нас на ногах. Обернув руки вокруг моей шеи, она зарывается в её лицом.

— Этого достаточно, — говорит она мне в кожу. — *Этого достаточно.*

Я исторгаю долгий вздох, будто

бы задышав впервые за несколько недель.

— Я заставлю тебя снова меня полюбить, — заявляю ей в волосы.
— Клянусь.

Оливия отрывается от меня, обдавая испепеляющим взглядом зелёных глаз.

— Не будь идиотом. Я никогда не говорила, что больше не люблю тебя.

Я выдыхаю.

— Да?

Она подаётся вперёд и

награждает меня поспешным
нежным поцелуем. И ещё одним чуть
подольше — ровно настолько, чтобы
сплелись наши языки.

— Да, — отзывается она,
отклонившись назад. — Я никогда не
переставала любить тебя. Ни на
секунду. Злилась, грустила и *очень*
сомневалась, что ты здесь ради
правого дела. Но это было отличное
выступление, Лэнгдон. И признаю,
здесь есть и моя вина. Я
подталкивала тебя, когда ты был ещё
не готов, и...

Я раздражённо закрываю ей рот рукой.

— Просто... не надо. Ты поступила правильно, когда уехала, и сделала это по нужным причинам. Мне ещё раз повторить свою речь? Кажется, ты не слушала.

Она хихикает, напоминая мне рай этим звуком.

— Держу пари, ты не рассчитывал на такое шикарное жильё в своём грандиозном плане, — говорит она. — Знаю, местечко паршивое, но... Я полна решимости

делать всё сама, понимаешь?
Никакой помощи папочкиных
кредитных карт и всякое такое.

Я киваю.

— Ну и ладно. Поступлю
также. Но, быть может, мы сможем
заниматься этим вместе?

Улыбка озаряет её лицо.

— Идёт. Но мне нужно кое в
чём признаться.

Я прищуриваюсь от её
провинившегося тона.

— Да-а-а-а?

— Я избавилась от уродливых

кроссовок, которые ты мне купил.
Розовые мне нравятся больше.

Из меня вырывается вздох.

— Ты об этом пожалеешь лет через тридцать. Суставы будет простреливать боль, и тебе придётся купить специальные ортопедические сандалии, потому что ноги у тебя будут все в шишках, а если станет *совсем* скверно...

— Если всё станет совсем скверно, я позаимствую у тебя питонью трость, — прерывает она.
— Настанет моя очередь быть

вредной калекой.

Я отрываю её от земли.

— И я буду рядом с тобой.

Всегда.